

Министерство образования Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Н. В. Досина

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности Социология*

Ярославль 2010

УДК 316
ББК С550.53я73
Д 70

*Рекомендовано
редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2010 года*

Рецензенты:

Попова И. В., доктор социологических наук, профессор;
кафедра политологии Ярославского государственного
технического университета

Досина, Н. В. Гендерные исследования в социоло-
Д 70 **гии:** учеб. пособие / Н. В. Досина; Яросл. гос. ун-т
им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 148 с.
ISBN 978-5-8397-0686-6

В пособии описаны методология, методы, способы и приемы реализации гендерного подхода к анализу социальной и культурной реальности. Главный тезис – конструкционистский, связанный с постклассическими методологиями, прежде всего с методологией постмодернизма. Особое внимание уделено реконструктивным методам сбора данных – всем видам интервью, полевым заметкам включенного наблюдателя, автобиографическому рассказу; описан конверсационный анализ; представлен метод гендерного измерения языка тела.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 040201.65 Социология (дисциплина «Гендерные исследования», блок ФТД), очной формы обучения.

УДК 316
ББК С550.53я73

© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова,
2010
ISBN 978-5-8397-0686-6

Одной из центральных в современной социологии является проблема формирования социальной идентичности и социального запроса к системе образования. Ее решение возможно при условии продвижения гендерного измерения в общественное сознание. Гендерный подход способствует более глубокому анализу результатов исследований, пониманию содержания интересов различных групп российского населения, характера социально-экономических программ и выполнению государством обязательств по реализации международных конвенций, направленных на преодоление гендерной асимметрии. Среди задач гендерного образования наиболее значимыми являются деконструкция гендерных стереотипов и патриархатного устройства общества, легитимация обсуждения и решения гендерных проблем, развитие социальной идентичности личности на основе эгалитарного мировоззрения и толерантного сознания.

Курс гендерных исследований имеет целью дать студентам основы гендерных знаний. Студент-социолог обязан: понимать, на каком уровне развития находится отечественная гендерология, ее концептуальный аппарат и методологический инструментарий; знать основные используемые в гендерной теории исследовательские методы; иметь представление об основных ступенях в организации данных в гендерном исследовании; уметь организовать гендерное исследование. Наибольшее значение в учебном курсе придается методологическим проблемам гендерных исследований, что должно способствовать дальнейшей интеграции гендерного подхода в изучение современного общества, обогащению теории и практики социологического знания, повышению качества, статуса и практической значимости гендерного образования в России.

Раздел 1. Гендерная социология в системе социологического знания

Тема 1. Объект и предмет гендерологии

Объект гендерологии – различные формы социального взаимодействия мужчин и женщин в обществе или различные формы социального взаимодействия с их участием. **Предмет гендерологии** – механизмы формирования разнообразных представлений, переживаний, чувств участников этого взаимодействия, понимания ими условий своей (а не только общей) жизнедеятельности, взаимопонимания мужчин и женщин. До недавнего времени гендерные исследования развивались в отечественной науке как междисциплинарная сфера знания¹. Общенаучная модель исследования гендера включала при этом четыре уровня: социально-институциональный; индивидуально-психологический; нормативно-интерпретационный; культурно-символический. В последние годы данная проблематика начинает концентрироваться и развиваться в отдельных научных дисциплинах: философии, социологии, истории, культурологии, лингвистике и психологии. **Гендерная социология** стала изучать социальный статус мужчин и женщин, с разных теоретических позиций измерять стратифицированное социальное пространство.

Особо следует подчеркнуть, что «гендер» постепенно перестает быть предметом исследования и становится методологическим подходом. Специфика **гендерного подхода** выражается в проблематизации знаний обо всех свойствах, ролях, функциях, особенностях, приписываемых людям на основании их половой принадлеж-

¹ Под междисциплинарной матрицей социологического знания подразумевается вся совокупность родственных социологии дисциплин и их взаимосвязи. В содружестве с психологией, социальной психологией, антропологией, политическими дисциплинами и этнографией она образует подсистему системы научного знания – социальное знание. Родственные дисциплины заимствуют друг у друга понятия и категории, обмениваются результатами исследований, методами и теоретическими выводами.

ности, деонтологизируя их и рассматривая как вероятностные. Среди общеметодологических принципов гендерного подхода – гетерогенность и толерантность, среди специфических – антиэссенциализм, неиерархичность, социальный конструктивизм, активизм. В гендерном подходе предполагается комплексность, в него включаются исследования, анализ, политическая практика, планирование и институциональное развитие во всех сферах общества, что является необходимым механизмом достижения гендерного равенства, понимаемого как необходимость учета существующих гендерных различий, а также как единство прав и возможностей для мужчин и женщин. Мужчины и женщины представляются как гетерогенные группы со значимыми гендерными различиями, требующими специфического подхода к исследованию.

Характеризуя современный этап развития отечественных гендерных исследований, можно прийти к выводу: во-первых, гендерный подход в социологическом знании только начинает внедряться в социологию: основанный на идеях постмодернизма, социального конструктивизма и феминизма, он не традиционен для отечественной социологии; во-вторых, методология гендерного подхода разработана недостаточно; в-третьих, в самом социологическом сообществе наблюдается присутствие андроцентризма и гендерной стереотипии в изучении социальных проблем.

Учебный курс структурирован следующим образом: шесть разделов, включающих 16 тем. Общий объем – 36 часов: 18 часов лекций и 18 часов семинарских занятий. Предусмотрена подготовка рефератов, курсовых и дипломных работ, в периоды производственной практики студентов – выполнение практических заданий по исследованию гендерных проблем.

Тема 2. История развития гендерологии

Начало исследований в области **гендера как специфического процесса** относится к 80-м гг. XX в. Для перехода от феминизма, феминологии и «женских» исследований к гендерологии значим созданный в 1993 г. в Западной Европе Центр исследований проблем женщин и гендера, в котором исследователи (женщины и мужчины) сконцентрировали внимание на историчности,

вариативности, изменяемости общественных отношений. Подчеркивалось, что гендерные отношения пронизывают всю культуру, общественное устройство, государственные институты, методы принятия решений и стиль мышления, накладывая мощный отпечаток на производство, язык, обычаи, искусство. Социально-демографическая общность женщин понималась как элемент стратификации, имеющая экономические и политические аспекты положения, определенные роли в семье и обществе. Большое значение придавалось анализу социопсихологических и социокультурных факторов личностного становления, более глубокому исследованию психики, общественного сознания и мышления в их динамике. Имелось в виду усложнение во времени взаимодействия социальных групп мужчин и женщин и, как следствие, более резкое проявление различий в их реакции на происходящие в обществе процессы, в восприятии действительности и в их опыте, но также и усиливающееся сходство в направлениях и формах их поведения.

Термин «гендер» первоначально принадлежал только **лингвистике** и служил обозначению грамматического рода (английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс). Было также замечено, что понятие гендерной теории в зависимости от контекста можно отнести к разным грамматическим родам. Именно социолингвистам принадлежит заслуга выявления вероятностного, а не постоянного характера различий в мужской и женской речи.

В новом, не грамматическом, смысле термин «гендер» впервые использовал **психолог Р. Столлер** в 1968 г., обозначив им различие понятий «биологический пол» и «социальный пол»². То, что гендер переосмыслил и ввёл в научный оборот психолог, отнюдь не случайно. Непрямая зависимость мужских или женских черт характера от биологического пола уже выводила исследователей на размышления о «природе» маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности). В книге

² См.: Stoller R. Sex and gender. N.Y.: Science House, 1968.

О. Вейнингера «Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике» (1903г.) говорится: «Главное – бисексуальность каждого человеческого существа, наличность в нём в разных пропорциях и мужских, и женских черт характера»³. Американский антрополог М. Мид в 1931–1933 гг. на основании сравнительного изучения трёх племён Новой Гвинеи (арапешы, мундугуморы и тчамбули) пришла к выводу, что модели поведения мужчин и женщин в этих трёх племенах существенно различаются и, таким образом, можно говорить не о природной заданности, а о культурной детерминированности мужских и женских поведенческих стереотипов. Нетрадиционное распределение мужских и женских ролей было выявлено и в культурах североамериканских индейцев, что позволило говорить об обществах с нетрадиционной системой гендерных ролей. Через выявление аномалий – фактов, которые не могли быть объяснены научным сообществом средствами разделяемой ими системы знания (парадигмы), – происходило обоснование категории гендера как междисциплинарного понятия⁴.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. возникает историческое направление под названием «новая историческая наука» (*La Nouvelle Histoire*), или школа анналов. Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Дюби, Э. Л. Ладюри, Ж. Ле Гофф попытались увидеть историю в целом, без деления на историю экономики и историю культуры, историю религии и историю повседневной жизни и т. п. Школа анналов сделала предметом своего интереса не только находящиеся «на виду», то есть идеологические и политические явления и процессы, но и часто скрытые от общественного обозрения «структуры повседневности» (Ф. Бродель), где протекает приватная (частная) жизнь людей и в которой протекает жизнь большинства женщин.

Следует обратить внимание на трансформации в понимании термина «гендер». В 1960–1970-е гг. его содержание противопос-

³ Шютц А. Пол и характер. Пер с нем. М.: Форум XIX–XX–XXI, 1991, С. 5.

⁴ См.: Чикалова И. Р., Янчук Е. И. Гендер // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, П. Н. Соколова, О. Ц. Терещенко. Минск: Книжный мир, 2003.

тавлялось термину «пол» и лишь дополняло эссенциалистское понимание мужского и женского⁵. В 1980-х гг. биологический пол стал пониматься включённым в социально-культурный пол, а социально-конструктивистское понимание гендера как знания, которое создаёт значения для телесных различий, стало доминантным. Исследования 1990-х гг. показали, что в конструировании гендера участвует целый ряд факторов (тип общества, социальные нормы и ожидания). Следовательно, гендер – одна из необходимых, обязательных характеристик среди других в социальном исследовании (таких, как класс, раса, этничность, возраст и сексуальная ориентация). Таким образом, гендер, уходя от прямой коннотации с понятием «биологический пол», становится индикатором исследовательской позиции, методологическим подходом.

В ходе научных споров была сформирована понятийная сетка для обозначения множества явлений, которые еще недавно определялись терминами «пол», «половые», «сексуальные». Наиболее важным понятием гендерной теории является понятие «гендерная система» – социально и властно сконструированная система неравенства по половому признаку, которая рассматривается как способ социальной стратификации общества в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст. Это дает основание для разработки стратегий институциональных преобразований на основе гендерного подхода в контексте общественных реформ. Среди других принципиальных – понятия «гендерная картина мира», «гендерная структура», «гендерные роли», «гендерное неравенство», «гендерная идентичность», «гендерная стереотипия». Стало понятно, что, не ограничиваясь отношениями микроуровня, предмет гендерных исследований постепенно расширяется, позволяя судить об изменении во взаимодействии систем материального

⁵ Эссенциализм – метафизическая теория, в основе которой лежит идея о том, что есть нечто «данное» (Богом или Природой), существующее вечно и поэтому неизменное. Согласно этой теории женщина противопоставляется мужчине. См.: Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация-XXI век, 2003. С. 247.

производства и воспроизводства человека⁶. В современных исследованиях в «гендере» чаще всего видят **социально обусловленный процесс создания, утверждения и подтверждения, а также воспроизводства представлений о мужчине и женщине как субъектах социального порядка в условиях межличностного, группового и массового взаимодействия**. Э. Гидденс подчеркивает, что не физические различия, а социально формируемые особенности мужественности и женственности, социальные ожидания в отношении поведения мужчин и женщин составляют содержание понятия «гендер». Одновременно им дается понятие гендерной системы как набора соглашений мужчин и женщин относительно норм их поведения в обществе. Среди основных и наиболее явных форм и результатов гендерного взаимодействия (соглашений) он выделяет: 1) деятельность женщин в сферах, ранее принадлежавших мужчинам; 2) политическую деятельность женщин, предусматривающую видение и решение не только женских, но и мужских проблем, включая отцовство, совмещение ролей и т. д., возможное с передачей особой информации; 3) общение и диалог мужчин и женщин как сторонников общедемократического процесса развития общества; 4) властные намерения женщин⁷.

Хотя термин «гендер» признается большинством исследователей, существует ряд трудностей, связанных с некоторыми различиями в понимании гендера. В связи с этим представляется необходимым выделить в его современной удерживаемой трактовке три основных подхода:

а) подход, связанный с феминистской критикой общества. Введение гендера в научный оборот в феминистской литературе было продиктовано идеологическими, политическими мотивами – взорвать устоявшееся представление о неизменности мужественности и женственности, основанное на идее биологического детерминизма. Стоит особо заметить, что понятие «гендер» вос-

⁶ См.: Малышева М. М. Современный патриархат. М.: Академия, 2001; Российский гендерный социологический подход. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

⁷ См.: Гидденс Э. Гендер и сексуальность // Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 119.

ходит к либеральной и социалистической традиции политической теории и включает политический опыт женщин: либеральный, марксистский и радикальный. **Либеральный феминизм** – это отстаивание **противоположных и особых интересов социально-демографической общности женщин**, ее социального опыта. Следовательно, это **четкое разделение общественной (публичной) и частной (приватной) сфер человеческой жизнедеятельности**, из которых вторая представляется совершенно свободной от политики, но подпадающей под сферу действия так называемого ответственного материнства. Либеральный феминизм оценивает социальную политику государства в отношении женщин как ограниченную, т. е. считающую женщин общностью, страдающей от невыносимых для нее обстоятельств⁸.

Основные позиции **марксистского (социалистического) феминизма** состоят в следующем: классовое общество дает права немногим мужчинам и женщинам из среднего класса. Цель общественных изменений – экономическая независимость всех женщин, придание им возможности быть профессионалами, войти в рынок оплачиваемого труда, освободиться от домашнего хозяйства, которое может быть обобществлено. Средство таких изменений – участие женщин в классовой борьбе, социалистической революции как стадии экономического развития; определенные исторические условия, построение коммунизма.

Радикальный феминизм получил распространение во второй половине XX века⁹. Он получил признание как государственный феминизм, потому что практиковал обязанности государства по продвижению статуса и прав женщин. В странах Северной Ев-

⁸ См.: Фридан Б. Загадка женственности; пер. с англ. М.: Прогресс; Литера, 1993. В 1966 г. Б. Фридан создала Национальную американскую организацию женщин, которая содействовала принятию ряда законов 1970-х гг. в США: «О равном вознаграждении за труд равной ценности», «Дискриминация по признаку пола», созданию Комиссии по равным возможностям. Впервые прозвучали термины «позитивная дискриминация» – льготы и привилегии для женщин, «обратная дискриминация», при которой женщин-профессионалов продвигают в первую очередь. Впервые пунктуально был поставлен вопрос о социальных мерах воспитания детей.

⁹ См., например, Бовуар де С. Второй пол: в 2 т. Т. 1: Факты и мифы. М.; СПб: Прогресс; Алетейя, 1997.

ропы (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) он содействовал установлению социал-демократических режимов, то есть многопартийной демократии и выборов на основе пропорционального представительства. Результатом стали государственные механизмы по обеспечению равного статуса мужчин и женщин с задачей консультирования лиц, принимающих политические решения; с мерами дальнейшего расширения политической деятельности женщин; с программами продвижения гендерного равенства с помощью министров по вопросам гендерного равенства как области социальной политики; с изменением положений законодательства по найму и увольнению работников, по продвижению по службе, по равной оплате труда.

Феминистские исследования, безусловно, явились, с одной стороны, первоисточком гендерных исследований, а, с другой стороны, сменив феминистскую методологию эссенциализма методологией конструктивизма, в трансформированном виде влились в гендерные исследования. Опасение, что гендерные исследования перестанут быть в первую очередь критической теорией общества, заставляет определённую часть феминистского сообщества на Западе с недоверием относиться к понятию «гендер» в современном его понимании и к гендерным исследованиям. Ныне, на рубеже тысячелетий, писала Дж. Скотт, понятие гендера выявило свою историческую ограниченность¹⁰. Скептицизм, который наряду с объективностью и рациональностью считался прерогативой «мужского» типа мышления и теперь проникший в гендерные исследования, на взгляд автора пособия, оправдан и свидетельствует о силе гендерного научного сообщества. Уход понятия гендера из научного дискурса на Западе означает результативность гендерного анализа: гендер позволил разделить биологию и культуру (в ущерб, возможно, дальней перспективе, но полезной в тот самый момент) и подтвердить изменение в отношениях полов как аспект не опасного социального инженерного искусства, но исторического процесса. Сама Дж. Скотт в докладе «Фантазии тысячелетия: будущее "гендера" в 21 веке» (2000) сообщала, что категория гендера в 1970–1980-е гг. явилась полезным орудием «раскачивания» устоявшихся

¹⁰ Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 142–171.

гендерных стереотипов в отношениях между полами. Конструктивистское понимание гендера, защищающее идею культурной заданности в интерпретации даже тела и телесности, разрушило строгое деление на биологический пол и гендер и, кроме всего прочего, привело к противопоставлению феминизма и науки. Дж. Скотт испытывала затруднения, полагая, что если гендер сопряжён только с культурой, а биологический пол – с естественными науками (в частности, с биологией), то успехи биологии, становящейся ядром современной научной картины в области раскрытия тайн пола, оказываются не учтёнными категориями гендера в его современном конструктивистском понимании. Вот это-то затруднение Дж. Скотт и озвучила, предложив уходить от понятия гендера;

б) подход в современных **«женских» исследованиях** сводится к восприятию исследователями мужчин и женщин как субъектов, источников активности, направленной на объект. Отмечу несколько подходов в восприятии исследователями мужчин и женщин как субъектов общества: а) на Востоке выделяется женское (Инь) и мужское (Ян) начала. Они представляются как бинарные, равные, равноценные, дополняющие друг друга в природе и в культуре. Сущность бытия, по мнению этих исследователей, не в женщине и мужчине самих по себе, а в богатстве их отношений. Возникающая при этом проблема заключается в том, что разные женщины и мужчины принадлежат к разным расам, этническим группам, социальным классам и т. д.; б) на Западе в основе выводов лежит суждение об обусловленности человеческого поведения биологией. Утверждается, что генетический материал человека содержится в клетке – 23-х парах хромосом. Последняя из них содержит хромосомы пола. У женщин оба элемента пары здесь тождественны (XX-хромосомы), у мужчин они разные (X- и Y-хромосомы). Проявление разницы происходит при половой зрелости. От этого якобы происходит сила и агрессивность мужчин, проявляющиеся более всего в публичной сфере, которую они монополизируют, пассивность и кроткость женщин, относящихся к приватной сфере. **Внимание исследователей акцентируется на двойственности, разделенности положения и позиций мужчин и женщин, специфичности их отношения к обществу.** Мужчина и женщины исследуются здесь в социальных

ролях как сконструированных, как данности. Мужчина и женщина, по мнению некоторых авторов, не самодостаточны, они взаимопредполагают и взаимоисключают друг друга (нормативный дуализм);

в) **подход в гендерных исследованиях.** Более всего вероятно, что следует говорить не просто о переходе от феминистских и женских исследований к гендерным, а о **возникновении гендерных исследований** в конце 80-х гг. XX в. и формировании гендерного подхода в изучении человека и общества. Можно сказать, что **понимание гендера в гендерных исследованиях отличается** от понимания гендера в феминистских и «женских» исследованиях следующим: **уходом от эссенциализма; приверженностью теории социального конструирования; расширением предметного поля исследования** – включением наряду с женскими исследованиями «мужских» исследований, теорий сексуальности, квир-исследований; **расширением методологических подходов**, в том числе за счёт включения отторгнутых ранним феминизмом второй волны подходов (например, методов аналитической философии)¹¹. **В гендерных исследованиях** пол рассматривается как социальный конструкт, который создается властью и обществом, воспроизводится людьми и структурирует, стратифицирует социум и определяет специфику его исследования¹².

Несмотря на признание и распространенность понятия «гендер», определенная часть социальных концепций не учитывает в познании фактор гендера. Особенно это свойственно отечественным исследователям, игнорирующим гендерный подход как в экспериментальных, так и в теоретических построениях. Причиной является то, что гендерный подход построен на идеях постмодернизма, конструктивизма и феминизма, не традиционных для российской науки. Кроме того, методология гендерного подхода в отечественной литературе не отработана. Надо признаться, что и в самом академическом сообществе сильна ошибочная линия ан-

¹¹ См.: Louise M. Antony. *Fantasies for Empowerment and Entitlement: Analytic Philosophy and Feminism* // *APA Newsletters*. Vol. 2, № 2. Spring 2003. P. 126–129.

¹² См.: Oakley A. *Sex, gender and Society*. Paris, 1972.

дроцентризма и гендерной стереотипии в изучении социальных проблем.

Может быть, это связано с историей развития социальных наук в России. На мой взгляд, в развитии российской науки о взаимоотношениях мужчин и женщин можно выделить несколько этапов: **предреволюционный**, который характеризуется осмыслением идеологии женского вопроса, зарождением женского движения; **послереволюционный**, когда разрабатывались программы социальной поддержки женщин и шел процесс их реализации. После 30-х гг. XX в., когда был выдвинут тезис о решении женского вопроса, женское движение почти полностью затихло. В 1950-х – 1970-х гг. многие советские ученые разделяли официальную точку зрения, что женский вопрос в СССР уже решен, и прекратили исследования темы. Вновь этот вопрос стал изучаться только **с 1987 года**. Причем процесс освоения отечественными исследователями **гендерного подхода** прошел ряд этапов:

- этап прямого калькирования зарубежного опыта (1980-е – 1996 гг.), характеризующийся знакомством с западными феминистскими и гендерными теориями и переводом на русский язык наиболее известных работ классиков этого направления. Категории «пол» и «гендер» понимаются на этом этапе как диаметрально противоположные, имеющие разные (биологические и социальные) основания. Впервые проводятся семинары, конференции, летние школы по гендерным исследованиям, отражающим эту позицию¹³;

- этап адаптации западных теорий к российскому контексту (1997–2001 гг.), когда появляются отечественные экспериментальные работы, посвященные анализу гендерной системы, властных отношений в институтах российского общества, гендерной социализации. Описаны основные и ложные (квазигендерные) подходы в социальных науках, выявлена специфика использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Издаются учебники, методические пособия, хрестоматии, посвященные теории и методологии гендерных исследований;

¹³ См.: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай – 96». М.: МЦГИ, 1997.

- этап методологической рефлексии (с 2001 г. по настоящее время), характеризующийся попытками обоснованной критики методологических искажений, некорректных использований принципов гендерного подхода. Так, Т. В. Барчунова пишет о воспроизведении гендерных стереотипов в самих гендерных исследованиях, неразличении гендерных особенностей и представлений и, как следствие, их онтологизации. Появляется критическое сопоставление особенностей «западной» и «русской» политико-культурной, социокультурной и интеллектуальной среды. Происходит понимание того, что наши знания, в том числе о половых особенностях, социально и культурно обусловлены¹⁴.

Представляется, что в современных отечественных исследованиях термин «гендер» является категориальным указателем на множество специфических (постмодернистских, феминистских, конструктивистских) теорий и практик, акцентирует непрямую взаимосвязанность и взаимообусловленность биологического пола, репродуктивной функции, сексуальной ориентации и социальной идентичности человека. В то же время первоначальная критическая оппозиционность гендерного подхода по отношению к традиционным теориям сменяется интегративными тенденциями. Так, С. А. Ушакин пишет о невозможности выстраивания структуры в науке на основании исключительно одного (в данном случае – полового) признака. Следовательно, методологической ошибкой является рассмотрение пола как доминирующего или единственного фактора в исследовании, преувеличение его значения без учета класса, возраста, национальности, статуса мужчин и женщин в обществе, в определенном контексте и ситуации¹⁵. В конце 90-х гг. определяются основные направления исследований гендера: гендерный анализ политики и гендерная экспертиза законодательства; эмпирические исследования гендерных отношений в различных сферах российского общества; образовательная деятельность в рамках системы образования;

¹⁴ Барчунова Т. В. «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 180–193.

¹⁵ Ушакин С. Поле пола: в центре и по краям // *Вопросы философии*. 1999. № 5.

консультативно-просветительская работа с представителями государственных и общественных организаций, СМИ; издательская деятельность научной, образовательной литературы и публицистики для разных слоев населения. Гендерные исследования актуализируют принципы холизма и гетерогенности, включая в анализ все больше переменных. Мужчины и женщины представляются как гетерогенные группы, в рамках каждой варьирование изучаемого признака может быть огромно, а сходства между группами могут превышать различия, и, как следствие, расширяется понимание моделей маскулинности и фемининности. Тем не менее гендерные различия остаются по-прежнему значимым и распространенным предметом исследования.

Вопросы для самопроверки

1. Теоретико-методологическая классика гендерной социологии.
2. Научность гендерного подхода как открытая проблема.
3. Чем объяснить интерес гендерологов к методологии постмодернизма?
4. Каковы причины трудностей современных российских исследователей гендерных отношений в освоении методологии постструктурализма и постмодернизма?

Раздел II. Понятийный аппарат гендерных исследований и его адаптация в социологии

Тема 3. Отличие понятий «пол» и «гендер» в теориях социализации и социального конструирования

В социологической науке до сих пор сохраняются различия в понимании взаимодействия биологического и социально-культурного полов, два основных подхода к пониманию процесса создания гендера. В рамках **полоролевого подхода**, предложенного Т. Парсонсом, Р. Бейлсом (США), Т. Комаровски (Польша) (Parsons, 1949; Parsons, Bales, 1955; Komarovsky 1950), разрабатывается **теория гендерной социализации**, в центре которой лежит идея социализации как процесса научения и интериоризации (перевода внешнего во внутреннее) культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих общество, создающих иерархическую пологендерную систему. Научение предполагает усвоение и воспроизведение существующих в этой системе норм. Основанием этого концепта является суждение о личности как относительно пассивной, не создающей, а воспринимающей, усваивающей культурную данность. Теорию «конвенциональной гендерной социализации» достаточно резко критикует профессор Корнельского университета (США) С. Бем. В настоящее время она отвергает и ею же выдвинутую **теорию андрогинии**. В андрогинном поведении, замечает автор, конечно, отражается реальное отсутствие чисто мужских или чисто женских качеств: девочки и мальчики, женщины и мужчины могут быть эмоциональными и не очень, самостоятельными и зависимыми, мягкими и жесткими, болтливыми и неразговорчивыми, боязливymi и бесстрашными. Более того, исследования показали, что люди андрогинного типа более всего приспособлены к жизни и гораздо реже испытывают стрес-

сы, связанные с полоролевыми конфликтами¹⁶. Но есть, по ее мнению, определенная угроза сглаживания дихотомии мужского-женского в сознании и поведении человека, относящаяся к утрате позитивной социальной идентичности. Институты семьи, школы, политики, СМИ, рынка труда продолжают закреплять полоролевые предписания, глубоко укореняя социализацию пола, подвергая людей влиянию традиционных взглядов повсеместно и постоянно, и противостоять сложившейся практике гендерного обучения очень сложно. Проблема **симметричного конструирования женского и мужского в культуре** требует, по мнению С. Бем, значительных изменений в структуре общественных институтов¹⁷.

Второе понимание гендера, выросшее из длительного и широкого социологического дискурса, основывается на **концепции социального конструирования**. Питательной почвой формирования данного исследовательского направления стали, по крайней мере, три социологических подхода:

1) **социально-конструктивистский подход** П. Бергера и Т. Лукмана, изложенный в работе 1966 г. «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания». Социальная реальность, объясняют авторы, является одновременно объективной (отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида) и субъективной (это субъективный мир, постоянно создаваемый самим индивидом). Гендерные отношения, иначе говоря, являются, с одной стороны, объективными, потому что индивид воспринимает их как внеположенную данность, с другой стороны, субъективными как социально конструируемые самими людьми каждодневно, ежеминутно, здесь и сейчас. **Гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, во-**

¹⁶ См.: Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов; пер с англ. М.: РОССПЭН, 2004; Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М: МЦГИ – ООО «Солтекс», 2006. С. 125–133.

¹⁷ См.: Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М: МЦГИ – ООО «Солтекс», 2006. С. 125–133.

площенный в представлениях, предпочтениях, практиках бытования, это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться: она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия и взаимодействия¹⁸.

Идея конструирования подчеркивает деятельностный, активный характер усвоения жизненного опыта: **субъект** не только усваивает и воспроизводит, но и **создает** гендерные правила и гендерные отношения. Значит, **он в состоянии и разрушить их**, изменить социальную структуру. В этом заключается **первое отличие теории конструирования гендера от традиционной теории гендерной социализации.**

Второе отличие обсуждаемого подхода заключается в понимании гендерных отношений не просто как различия-дополнения, а как **конструируемых отношений неравенства**, в рамках которых мужчины занимают доминирующее положение: дело не только в том, что в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины – экспрессивную роль (Parsons, Bales, 1955), но и в том, что исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в **публичной сфере**, вытеснение женщины в приватную, при том что сама **приватная сфера** оказывается менее значимой, менее престижной и даже репрессированной в западном обществе периода модерна. Женщины, как показывает анализ распределения рабочих мест, занимают исполнительские позиции неключевого характера в отношении принятия решений. То же самое относится и к сфере политики. Итак, начиная анализировать гендерные отношения на уровне межличностного взаимодействия в контексте формальных конвенциональных актов, исследователь может прийти к выводу, что гендер конструируется на макроуровне социальных институтов, чья деятельность может вызывать возражения. Другими словами, акцент сделан не на измерении и описании гендерных различий, а на анализе процесса их конструирования. Гендерные различия изучаются не как продукт и результат, а как процесс. И методы исследования таких

¹⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

процессов преимущественно качественные, среди которых основной – анализ дискурсивных практик как средства конструирования реальности вообще и гендера в частности.

Конструктивистский взгляд на гендерное измерение взаимодействия приводит к методологически обоснованному **отказу от концепции социальных ролей** (гендерных ролей) и **концепции психологических половых различий**. С точки зрения конструктивистов, **гендер нельзя мыслить как социальную роль**: роли ситуативны и в принципе сводимы к набору операций, в одной ситуации эта роль может быть ролью врача, в другой – супруга(и), в третьей – спортсмена(ки), при этом гендерная вариация присутствует в исполнении каждой из ролей. Гендер оказывается квазиролью, которая пронизывает все остальные ролевые спецификации, является базовой идентичностью (если говорить другими словами), на которую нанизываются все другие. В этом отношении **гендер** является категорией, подобной этничности, – она точно так же **обуславливает тот контекст, который приобретают конкретные роли** для личности или социальной группы.

Гендер не сводим и к совокупности психологических черт личности (соответственно мужских или женских). Психологизация гендера, по утверждению сторонников конструктивизма, препятствует анализу того, каким образом социальные институты становятся гендерно специфицированными. Гендерные отношения как социальные отношения неравенства по признаку пола встроены в социальный порядок таким образом, что приписывание психологических черт является лишь аспектом этих отношений.

Итак, **гендер** – это не роль и не совокупность психологических черт, а **базовая идентичность**¹⁹. **Гендерные отношения – это отношения стратификации, в основе которых лежат отношения власти. Различия мужского и женского сконструированы как неравенства возможностей**. Отсюда определенные исследовательские задачи, и прежде всего задача выяснения ресурсов создания гендера. Если мы рассматриваем гендер как по-

¹⁹ Идентичность – тождество. Термин относится, с одной стороны, к процессу имитации, подражательного поведения, с другой стороны, особенно в исследованиях личности, обозначает эмоциональное слияние с объектом.

стоянно создаваемое взаимодействие, то необходимо рассмотреть те средства, которые могут быть использованы обществом для того, чтобы создать мужское и женское как неравное, весь набор практик взаимоотношений между людьми с точки зрения ресурсов, которые сознательно и бессознательно используются для получения людьми преимуществ и определения своего места в обществе.

Для того чтобы выяснить, каким же образом создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи и различают аналитически три главных понятия: **биологический пол (sex)**, **приписывание пола** (категоризация по полу) и **гендер**²⁰. Биологический пол – это совокупность биологических признаков, которые являются лишь предпосылкой отнесения индивида к тому или иному биологическому полу. Д. Ломбер, представляя одну из схем движения от биологического к социальному, показывает предпосылки и компоненты гендера, которые, безусловно, могут быть рассмотрены и как этапы становления гендера в качестве статуса и структуры:

- пол (sex) как биологическая категория, непосредственно данное сочетание генов, определенный гормональный набор;
- пол (sex) как социальная категория – предназначение от рождения;
- половая (sex – gender) идентичность – осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего мужского или женского тела, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте;
- пол (gender) как процесс – обучение, научение, принятие роли, овладение поведенческими действиями, уже усвоенными в качестве соответствующих определенному гендерному статусу;
- пол (gender) как статус и структура – завершение оформления гендерного статуса индивида как части общественной струк-

²⁰ См.: Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. О. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб: Буланин, 2000. С. 193–220.

туры предписанных отношений между полами, особенно структуры господства и подчинения²¹.

Ясно, что образование гендера идет через несколько процессов, причем формирование половых различий является только одним из них. Дж. Экер, например, выделяет пять взаимодействующих гендерных программ. Они таковы:

- построение разделения труда, места пребывания, физического пространства, дозволенного поведения, власти в зависимости от половой принадлежности;

- создание символов и образов, которые объясняют, выражают, закрепляют или противостоят этому разделению;

- различия во взаимодействиях женщина/мужчина, женщина/женщина, мужчина/мужчина, проявляющиеся в речи, ее прерывании, в очередности ведения диалога, в предложении тем для обсуждения, в невербальных компонентах поведения;

- формирование гендерных компонент индивидуальной идентичности или, иначе, гендерных личностных структур;

- вовлечение гендера в фундаментальные продолжающиеся процессы создания и концептуализации социальных структур²².

Анализируя каждую из приведенных программ, мы приходим к выводу, что четыре из них тесно соприкасаются с социальной, возрастной, педагогической психологией, с психологией личности, а пятая (предыдущие частично тоже) входит в перечень фундаментальных проблем общество- и человековедения. **Категоризация по полу или приписывание пола** в отношении индивида имеет социальное происхождение. Наличие или отсутствие соответствующих первичных половых признаков не гарантирует, что индивида будут относить к определенной категории по полу. Процедура приписывания пола постоянно сопровождает повседневное человеческое взаимодействие²³. В пользу данного тезиса американские фемини-

²¹ Цит. по: Григорьева Н. Н. Развитие представлений о гендере и гендерных особенностях в психологической науке // Экономико-правовое развитие современной России: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. И. Н. Шапкина. Вып. 5. М.: МИЭМП, 2008. С. 190.

²² См.: Там же.

²³ Цит. по: Ключко О. И. Общероссийские и региональные особенности гендерного подхода в социальном познании // Регионология. 2009. № 2.

стские исследователи К. Уэст и Д. Зиммерман (1997) приводят пример «гендерного сбоя». Клиент-социолог приходит в компьютерный магазин и обращается к продавцу за консультацией, сталкиваясь с затруднением в коммуникации лицом к лицу: он не может определить пол человека, к которому адресует свой вопрос. Исследователи приходят к выводу, чрезвычайно важному для микросоциологии гендерных отношений, а именно: приписывание пола (категоризация принадлежности по полу) является базовой практикой повседневного взаимодействия; она становится обычно нерелексированным фоном для коммуникации во всех социальных сферах, и избавиться от нее не представляется возможным. Как результат повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения, мыслится **гендер**. Он не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а **постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях**. Отличие пола, категоризации по признаку пола и гендера позволяют исследователям выйти за пределы интерпретации пола как биологической данности, как константы, как аскриптивного статуса, противопоставленного гендеру – достигаемому статусу. Одновременно это «культурное производство» скрывается и выдается обществом за проявление некоей биологической сущности. Каким образом конституируется категория принадлежности полу в том или ином контексте, мы можем понять, лишь проанализировав механизмы работы той или иной культуры. Характеризуя понятие гендера, О. А. Воронина подчеркивает, что оно означает «и сложный социокультурный процесс: продуцирование обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам результат – социальный конструкт гендера»²⁴. Ясно, что гендерные отношения – это **работа культуры по приписыванию половой принадлежности**. Конструктивисты дают следующее определение: **гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального по-**

²⁴ Цит. по: Воронина О. А. Основы гендерной теории и методологии // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. С. 105.

рядка. Итак, необходимость производства мужественности и женственности коренится в представлениях о социальной компетентности участников взаимодействия. Это производство непрерывно, оно не сводится к ролевым исполнениям, но характеризует личность тотально и выражается в гендерном дисплее.

Согласно же **перформативной теории гендерной идентичности**, не существует истинной природы женщины или истинной природы мужчины, вытекающих из их телесных особенностей. Гендер является результатом или следствием перформативных действий (*performative acts*), осуществляемых в определенном культурном контексте, а видимость его естественности создается этим многократным повторением. Механизм изменения идентичности заключен, пишет Дж. Батлер, в «практике повторного означивания»²⁵;

2) **теория соотношения публичной и приватной сфер общественной жизни. Публичная сфера** условно дифференцирована на политический, экономический и символический миры, каждый из которых продуцирует отношения между полами. Области для анализа «гендерного маскарада» в сфере оплачиваемого труда чрезвычайно многообразны: институты – мир рабочих мест и профессий; мужские и женские сферы занятости; квалификационная иерархия между профессиями и внутри одной профессии; различия в количестве и содержании жизненных шансов социальных мужчин и женщин и различия в их жизненных стратегиях. В сфере политики важны не только цифры, иллюстрирующие соотношение мужчин и женщин в электоральном поведении и подсчет результатов голосования мужчин и женщин за разные партии, но и диспозиции в политической элите, ходы политических карьер, механизмы компенсации дефицитов власти за счет ресурсов «гендерного маскарада», построение имиджа политического лидера-мужчины как супермена и использование обаяния как козыря в политической карьере женщины, в арсенале ресурсов создания гендера в политических отношениях. Средства массовой информации воспроизводят и усиливают образы гендерного мира, создают однозначно относимую к тому или иному

²⁵ Butler Yu. *Gender Trouble // Feminism and the Subversion of Identity* N. Y.: Routledge, 1990. P. 145.

полу и заряженную сексуальностью символику, используют символический капитал в производстве гендера, образы супермужчины и суперженщины, создают диапазон возможных выборов и показывают, каковы шансы мужчин и женщин в управлении порядком.

Приватная сфера (сексуальность, межличностные отношения дружбы, отношения заботы, семья) представляет собой другую сферу создания гендерного порядка. Дом как категория является миром женщины как в традиционном обществе, так и в обществе периода модерна. То, как он устроен, какое место он занимает в социуме в целом, какое место в мире Дома занимает мужчина, становится предметом анализа гендерных практик данного общества.

Но если ввести в анализ мир органической солидарности и коммуникации, особенно непосредственной, если сменить взгляд на природу социального как продукта рационального, функционального или договорного результата взаимодействия автономных индивидов, социальность окажется продуктом постоянного взаимодействия между различными элементами социальной среды, которая, в свою очередь, находится «внутри матрицы природного»²⁶. В этих условиях главная задача социального познания будет состоять в учете трансверсальности – проявлении множественности социальных образований, взглядов, идеологий, психологий, ментальностей, языковых практик, языковых игр, культур, традиций, форм жизни. Будет необходимо утвердиться в мысли, что жизненные формы не могут быть как более низкие или более высокие, правильные или неправильные. Проблема познания в современных условиях состоит не в том, чтобы универсально распространять высшую культуру и единственно верную истину, а в том, чтобы развить взаимопонимание разных культур и людей, их коммуникацию. И если государство перестает нуждаться в услугах науки ради рационализации жизни, оказывается, что в качестве высшей ценности, регулятива и границы познания не может не выступать повседневность как форма протекания человеческой жизни, как целостный социокультурный жизненный

²⁶ См.: Matffessoli M. La connaissance ordinaire. Paris, 1985. P. 1–2.

мир человека. С этим изменяется и отношение к приватной сфере как части повседневности, и к женщине как занятой прежде всего в приватной сфере жизнедеятельности. С этим убеждением в анализ включается **соотношение приватной и публичной сферы в данном социуме**, ключевое для конструирования власти в отношениях между полами.

3) **положение о рекрутировании (конструировании) социальных, в том числе гендерных, идентичностей**²⁷. Понятие рекрутирования гендерной идентичности приходит на смену понятию полоролевой социализации. С. Е. Кэхилл описывает опыт дошкольников и приходит к выводу, что смысл самоприписывания пола для ребенка заключается в идентификации себя как социально-компетентного субъекта. Ребенок называет себя соответственно мальчиком и девочкой прежде всего для того, чтобы быть взрослым в глазах других людей. Первоначальная категоризация осуществляется, когда выделяется, с одной стороны, ребенок (ему нужен контроль взрослых), с другой стороны, более компетентные мальчики и девочки. В результате выбор гендерной идентичности осуществляется в пользу predetermined анатомически половой идентичности. Ситуация следующая: ребенок (мальчик) в группе дошкольников играет с ожерельем и надевает ожерелье себе на шею, но хочет, чтобы этого никто не видел. Подходит воспитательница и говорит: «Ты хочешь это надеть?» Мальчик говорит: «Нет, это носят девочки». «Но это носит

²⁷ Гендерная идентичность, подчиненность правилу характеризует человека с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом для него наиболее значимой. С точки зрения Э. Эриксона, идентичность опирается на осознание временной протяженности собственного существования, позволяет человеку определить степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей неповторимости и уникальности. Гендерная идентичность является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, поскольку гендер включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом. Понятие несинонимично понятию «сексуальная идентичность», которая может быть описана с точки зрения самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности (см.: Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 32–33).

и король», – отвечает воспитательница. Ребенок возражает: «Я не король, я мальчик». Суть аргумента Кэхилл видит в том, что роль мальчика выбрана в данном случае сознательно, маленький человек рекрутируется в категорию принадлежности по полу, потому что он хочет использовать ресурс компетентности, хочет быть взрослым, принадлежащим к тому социальному порядку, в котором он может быть только мужчиной или женщиной²⁸.

Исследования, посвященные Я-концепции и гендерной идентичности взрослых, показывают, что гендерная идентичность – незаконченный результат. В течение жизни она наполняется различным содержанием в зависимости от социальных и культурных изменений, а также от собственной активности личности. Гендерная идентичность представляется как более широкое, чем полоролевая идентичность, понятие, поскольку гендер включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом (от прически до особенностей туалета). Гендерная идентичность не синонимична и сексуальной идентичности, которая может быть описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности²⁹.

Возможности конструктивистской интерпретации гендерного порядка приводят к переформулированию теории социализации в категориях рекрутирования (конструирования) гендерной идентичности. Теоретическая посылка о конструировании гендера делает возможным положение о его реконструировании и изменении. Отношения между мужским и женским, представления об этом отношении могут изменяться. Для того чтобы обеспечить возможности социального изменения, необходимо контекстуализировать отношения неравенства между явленными представлениями о сущностно мужском и женском.

²⁸ См.: Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов. С. 32.

²⁹ См.: Радина Н. К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов. С. 32–33.

*Тема 4. Понятие гендера
в социологической теории коммуникации
И. Гофмана. Социальное конструирование
гендера в трудах Г. Гарфинкеля,
П. Бергера, Т. Лукмана*

В теории социального конструирования ответ на вопрос, как концептуализировать контексты, в которых создаются базовые категории мужского и женского, фундирован другим теоретическим фреймом – социологическим (драматургическим) интеракционизмом И. Гофмана. По утверждению Гофмана, основным механизмом создания гендера на уровне межличностного взаимодействия лицом к лицу является **гендерный дисплей**³⁰. В коммуникации лицом к лицу, пишет Гофман, обмен разного типа информацией сопровождается фоновым процессом создания гендера – *doing gender*. Гендерный дисплей как представление половой принадлежности во взаимодействии (как спектакль) столь тонок и сложен, что его исполнение не может быть сведено к определенным репликам, костюмам, гриму и антуражу и пр. Вся атмосфера – стиль, хабитус (в лексиконе других социологов, в частности П. Бурдьё) составляют дисплей гендера. Гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы, т. е. **как женщины / мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации**. Эта виртуозная игра выучена актерами давно, она срослась с их жизнями, поэтому выглядит естественным проявлением их сущности – выражением не гендера, но естества (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера, – каждую минуту участвуя в этом маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность. Коммуникативное доверие основывается на возможности идентифика-

³⁰ См.: Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 306–335.

ции, основанной на социальном опыте агентов взаимодействия. **Быть мужчиной и женщиной и проявлять это в дисплее – значит быть социально-компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, приемлемые в данной культуре.** Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи. Различия гендерных дисплеев затрудняют сведение их к биологическим детерминантам, но зато заставляют обратить внимание на **властное измерение отношений между полами, явленное в дисплее.**

Вслед за Гофманом конструктивисты, используя понятие гендерного дисплея, подчеркивают, что гендерные отношения невозможно свести к исполнению половых ролей, что механизмы гендера более и предельно тонки, и гендер нельзя сменить, подобно платью или роли в спектакле: он сросся с телами агентов взаимодействия. Средства, которые используются в обществе для выражения принадлежности по полу, то есть модели уместного в конкретной ситуации поведения, они, как и Гофман, именуют **формальными конвенциональными актами**, построенными по принципу «утверждение – реакция» и способствующими сохранению и воспроизводству норм повседневного взаимодействия. Предполагается при этом, что исполнителями конвенциональных актов являются социально-компетентные действующие лица, включенные в данный социальный порядок, гарантирующий им защищенность от посягательств «безумных» (социально некомпетентных) индивидов. Всякое ситуативное поведение, всякое сборище (gathering) мыслится как гендерно окрашенное: официальная встреча, конференция, банкет – один ряд ситуаций; деловой разговор, исполнение работы, участие в игре – другой; воспитательные практики, сегрегация в использовании институциональных пространств – еще одна группа примеров.

Осознание **связи гендерных проявлений с контекстами эффективной коммуникации** привело к использованию конструктивистами (Г. Гарфинкелем, П. Бергером, Т. Лукманом и другими социологами) **понятия подотчетности и объяснимости (accountability)**. Процесс коммуникации предполагает не-

которое количество негласных допущений или условий, создающих сами возможности взаимодействия: дисплей – это сертификат, гарантирующий признание человека как нормального, не нуждающегося в социальной изоляции и лечении. Когда взаимодействующее лицо вступает в коммуникативный контекст, оно, сообщая о себе некую информацию, способствующую наведению коммуникативного моста, формированию отношения базового доверия, демонстрирует себя. Сохранение социального интерактивного порядка гарантирует социальное воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее. Как только дисплей выходит за пределы подотчетности, перестает вписываться в общепринятые нормы бытования, его исполнитель попадает в ситуацию гендерной проблемы. Если женщина попытается стать тамадой на грузинском застолье, если мужчина-отец возьмет в сегодняшней России бюллетень по уходу за грудным младенцем при живой и здоровой матери, если мальчик в детском саду открыто выразит свое предпочтение игре в куклы – все они столкнутся с сомнением общества в их социальной компетентности как мужчин и женщин. Это сомнение обусловлено тем, что их поведение не укладывается в созданные обществом нормы гендерного дисплея.

Критика И. Гофмана со стороны феминистских конструктивистов относится только к указанию на недооценку проникающей способности гендера. Анализируя социальные взаимодействия, Уэст и Зиммерман показывают, что явление половой принадлежности происходит не на его периферии, не только в моменты переключения видов деятельности, но пронизывает взаимодействия на всех уровнях. Такая вездесущность и всепроникаемость гендера связана, в том числе, с дискурсивным строением речи, подчеркивают авторы.

Замечу, что в нашей приверженности гендерным ролям очень важна оценка нормативного давления. **Термин «нормативное давление»** (normative pressure) описывает механизм того, как именно человек вынужден подстраиваться под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы общество его не отвергло. **Гендерная система** обычно характеризуется как набор соглашений мужчин и женщин относительно-

но норм их поведения в обществе. Устойчивость гендерной системы держится на юридических и экономических механизмах, на идеологических и политических практиках. Гендерная система определяется также как асимметричная: мужское, маскулинное – первично; женское, фемининное – вторично, незначимо, противопоставлено мужскому, полярно ему. Безусловно, **такая система** господства, властвования, распространяемая через правила, санкции и стереотипы, утверждают авторы, **изжила себя, но по инерции продолжает жить** и проявляет себя в первую очередь в трудностях на пути человека, который, например, хочет быть и работником, и родителем. **Социальная заданность поведения сохраняется ввиду отсутствия социальных технологий изменения этого поведения.** Реализуется специфика практического сознания – по Аристотелю – все должно быть использовано, употреблено. Хотя у М. Вебера мы можем найти такое положение: недоказуемые обычным рациональным способом ценности являются основой практического сознания. Но для этого надо, как пишет Э. Кассирер, уяснить не объем понятия, а его содержание, привлечь к анализу собственные переживания, образы и способность духа³¹. Другой порядок пока просто не запланирован, не предусмотрен. В связи с этим необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на Декларацию конференции министров стран ЕС (сентябрь 2005г.), отвечающих за вопросы гендерного равенства и выступивших с обзором Декларации тысячелетия ООН о целях в области развития гендерного равенства на период до 2015 г. Она характеризует властно-политические условия для равного участия всех слоев мужского и женского населения в представлении и отстаивании ими своих групповых интересов и решении общественных проблем. Но главное внимание в ней все же обращается на совокупность конкретных действий групп женского населения по достижению гендерного равенства. В соответствии с этим во множестве появившихся в первое десятилетие XXI в. работ повышенное внимание уделяется многообразию способов и механизмов взаимоотношений субъектов и объектов гендерной сис-

³¹ См.: Кассирер Э. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 250.

темы, взаимодействий ее контрагентов, ее внешним и внутренним факторам. Причем характеризуются уже не отдельные механизмы, техники или приемы взаимодействия, а итог определенных взаимодействий, появляющийся тогда, когда неоднократные действия по достижению цели демонстрируют оптимальные и экономичные способы решения вопроса, осуществляемые в определенном месте и в реальное время. Такого рода характеристики все чаще становятся предметом обсуждения на научно-практических конференциях. Скрупулезный анализ современной литературы приводит к выводу о том, что в большинстве работ речь идет не о совокупности общесоциальных, технических и специальных для преодоления гендерного неравенства средств, то есть не о технике решения конкретной проблемы, ее техническом обеспечении, а о гендерных технологиях. К анализу активности и проявления субъективности человека на его / ее собственных условиях с учетом индивидуальных особенностей применяется понятие «гендерный контракт», соотносящееся с понятием «гендерный порядок».

Понятие «гендерный порядок» (С. Ашвин), иногда «гендерный уклад» (Б. Пфау-Эффингер), «гендерная композиция» (Р. Коннелл), «гендерная картина мира» (О. В. Рябов), «гендерный капитал» (К. В. Фофанова) активно используется конструктивистами в связи с критикой существующего положения дел. **На макроуровне гендерный порядок – это система неравенства и дифференциации, связанная с позициями разных групп мужчин и женщин в разных сферах публичной и частной жизни, на микроуровне – публичный порядок социальных взаимодействий, организованных по формальным и неформальным правилам в соответствии с предписаниями по признаку пола.**

Следует заметить, что отечественными гендерологами постепенно осознаются трудности адаптации зарубежных концептов (Г. И. Зверева, И. Савкина), сложности адекватного перевода зарубежных работ (Т. В. Барчунова, Е. А. Здравомыслова, Н. Носова, А. А. Тёмкина, Н. Ходырева). Это, видимо, связано с тем, что в русскоязычной традиции нет возможности противопоставления / дополнения терминов «sex» и «gender». Поэтому

термин «гендер» в отечественном варианте есть только показатель методологии, которую использует исследователь, а также способ обозначить свою причастность к общенаучным тенденциям. В то же время в российских гендерных исследованиях остро подчеркивается необходимость учета контекста формирования теории и разработки собственного языкового дискурса (Н. Ажгихина, С. Ушакин, Н. К. Радина). Внимательному изучению подвергаются гендерные стереотипы как феномен общественного сознания в работах В. С. Агеева, П. Бурдые, В. Е. Кагана, И. С. Клециной, Р. Коннела, Т. Б. Рябовой, Т. И. Юфревой. Гендерная стереотипия как способ репрезентации традиционной культуры исследуется О. В. Рябовым, О. С. Селивановой. О. А. Воронина, Ю. Градскова, Т. Журженко, И. С. Кон, А. В. Лысова, А. Усманова, В. Суковатая отмечают также нередкую стереотипность в самом исследовании и самой оценке исследователями социальных явлений. Отсутствие гендерной интеграции в большинство школьных и вузовских учебников и образовательных программ вследствие стереотипии подчеркивают О. А. Воронина, Н. Н. Козлова, В. И. Успенская, Л. В. Штылева.

Гендерное образование и просвещение позиционируется в настоящее время как один из ведущих критериев демократизации общества (М. Андерсен, О. М. Здравомыслова, Дж. Келли, Н. Смелзер, Н. А. Шведова, О. Шнырова) и как необходимый механизм достижения гендерного равенства (О. А. Воронина, Л. Г. Лунякова, С. В. Поленина). Уже учебник по философии 1996 г. под редакцией В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной и В. П. Филатова включил в своё содержание главу «Философия пола»³². В учебном пособии «Введение в гендерные исследования» под редакцией И. В. Костиковой (2000) издательства МГУ подробно рассмотрено понятие гендера, прослеживается история становления понятия, проанализированы основные концепции

³² См.: Воронина О. А. Основы гендерной теории и методологии // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. С. 101–105; Философия. Учебник / Под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной, В. П. Филатова. М.: Русское слово, 1996. С. 394–396.

гендера (эссенциалистский и конструктивистский), раскрыты философские основания этих двух концепций, а также указывается на другие подходы к пониманию гендера³³. В харьковском издании «Введения в гендерные исследования» под редакцией И. А. Жерёбкиной (2001 г.) представлена методология изучения гендера, а также его многочисленные концепции. В 2001 г. Московский центр гендерных исследований издаёт свой курс лекций и хрестоматию по курсу «Теория и методология гендерных исследований». В лекции «Основы гендерной теории и методологии» О. А. Воронина выделила три основных теории гендера; теорию социального конструирования гендера; понимание гендера как стратификационной категории, связанной с другими стратификационными категориями; интерпретацию гендера как культурной метафоры³⁴. Эти же теории автор представила и в статье о гендере для «Словаря гендерных терминов» под редакцией А. А. Денисовой (М., 2002)³⁵. Однако цели, задачи и стратегии интеграции гендерного подхода в систему российского образования (И. С. Клецина, И. Н. Тартаковская, К. В. Фофанова, В. И. Успенская, И. И. Юкина, Е. Р. Ярская-Смирнова), а также методика преподавания гендерной проблематики (Белл Хукс, С. Бем, Е. В. Дементьева, И. Костикова, В. Суковатая, Л. В. Штылева) и гендерные установки самих педагогов (И. Горшкова, Н. Осетрова, Е. Н. Турутина) по-прежнему являются предметом научных дискуссий. Возникают новые акценты в осмыслении центральных для гендерных исследований феноменов – «власть», «насилие», «публичное», «интимное» (М. Рыклин, И. Жеребкина), «гендерное равенство» (О. А. Воронина, Дж. Скотт). Предпринимаются попытки комплексного гендерного подхода к экономическому и социальному развитию (Е. В. Израелян, М. Коллинз, И. Н. Мелех, Н. М. Римашевская, К. Хеннан, О. А. Хасбулатова). Осуществляется феминистская критика про-

³³ Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И. В. Костиковой. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 5–26.

³⁴ Воронина О. А. Основы гендерной теории и методологии. С. 101–105.

³⁵ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой // Региональная общественная организация Восток – Запад: Женские инновационные проекты. М.: Информация – XXI век, 2002. С. 20–24.

цессов глобализации (Е. А. Баллаева, К. Вихтерих, К. Миллер, И. Ставерен, Г. Сэн).

Вопросы для самопроверки

1. В чем отличие теории конструирования гендера от теории гендерной социализации?
2. Попробуйте дать определение гендера.
3. Что такое гендерная система?
4. Что такое гендерный порядок и гендерный режим?
5. Охарактеризуйте гендерный порядок в современной России.

Раздел III. Методология гендерной социологии

Тема 5. Структурный функционализм и гендер

Концептуализации понятия «гендер» способствовала общеметодологическая атмосфера второй половины XX столетия. Без сомнения, в это время удерживалось **классическое понимание науки и научной рациональности**, исходившее из убеждения, что научное, непредвзятое сознание должно и способно адекватно постичь предмет познания, прежде всего объективные законы природы или общества, действующие динамически или статистически. В первой половине 70-х гг. XX века такого рода исследования проводились в рамках **структурно-функциональной парадигмы** (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), сосредоточивающей основное внимание на следующих позициях: **а) социальная жизнь в реальных процессах и событиях**, то есть в процессах организации, функционирования и развития общества как единого системного целого и в основном на макроуровне. Общество было, по мнению структурных функционалистов, устойчивой, с хорошо интегрированными частями социальной системой, упорядоченным и самосохраняющимся целым, способом организации социальной жизни. В этом случае упор делался на порядок, социальная жизнь понималась как движение вперед; **б) причины, истоки явлений и событий социальной жизни**. Социальные институты – государство, семья, религия – характеризовались с позиции предназначения для общества, вклада в общественную жизнь (функции государства по управлению обществом, функции семьи по воспитанию членов общества, функции религии по укреплению базовых ценностей и т. д.), государство характеризовалось как начало исследования. Человек, по мнению структуралистов, искал только оптимальные формы этой организации и боролся за их воплощение, следовательно, за развитие имеющейся социальной системы; **в) зависимость индивида от общества**. Господствующими были такие идейные представления, как свобода, личность, демократия, хотя личность выглядела как

пассивное существо, усваивающее социально-культурные нормы. Считалось, что в обществе человек ведет коллективную жизнь, поэтому сознания людей должны здесь быть ассоциированы и скомбинированы определенным образом, коллективные представления должны господствовать над индивидуальными. В этот же период формировалась концепция социального действия (Г. Беккер, М. Вебер, Л. фон Визе, Ф. Знанецкий, Дж. Г. Мид), учеными была установлена взаимозависимость понятий «социальные отношения» (М. Вебер), «социальная деятельность» (Фрейд), «социальная система» (Г. Парсонс); **г) структура**, т. е. то, что обеспечивает устойчивость общества. Структура представала как совокупность устойчивых, стандартных отношений индивидов, поскольку индивиды находятся в ролях относительно друг друга. Ролью именовался образ действия, имеющий обязательную силу, предписанный, регулируемый с помощью норм и распространенных ценностей. Теория действия складывается Т. Парсонсом в виде попытки построения функционалистской общесоциологической теории. Обозначаются структура элементарного действия, система действия и указываются характеристики социального действия. Т. Парсонс переходит к функционалистской концепции социального действия, к обозначению взаимодействия культурной, личностной и социальной систем, вводит понятие мотивации, указывает на роль типовых переменных в общей теории действия. С позициями функционалистской парадигмы выступает Р. Мертон; **д) функции**. Все явления понимаются в связи с исполняемой в системе других явлений совокупностью функций (отношение соответствия между процессом и потребностью). Общество рассматривается как функционирующая система, определяются разные уровни системы (подсистемы), степень их взаимодействия, механизмы сохранения и развития системы. Осознаются последствия функционирования системы; **е) синтез** – обобщение данных и выводы.

Общая модель дифференциации половых ролей в современном индустриальном обществе, по Парсонсу, следующая: «Фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами лежит в том факте, что рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку... Первичность отношений матери к

ребенку ведет к тому, что мужчина, устраненный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном, инструментальном направлении... Единственный способ быть настоящим мужчиной в нашем обществе – это иметь престижную работу и зарабатывать на жизнь». В этом, по мнению Т. Парсонса, заключен эффект стабильности семьи³⁶.

В этот же период (вторая половина XX в.) в общественных науках распространяется **конфликтологическая парадигма** с мнением о том, что общество – это целостная система, но разделяющаяся на группы с разными интересами, что противоречит целостности, с неравенством, базирующимся на действии закона разделения труда. Как К. Маркс и Ф. Энгельс, конфликтологи XX в. ставят вопрос о необходимости освобождения женщины от социального и экономического неравенства. Неомарксисты рассматривают вопрос о сложных связях между капитализмом (экономической структурой общества) и патриархатом, о причинах господства мужчин, о неоплаченности домашнего труда женщин.

Феминистские исследования 1970-х гг. позволили интегрировать в социальные науки «женскую тему». Исследование угнетения женщин ассоциировалось в этот период с поиском возможностей преодоления неравенства в патриархальных и капиталистических обществах. Однако с течением времени подход, получивший название «добавить женщин и размешать» (механически включить в исследования также данные о женщинах), стал все менее удовлетворять исследователей, поскольку ни одна из традиционных дисциплин не была в состоянии предоставить полноценное понимание жизни женщин. В 1980-е гг. в социальных науках стала популярной идея, что производство знания социально обусловлено (зависит от того, кто является его производителем или носителем), что привело к осмыслению трех тем: женщины как профессиональные ученые, женщины как информантки (носители знания), женщины как объект анализа в социальных науках. В соответствии с этим было признано, что категории, используемые исследователями при описании других

³⁶ Цит. по: Воронина О. А. Традиционные философские, социологические и психологические теории пола // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. С. 42–43.

культур, сами по себе являются идеологическими и культурными конструктами.

Развивающаяся гендерная теория не отрицает структурный функционализм. Но чрезвычайно сильно учитывает, что структурный функционализм развивается во времени как сложное и неоднородное явление, а также то, что структурализм развивается в тесной связи с *семиотикой*³⁷. По мнению гендерологов, простое и грубое **знание какой-либо структуры** дает **доступ к миру**, **знание** определенного **направления пути, указания**: через функции природная реальность только обнаруживается. Это особый путь обхождения с миром, коренящийся в присутствии того, что подлежит заботе, это обустройство места при озабоченности. Понятия объекта и субъекта служат базовой предпосылкой, но не проясняют в свете базовых структур самого «вот-бытия». Субъект «с голым чувством для правого и левого» характеризуется как конструкция. Но всё качественное, подчеркивают гендерологи, рассматривается для себя только в нем самом: это значит, что Я не надо брать в его усредненном и изначально непосредственном значении, которое пока остается неопределенным, не надо напрямую привязывать к субъекту, его надо определять более точно, как личное, дух, собственное бытие человека. Подчеркивается, что интерпретация самообнаружения и его структуры и то, насколько адекватно мы сумеем определить обнаруживающее себя сущее в его бытии, зависит от того, насколько свободным от предрассудков будет наш подход к нему.

³⁷ Семиотика исследует свойства систем знаков, каждому из которых определенным образом придается некоторое значение. В качестве знаковых систем можно рассматривать языки изобразительного искусства, театра, кино и музыки, а также любые сложные системы управления, рассматриваемые с позиций кибернетики, производственные и социальные объединения, общество в целом. Семантика трактует различные знаковые системы как модели определенных фрагментов внешнего мира, строящиеся в ходе познавательной и практической деятельности людей.

***Тема 6. Интерпретативная парадигма
в социологии. Символический
интеракционизм (М. Вебер, Дж. Морено,
Дж. Мид). Феноменологическая социология
А. Шютца. Этнометодология Г. Гарфинкеля***

Сторонники формирующихся во второй половине XX в. **интерпретативных (интерпретивных) парадигм** делают упор на социальных отношениях людей, на индивиде в социальных структурах, на обмене деятельностью и процессами, на коммуникации и использовании людьми и их общностями социальных институтов. Представители интерпретивных парадигм так же, как и представители структурных парадигм, безусловно, озабочены порядком в обществе. Но, в отличие от структуралистов, они исследуют не жесткие закономерности общественного развития, познанием и реализацией которых возможно обеспечение социального порядка, а обстоятельства, положение и активность в обществе разных социальных групп, по-разному конструирующих порядок в обществе. Они характеризуют процесс сосуществования многих социокультурных систем в обществе и человеческое поведение с разными мотивами. В любом случае поведение и потенциал граждан, по их мнению, важны для развития общества. Социальная активность рассматривается представителями интерпретивной парадигмы как способность человека наделять вещи и отношения смыслом: понимать, оценивать, анализировать, давать рекомендации по осуществлению социального порядка. Социальная активность, по мнению сторонников интерпретивной парадигмы, это не конформизм, не адаптация, а способность человека управлять ходом событий. Главное для представителей интерпретивной социологии – понять, как социальное становится личным, рассмотреть механизмы восприятия, интерпретации, понимания и включенности человека в исторический процесс. Источником активности они называют социальный опыт повседневной деятельности человека, отмечая, однако, рутинность, ординарность, сиюминутные начала и рефлексивный характер (отзыв на действительность) повседневности. Рацио-

нальное или, наоборот, интуитивное начало в человеке актуализируется. Главное для сторонников интерпретативной парадигмы – выявить связь между поставленной действующим на локальном уровне индивидом целью и доступными средствами ее достижения. Круг проблем получает отражение в творчестве М. Вебера, его теории идеальных типов, концепции рациональности, концепции типологии власти. Дж. Морено и Дж. Мидом формируется социология символического интеракционизма с понятием взаимодействия как центральным, с обозначением содержания социального опыта и процесса формирования индивидуального сознания, с понятием символа и обозначением общения как процесса интерпретации и преодоления.

В интерпретивных парадигмах выделяется феноменологическая социология. Надо заметить, что общая максима науки еще в середине XIX в. была такой: только факты опыта в двух его областях – природа и исторический мир. В естественных науках, прежде всего в психологии, речь шла о повседневном восприятии: я воспринимаю для того, чтобы сориентироваться, рассчитать себе дорогу, обработать что-либо. Причем факты понимались только как то, что можно исчислить, взвесить и измерить, поставить эксперимент. Психология под влиянием Р. Декарта понималась тогда как наука о сознании с объектом в так называемом внутреннем опыте. Ф. Brentano различал три класса психических отправлений: представление о смысле соответствующего переживания (в широчайшем смысле – это просто обладание чем-то как наличным), суждение (принятие или отвержение как ложного, сущностным моментом суждения является «практическое» действие), интерес (любовь, душевное движение, потом стали говорить – ценностное отношение). В это время возникает новая, персоналистская психология – такой подход к человеку, при котором человек не превращался бы, подобно природным вещам, в объект конструирования и объяснения, исходящих из каких-либо объективных законов, но понимался бы как живая личность действующей истории и именно в этом качестве стал бы предметом описания и анализа. Таким образом, имело место нечто вроде выявления идей «здесь и теперь» в области реального, критически выявлялся конструируемый субъект «с голым чувством для пра-

вого и левого». Становилось понятно, что реальная и объективная одинаковость (общее у многих, вид чего-либо), чисто геометрическое пространство, являющееся гомогенным, не может быть тематическим предметом. Прояснялось, что в действительности человек должен рассматриваться именно не как природа и не как психический антипод природы, ее противоположность, и не то, что мы при обращении друг к другу воспринимаем себя как личностей (это рефлексия над переживаниями, здесь отображение традиционной дефиниции человека как рационального, причем рацию понимается в качестве разумной, постигающей, распоряжающейся личности). Единство чего-либо выглядело как созерцательное единство, в котором просто дано целое, имеющее фигуративный характер. Стало считаться, что определению подлежит не внешний вид этого сущего, **не «что» его составных частей, а особенности способа его бытия, «как» его бытия.**

Основные принципы феноменологии были изложены Э. Гуссерлем, разработаны А. Шютцем. Гуссерль требовал совершить эпохэ, то есть акт воздержания от какого-либо утверждения. В результате редукции остается последнее неразложимое единство сознания – интенциональность, то есть направленность на предмет, которую Гуссерль рассматривал как чистую структуру сознания, свободную от индивидуальных (психологических, социальных, расовых и др.) характеристик. Таким образом, он стремился решить вопрос о связи субъекта и объекта: интенциональность призвана быть одновременно представителем имманентного мира общечеловеческого сознания и трансцендентного мира бытия, предметности. Феноменология есть, по Гуссерлю, наука о чистом сознании как переживании интенциональных актов. В последний период творчества Э. Гуссерль обратился к идее «жизненного мира», сближаясь с философией жизни, и уделил внимание проблеме интересубъективности. А. Шютц определил значение «предданного» мира для понимания социального действия, дал трактовку субъективного смысла понятия «опыт», ввел понятие интересубъективности как основы учения о социальности. Г. Гарфинкель обозначил понятие жизненного мира, явление рефлексивности и его роль в объяснении процессов стандартизации жизни, ввел категорию внутреннего времени.

Всё это указывало на то, что тематическое поле научного исследования очень резко изменялось. Стали различать: способ личного бытия, внешний вид (я привык, освоился, ухаживаю и присматриваю за чем-то; место, обстоятельства, при чем я пребываю в повседневной озабоченности, что определено близостью и удаленностью, обнаруживается через функции, а именно определенность направления пути (то, что позволяет окружающему миру обнаружить себя, делает его доступным); открытость положения дел (то, что модифицируется во влечении и склонности и чему можно сопротивляться); смысл – позволение видеть нечто в нем самом, именно из него самого. Озабоченность как таковая, подчеркивали феноменологи, всегда живет в заботе об отличии от других, даже если она нацелена только на сглаживание отличий, это забота о дистанции независимо от того, осознается она и осознается ли вообще. При этом другие необязательно должны быть определенными другими. Но стремление со-бытия существовать на основе отличия от других заключается в том, замечали феноменологи, что само бытие друг с другом и сама озабоченность носят характер усредненности, в которой некто придерживается того, что принято, что подобает. Эта отшлифованная усредненность повседневного истолкования вот-бытия, усредненность оценок, моды, обычаев бдительно следит за каждым новым исключением и бесшумно подавляет его. Этот способ бытия можно назвать уравниванием бытия друг с другом, уравниванием всех различий. Дистанцирование, усредненность и уравнивание можно обозначить общим термином «публичность» в собственном смысле – способность обсуждать все, не вникая в суть дела, на основе невосприимчивости ко всем различиям уровня и подлинности. Публичность вездесуща, писали они, но при этом она отовсюду ускользнула. Публичность не оставляет вот-бытию выбора, не позволяет ему составить суждение и дать оценку, она освобождает его от задачи быть самим собой на основе собственной самости, ни за что не отвечает. В своем публичном бытии друг с другом некто есть никто, оно отдало себя в полное распоряжение, оно есть только способ быть, совместное озабоченное растворение.

Критически обозначая вот-бытие как дистанцирование, озабоченность и уравнивание, феноменология выступила против конструирования предметов, за идею, за то, что идеально принадлежит виду, составляет его единство, всеобщность. Себя должна показывать, по мнению феноменологов, не простая целостность и не ее реальная часть. Необходимо изучать не отдельное восприятие здесь и теперь, но восприятие как таковое. Речь должна идти не о повседневном восприятии, вчувствовании, зависимости друг от друга, а о восприятии в акцентированном смысле рассмотрения, зафиксированного на некоем предмете (это последнее не самостоятельно, поскольку я воспринимаю для того, чтобы воспринимать), о понимании и взаимопонимании, о со-бытии, осуществляемом на взаимной освоенности и понятности. Но понятность в смысле взаимопонимания постоянно подавляется в определенном усредненном способе существования самого вот-бытия, Другие воспринимаются как только те, кому предназначается изделие и кто в свою очередь изготовил документы. Обнаруживается, что находиться в полноте вот-бытия, испытать ее и извлечь из нее целостность этого бытия в принципе невозможно. Эта невозможность заложена уже в бытии этого сущего, только в нем. Но понимание должно иметь **доступ к тому, что нужно понять**, хотя реальный объект восприятия может и отсутствовать. **Смысл – позволение видеть нечто в нем самом, а именно из него самого, внутренняя сущность самих переживаний, регион переживаний.** Предметность в широчайшем смысле значительно превосходит реальность вещи. Предметное содержание в его отличии от формального пустого «нечто» и его структур, в которых это содержание выявляется, означивают категориальные формы. Такое означивание, выявление называется редукцией: вторая редукция, когда всякий момент, определяющий поток индивидуальных переживаний (зависимых от того, кто переживает, когда, кто выводит суждение, абсолютная позиция), исключается. В редукции мы отвлекаемся именно от реальности сознания, данного в естественной установке в качестве свойства фактического человека, обретаем чистое, абсолютное переживание, идеальное бытие переживаний, бытие одного в другом, содержательное взаимопроникновение, отношение. Извлекается не конкретно-индивидуальное, а чистое поле сознания. Предмет в широ-

ком смысле имеется лишь тогда, когда есть соответствующее переживание, т. е. сознание в смысле абсолютного есть преимущество субъективного над объективным. Иначе говоря, абсолютное бытие не определяет само сущее в его бытии, но фиксирует положение сознания в иерархии конституирования и приписывает ему формальную конститутивную первичность по отношению к объективному. Восприятие категориального характера – полное, многоуровневое. Повседневность (вот-бытие) воспринимается тогда не как примитивное существование, а как обладающее развитой и внутренне дифференцированной культурой. Только тогда возможна репрезентация реальности. Речь идет о формах вызревания, о силе, энергии, вызывающей его, о необходимости отчетливо **выделить ту форму деятельности**, которую мы осуществляем постоянно, повседневно, и **которая** отнюдь не прозрачна, не бросается в глаза, но **помогает выявить силу, энергию вызревания понимания**. Феноменальная основа состоит в том, что мир обнаруживает себя. Все качественное рассматривается для себя только в нем самом. Интерпретация самообнаружения и его структуры и то, насколько адекватно мы сумеем определить обнаруживающее себя сущее в его бытии, зависит от того, насколько свободным от предрассудков будет наш подход к нему.

В развивающейся во второй половине XX в. интерпретивной парадигме подчеркивалось, что гендер – особый достигаемый статус, конструируемый социально-культурными, психологическими и другими средствами, показывающий себя как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, как сконструированная стратегия их социального поведения, практики, личности, как процесс «приписывания пола» (по мнению Г. Гарфинкеля).

Тема 7. Объединительная парадигма в гендерных исследованиях

*(П. Бурдье, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, М. Ф. Лиотар,
Йельская (США) школа деконструктивизма. М. Саруна,
С. Сулейман, В. Вельш)*

В гендерных исследованиях используется также **объединительная парадигма**. Здесь понятие гендерной системы претерпевает изменения: это строжайшие институционализированные предписания, определяющие модели поведения и социального взаимодействия в соответствии с полом, разные роли и социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно – другие. Критически представляются гендерные стереотипы трех групп: утрирующие психологические, поведенческие свойства; сосредоточивающие внимание на распределении занятий мужчин и женщин или на распределении семейных ролей. Выделяется понятие асертивности, умения человека защитить себя, быть равным в отношениях. Социальная реальность интерпретируется как многомерное социальное пространство в виде совокупности полей, индивид – как стратегически действующее лицо (П. Бурдье). Каждое поле организовано распределением определенного вида капитала (группы ресурсов): экономического (деньги), культурного (объем знаний и навыков, выражающийся в дипломах и сертификатах), социального (родственно-дружеские отношения и знакомства), символического (легитимная, то есть обеспечивающая признание форма, принимаемая любым капиталом). Совокупным объемом ресурсов, которые находятся в распоряжении индивида или социальной группы, определяется их объективное положение (позиция) в социальном пространстве. Но социальная реальность, подчеркивается сторонниками объединительной парадигмы, это не только распределение ресурсов, способы присвоения престижных материальных и социальных благ, но и набор представлений, систем значений и практик агентов, которые знают и поддерживают знание индивидов и групп о своем месте в обществе, формируют чувство собственного места или диспозицию. Совокупность диспозиций образует «хабитус», который яв-

ляется, с одной стороны, слепком с общественного порядка и общественных структур, а с другой стороны, источником импровизированных действий, приводящих к их изменению и к изменению социальной структуры. Чувство места не всегда осознанно, но в любом случае оно определяет жизненную стратегию индивида и группы в социальном пространстве. Это и есть стратегия – совокупность практик, осознанно или непреднамеренно приводящих к определенному результату.

Безусловно, интерпретивная и объединительная парадигмы многое меняли во взглядах исследователей отношений мужчин и женщин. Но многое представлялось сомнительным или невыясненным. Со временем использование в этих парадигмах однофакторной модели мужественности и женственности как биполярных измерений (синтез интересов, механизм целостности объекта и достаточно полная типология его связей) тоже стало устаревать. Двухфакторная модель (одно измерение мужественности и одно измерение женственности) тоже представлялась проблематичной. Огромную роль в развитии гендерных исследований стали играть идеи **постструктурализма и постмодернизма**, значимым признаком которых была **критика феноменологических и формалистических** (выделяющих иерархию) концепций. Постструктурализм, деконструктивизм и постмодернизм составили комплекс, представляющий собой влиятельное интердисциплинарное по своему характеру идейное течение в современной культурной жизни Запада, проявившееся в различных сферах гуманитарного знания и связанное определенным единством философских и общетеоретических предпосылок и методологии анализа. Этот комплекс был результатом активного творческого взаимодействия различных культурных традиций: Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, М. Ф. Лиотар представляли французскую школу анализа общественных отношений, США были представлены Йельской школой деконструктивизма, М. Сарупа, С. Сулейман, В. Вельш во второй половине 80-х гг. XX в. работали в разных странах Европы. Чтобы оценить вклад постструктуралистов в гендерологию, надо иметь в виду следующее:

1) постструктуралисты сделали ещё больший акцент на субъективной стороне познавательного процесса, признав разнообра-

зие субъектов познания и их ценностных ориентаций, роль исторического и социального контекста, в котором эти субъекты действуют. Ими была **подготовлена методологическая база** для признания особого видения науки и научного исследования, субъектом которого выступает не универсальный «объективный» субъект (в истории это, как правило, был мужчина), а гендерно обозначенный субъект – мужчина или женщина. Ж. Деррида говорит о традиции, **не то чтобы совсем отвергающей существование независимой от осознания человека реальности, сколько утверждающей ее недоступность сознанию в непосредственной культурными концепциями и конвенциями форме.** Весь исследовательский интерес сосредоточивается у него на анализе **механизмов опосредования**, сознательно искусственный характер и противоречивость которых делают эту реальность столь зыбкой, изменчивой и неуловимой, что вопрос о ее адекватном постижении постоянно ставится под сомнение и фактически снимается с повестки дня. Всякое позитивное знание, любые попытки рационального обоснования феноменов действительности, и в первую очередь культуры, постструктурализм считает «маской догматизма», проявлением «метафизики»: принципов причинности, идентичности, истины. Идет критика самого принципа «структурности структуры», в основе которого и лежит понятие центра структуры как **некоего организующего ее начала** – того, что управляет структурой, организует ее, в то время как **оно само избегает структурности.** Для Ж. Дерриды этот центр – не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его «силы желания», **навязывания собственного смысла** (сознание, когито, феноменологический голос). Ж. Деррида применяет **принцип дополнительности** (говорит об индивидуалистическом и социальном типах интерпретации). Вслед за М. Фуко постструктуралисты видят в современном обществе прежде всего борьбу за «власть интерпретации» различных идеологических систем. При этом «господствующие идеологии», завладевая индустрией культуры (СМИ), навязывают индивидам свой язык, образ мышления, отвечающий потребностям этих идеологий. Тем самым господствующие идеологии якобы существенно ограничивают способности индиви-

дуумов осознавать свой жизненный опыт, свое материальное бытие, лишают индивида необходимого **языка для понимания (интерпретации)** как самого себя, так и окружающего мира. Для Фуко знание не нейтрально или объективно, поскольку всегда является продуктом властных отношений. М. Фуко постулирует для каждой конкретной исторической эпохи существование **специфической эпистемы единой системы знаний – «проблемного поля»**, достигнутого к данному времени уровня культурного знания, образующегося из дискурсов различных научных дисциплин. В свою очередь, она реализуется в речевой практике современников как строго определенный **языковой код** – свод предписаний и запретов. Эта языковая норма якобы бессознательно предопределяет языковое поведение, следовательно, и мышление отдельных индивидов. Фуко мечтает об идеальном интеллектуале, который, являясь аутсайдером по отношению к современной ему эпистеме, осуществляет ее деконструкцию, указывая на слабые места – на изъяны общепринятой аргументации, призванной укрепить связь господствующих авторитетов и традиций. Таким образом, постструктурализм проявляется прежде всего как утверждение принципа методологического сомнения по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе и применяющимся для его легитимации, т. е. самооправдания и узаконивания. Это выражение философского релятивизма и скептицизма, теоретическая реакция на позитивистские представления о природе человеческого знания;

2) постструктуралисты сделали возможным и законным изучение **повседневности** не как «низшей реальности», изучением которой можно пренебречь (такое мнение разделял структурный функционализм), а как необходимого условия формирования и функционирования субъекта, которым невозможно пренебречь. Процесс познания стал включать признание множественности, плюрализма опыта, социальных практик, в том числе языковых. Складывается **теория идентичности**: обращение к концепции текстуальности мышления, к принципам самоорганизации сознания человека и к специфике его личностного самополагания по законам художественного текста. Различают нарративный модус

самоосмысления и самопонимания и более абстрактный научный модус, называемый парадигматическим. Парадигматический модус способен обобщить лишь общечеловеческий, а не конкретно индивидуальный опыт, в то время как нарративное понимание несет на себе всю тяжесть нарративного контекста и поэтому является лучшим средством для передачи жизненного человеческого опыта и связанных с ним противоречий. Личность мыслится как социально сконструированная (и лингвистически закрепленная в виде авторасказа), и иного способа ее оформления исследователями не предполагается, хотя ее существование связывается с наличием социально обусловленных культурных установок исторически конкретного общества.

Следует особо заметить, что постструктурализм ставит на место структуралистского субъекта как точки пересечения речевых практик и экзистенциалистского индивидуального субъекта **коллективное Я (Мы), малую группу единомышленников**. Она бессильна против «демонизма власти», не способна и не пытается ее захватить, но ставит целью повсеместное изобличение и описание очагов власти, фиксацию ее стратегий. Такая позиция позволяет группе **сохранить человеческое, жертвуя индивидуальным**. И структуралисты, и постмодернисты не менее 40 лет доказывают невозможность существования целостной личности человека, который, по их понятию, способен выступать только во фрагментированном состоянии. Любая его попытка логически мыслить якобы неизбежно приводит лишь к подчинению стереотипам, клише мышления, выработанным господствующей идеологией. Поздний постмодернизм стремится найти и теоретически обосновать свободное идеологическое пространство, где бы субъект смог проявить автономность действия, сколько бы относительной она ни была, быть критикой в действии самого процесса означивания, а не представлять текст или организовывать перформанс.

Стоит подчеркнуть, что критика концепции целостного субъекта была осуществлена в значительной мере уже в рамках структурализма и в теории постструктурализма получила лишь свое окончательное завершение. Ж. Лакан фактически раскрепостил означающее, освободив его от зависимости от означаемого, и

ввел в употребление понятие «скользящего» или «плавающего» означающего. Суть этой концепции состоит в том, что всё воспринимаемое может быть освоено человеческим сознанием только посредством повествовательной фикции, вымысла: **мир доступен человеку лишь в виде историй, рассказов о нем**. Исследователи трактовали историю как отсутствующую причину всех поступков и мыслей людей, так как считали, что она доступна нам **только в текстуальной форме**, и наша попытка постичь ее, как и саму реальность, неизбежно проходит через предварительную стадию ее текстуализации, нарративизации **в политическом бессознательном**. Писатели этого времени пытались трансформировать события эмпирической истории в своеобразное состояние претендентов, в котором могут быть проверены стратегии разных классов. Была сделана теоретическая попытка лишить различие как элемент общеструктуралистской доктрины его жесткой системной обусловленности, как и вообще характера системной последовательности. В произведениях постструктуралистов давалась характеристика и внимательная оценка феминизма, который к тому времени являлся одним из наиболее влиятельных факторов интеллектуальной жизни западного общества и крупномасштабным явлением социально-культурного порядка и выходил далеко за пределы постструктуралистских и постмодернистских аспектов.

***Тема 8. Идеи постмодернизма
как основа гендерного подхода
к анализу общественной жизни
(Ж. Лакан, Ф. де Соссюр, Ю. Кристева)***

Вся наука 80-х гг. **постмодернистской ориентации** под влиянием сложившихся экономических, политических и культурных условий испытала на себе последствия утраты рациональности, строгости логической аргументации. Представлялось, что современный мир состоит из моделей, не основанных ни в какой реальности, кроме их собственной, которая представляет собой мир самореферентных знаков, симуляции. Ж. Бодрийяр, кстати, говорил, что в симуляции есть и очарованная форма, со-

блaзн, cоврaщeниe. Пpичeм cоврaщeниe, пpисущee вceму миpу и вcякoму диcкypcy и пpoxoдящee тpи иcтopичecкиe фaзы: pитуaльнyю, эcтeтичecкyю (cтpaтeгия cоблaзнитeля) и пoлитичecкyю³⁸. Пocтмoдepнoe цapcтвo индивидa **нe иcчepпывaeтcя**, пoдчepкивaли пocтмoдepниcты, cтpeмлeниeм выявить ypoвeнь кoнкypeнтocпocобнocти oдних пo oтнoшeнию к дpyгим, гepoизмoм пoбeдитeля и cвoeгo cобcтвeннoгo cозидaния. Нoвoe знaниe нeoтдeлимo, yтвepждaли пocтмoдepниcты, oт вoзpacшeгo **тpeбoвaния к кaчecтвy жизни**, включaя тeпeрь и ycлoвия тpyдa. Инaчe гoвopя, гипepиндивидyaльнoe пpивoдит нe cтoлькo к oбocтpeннoмy cтpeмлeнию пpeвзoйти дpyгих, cкoлькo к **увeличeнию нeтepпимocти пo oтнoшeнию кo вceм фopмaм индивидyaльнoгo пpeзpeния и coциaльнoгo унижeния**: быть cамым cобoй и пoбeдить cвoю индивидyaльнocть – этo знaчит нe тoлькo выбpaть cвoи cобcтвeннe мoдeли пoвeдeния, нo и пpeдъявлять к мeжличнocтнoмy oтнoшeнию тpeбoвaниe этичecкoгo идeaлa pавeнcтвa пpaв, личнocти, пpинять фaкт cвoeй cобcтвeннoй нeизбeжнoй инaкoвocти, дpyгocти или чуждocти пo oтнoшeнию к caмoмy ceбe. Чтoбы знaть, кaк имeннo дocтичь этoгo, нaдo, yкaзывaли пocтмoдepниcты, paccмaтpивaть явлeниe кoнкpeтнo. Сeгoднa, гoвopили cтoрoнники нoвoгo нaпpaвлeния, yжe нeдocтaтoчнo мaнипyлиpoвaть **вepoвaниeм**, eгo пepeдaвaть и coвepшeнcтвoвaть: нeoбxoдимo **aнaлизирoвaть eгo фopмooбpaзoвaниe**, выявлять ycлoвия, ecли мы xoтим cоздaть eгo иcкyccтвeнным пyтeм. Пo мнeнию Фoккeмa, пocтмoдepнизм cчитaeт в pавнoй cтeпeни нeвoзмoжнoй, бeспoлeзнoй пoпыткy ycтaнoвить кaкoй-либo пpиpoднoй или coциaльнoй иepapxичecкoй пopядoк или кaкиe-нибyдь cиcтeмы пpиopитeтoв в жизни и oтcyдa вывoдит тaк нaзывaeмый пpинцип нoниepapxии, лeжaщий в oснoвe cтpyктypooбpaзoвaния вceх пocтмoдepниcтcкиx тeкcтoв. Ecли oн и дoпycкaeт cущecтвoвaниe мoдeли миpa, тo oснoвaннoй лишь нa «мaксимaльнoй энтpoпии», нa «pавнoвepoятнocти и pавнoцeннocти вceх кoнcтитyтивнoх элeмeнтoв»³⁹. **Пocтмoдepниcты пытaютcя yтвepдить пpинцип**

³⁸ См., в частности: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

³⁹ См.: Фоккема Д. В. Эксплицитно сформулированный принцип нон-селекции – регулятивный принцип постмодернизма.

всеобщей равнозначности всех явлений и всех сторон жизни, часто агрессивно насильственной ассимиляции человека внешним миром. Суть новых тенденций заключается в возврате к частной жизни, к религиозно-духовной проблематике. С приходом постмодернизма исчезает однозначность.

Постмодернистский идеал нонселекции или алекторной селекции в этот период времени часто превращается в процесс создания произведения, в применение комбинаторных правил, копирующих математические приемы: дубликации, умножения, перечисления. Ж. Лакан пытается выразить концепцию бессознательного в терминах математических высказываний (матем). Используются еще два приема: прерывистость и избыточность, которые направлены на нарушение традиционной связности (когерентности) повествования. Пермутация – попытка писателя уничтожить грань между реальным фактом и вымыслом, наладить контакт, то есть передать читателю свое сокровенное знание о бессмысленности мира в целом и усилий человека упорядочить в нем свою жизнь. Признается и то, что в условиях острого дефицита человеческого начала в плоских, лишенных живой плоти и психологической глубины персонажах, марионетках авторского произвола, маска автора часто оказывается единственным реальным героем повествования, способным привлечь к себе внимание читателя. Но писатель может, замечает автор, столкнуться с несостоявшимся читателем, которого не удастся вовлечь в коммуникативный процесс. Для Лакана недостаток З. Фрейда заключается в том, что тот исходит из влечений индивидов и потребностей в их удовлетворении, тем самым игнорируя социальное измерение человека. С точки зрения Лакана, субъективно-объективные отношения проявляются с самого начала в становлении сознания, но **ограничиваются intersубъективностью, то есть действием означающей системы, существующей до индивида и определяющей его культурную идентичность.** Если Ю. Кристева (Франция) десоциализирует и радикально биологизирует сознание человека и его личность, то английские постструктуралисты, напротив, подчеркивают социальный характер становления субъекта как такового. У Ж. Лакана же модернистская концепция личности: он пытается теоретически оправдать процесс раство-

рения или децентрации индивидуального субъекта действия. Бессознательное у него пытается разрушить символический порядок в том виде, в каком он налагается семьей и в конечном счете обществом. «В процессе того, как мы иницируемся в символическую систему, мы берем на себя роль субъекта и в результате этого занимаем внутри ее идеологически предписываемую позицию. Мышление и, следовательно, поведение (социальная роль) жестко социально запрограммированы. И символическое (область сверхличных, всеобщих, социокультурных смыслов, задаваемых индивиду обществом) как сфера действия культуры (вернее, культурного социума) постоянно находится под угрозой подрыва со стороны бессознательного. Это, следовательно, область бессознательного. Значит, индивид детерминирован дважды: импульсом своего физически "биологического бессознательного" и надличными языковыми кодами "социального бессознательного"», – пишет автор⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что у постмодернистов присутствует лингвистический подход ко всем явлениям культуры, характерный для социальных (прежде всего гуманитарных) наук второй половины XX в. Субъект полагается лишь лингвистически, само его порождение и существование предопределяется и поддерживается речью, дискурсом: вне языка человека быть не может. Наиболее доступным и насыщенным способом постижения сознания другого человека постмодернизм считает **информацию**, которую носитель исследуемого сознания передает **при помощи обыкновенного языка**. В развитии концепции языкового сознания предусматривается ступень, когда языковое сознание отождествляется уже не с устной речью, а с письменным текстом как якобы единственно возможным средством его фиксации более или менее достоверным способом. Постструктуралисты (прежде всего Гуттенберг) уподобляют самосознание личности некой сумме текстов в той или иной массе текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры: любой индивид в таком случае неизбежно находится «внутри текста», т. е. в рамках определенного исторического сознания, насколько

⁴⁰ См.: Лакан Ж. Разное. Имена-Отца. Символическое, воображаемое, реальное; пер. с фр. М.: Гнозис, 2006.

оно нам доступно в имеющихся текстах. Специфика постмодернистской трактовки языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его нарративизации, т. е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связанного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста. Таким образом, здесь выявляются две тесно связанные друг с другом проблемы: языкового характера личности и повествовательного модуса человеческой жизни как специфической для человеческого сознания модели оформления жизненного опыта. Поскольку к этому времени уже известно, что сознание не исчерпывается своим рационально аргументированным дискурсивным полем, Ж. Лакан выдвигает идею текстуализации бессознательного, которая дает новое представление о сознании человека. Он развивает некоторые потенции, имманентно присущие самой теории произвольного знака, сформулированной Ф. де Соссюром, и ведущие как раз к отрыву означающего от означаемого, и отождествляет бессознательное со структурой языка, характеризуя бессознательное как лишь один из элементов репрезентации. Лакан вводит в употребление понятие «скользящего» или «плавающего означающего»⁴¹. Это предполагает в любом тексте лишь взаимодействие, игру одних означающих в их отрыве от означаемого. Интерпретация не открыта любому смыслу, эффект интерпретации заключается в том, чтобы изолировать в субъекте ядро, бессмысленность, что, однако, не означает, что интерпретация сама по себе является бессмыслящей. Утверждается, что само знание как таковое есть не что иное, как ощущение работы бессознательного, его эффект, оно не имеет в себе никакого смысла, кроме того, что является бессознательным. Вступление в действие реальности бессознательного — это трансфер. Ж. Лакан саму личность понимает как знаковое, языковое сознание, структуру же знака психологизирует, рассматривая ее с точки зрения психологической ориентации индивида, т. е. с позиции проявления в ней действия бессознательного, реализующегося в сложной диалектике взаимоотношения «нужды» (потребности) и «желания». Нужда — чисто органиче-

⁴¹ См.: Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда.

ская энергия. Желание – активный принцип физических процессов. Желание всегда лежит за и до требования. Оно превосходит его, потому что его невозможно удовлетворить. Оно постоянно отсылает к невыразимому, к бессознательному желанию и абсолютному недостатку, которые оно скрывает. Любое человеческое действие, даже самое альтруистское, возникает из желания быть признанным Другим, из жажды самопризнания в той или иной форме, из желания ради желания, из желания Другого. Для Лакана человек не имеет фиксированного ряда характеристик: «Я» никогда не может быть определимо, поскольку оно всегда в поисках самого себя и способно быть репрезентировано только через Другого, через свои отношения с другими людьми. Однако при этом никто не может полностью познать ни самого себя, ни другого, т. е. не способен войти в сознание другого человека.

Специфика лакановского понимания языкового сознания отражается в выводимой им структуре человеческой личности как сложном и противоречивом взаимодействии трех составляющих: Воображаемого, Символического и Реального. Воображаемое – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и который играет важную роль его психической защиты, вернее, самозащиты. Символическое – сфера социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном ему обществе. Символ апеллирует к открытой, лишенной замкнутости и конечности системе смысла: символический процесс означивания носит социальный, а не нарциссический характер. Реальное – та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые не даны сознанию индивида в сколько-либо доступной для него рационализированной форме.

В это время Дж. Мид издает свой труд «Разум, Я и общество» (1934 г.), где помещает понимание Я как символического и одновременно определяет ограниченность этого социального пределами сознания. Это же и у Лакана: реальное находится за пределами языка, не может быть дано в опыте. В итоге первичной движущей силой человеческой психики является нехватка, зазор, который индивид стремится заполнить. Это стремление Лакан

обозначает термином «потребность». **Сфера недифференцированной потребности, настоятельно нуждающейся в удовлетворении, но никогда не могущей быть удовлетворенной до конца, и есть Реальное.** Лакановское реальное начинает переосмысливаться как социальное реальное, как реальность. Но это не наивная теория реализма как картина действительности. Реальное – это **положение вещей**, реальное опосредует наш опыт, устанавливает **порядок и осмысленность** среди людей в их человеческом мире. Главным местом пребывания Реального является Тело. Реальность трактуется как качество.

В современном обществе «тело» и его воспроизведение, подчеркивают постмодернисты, неотделимо от многообразной экономики города, от циркуляции и обмена денег и желания, моды и технологии власти и информации, от культурных фантазий, стимулированных средствами массмедиа, которые колеблются между отвращением, страхом и зачарованностью судьбой тела⁴². Театр видится как социокультурный институт, который позволяет показать, как мы видим, что мы, возможно, готовы увидеть, или что мы воображаем, будто должны или не должны видеть в соответствии с условностями и границами наших картин реальности. Проблема заключается в знаковой монополии языка и низведении восприятия до некоего естественного чувственного процесса: любая схематизация реальности является знаковой.

Вместо этого мы нуждаемся в подходе, более близком духу Ч. С. Пирса: без внимания к проблеме интерпретации мы не смогли бы извлечь никакого смысла из высказывания, несмотря ни на какие привычные умозрительные предпосылки. Дело в том, что все знаки, как когнитивные, так и коммуникативные, должны быть прочтены и что всем этим процедурам чтения **надо научиться**⁴³.

Постмодернизм пародирует: высказывается о массовой культуре как иллюзионной – создающей примитивизированную одномерную картину действительности, соответствующую представлению обывателя, закрепляющей в его сознании принятые и распро-

⁴² Цит. по: Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. С. 185.

⁴³ Подробно см.: Пирс Ч. С. Закрепление верований. Как сделать наши идеи явными // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 106–132.

страненные взгляды и вкусы, стандартизируя их и доводя до уровня предрассудков. На поверхность общественного сознания дит маргинальность во всех ее видах, которая лучше всего отвечает интересам макрогрупп. Интерес возникает **к микрогруппам**, заннм между собой сетью социоэкономических и биокультурных отношений, которые могут быть обусловлены с попытками обретеня на новом уровне так называемой **«групповой солидарности» и победой над всеобщей дуальностью и двусмысленностью, игрой видимости, карнавальности.** Появляется «дионисийская социология», способная исследовать эти «племена» как сложный комплекс органических структур. В коллективной чувственности малых групп социальность противостоит, по Маффесоли, обществу в его традиционном понимании: это социальность множества маргинальных сообществ, порождающих дух эмоциональной сопричастности и обладающих особой аурой эстетического восприятия, где разум, рациональная рефлексия замещаются эмоциональной реакцией. Речь у постмодернистов идет **об органической солидарности в символическом измерении, озабоченности настоящим, о возникновении групповой, а не индивидуальной этики, эмпатии и проксении (праве взаимного гостеприимства), что в принципе и должно обеспечивать существование органического компромисса между людьми.** Это и есть силы сопротивления массовой культуре с ее стереотипами массовой психологии, тем более что масскульт сопровождается развитием индустрии развлечений, психологией потребления, продуманной рекламной политикой. Развивается представление о необходимости социально-культурной конфронтации с официальной культурой и стоящей за ней властью.

В итоге можно перечислить некоторые методологические преимущества, которые дает постмодернизм гендерным исследованиям, поскольку он представляет собой направление социальной мысли, на основе которой только и возможны многообразные гендерные исследования.

Во-первых, постмодернизмом предложена альтернативная интерпретация социальной реальности, на основе которой возможно построение новой концепции субъекта, согласно которой

он лишается своей субстанциональной сущности и предстает как совокупность разного рода детерминант.

Во-вторых, в рамках постмодернизма обосновывается постулат неоднозначности идентичности («размытости субъективности»), согласно которому личностная идентичность не просто меняется в процессе жизни и эволюции человека: имеет место принципиальная множественность идентичности, проявляющаяся в многообразных духовных и социальных практиках.

В-третьих, постмодернизм обосновывает приоритет языка по отношению ко всем социальным явлениям и выступает как средство доступа к лингвистическим феноменам. Литературные образы в таком случае перестают восприниматься только как результат субъективной деятельности художника и даже как просто субъективная интерпретация типических характеров, имеющих место в реальном обществе, но становятся носителями действительных гендерных стереотипов.

В-четвертых, благодаря постмодернизму, получают распространение исследования женских образов в театре, литературе, кино, а также усиливается внимание к рекламе, предстающей нередко как «социальная технология гендерной манипуляции»⁴⁴.

Такие подходы дают импульс конкретным гендерным исследованиям. Главное, что в экономике, политике, семье, то есть в «материальных» сферах жизни общества, сам факт неравенства женщин и мужчин можно зафиксировать с помощью традиционного набора социологических техник и методик. Становится возможным зафиксировать его и в духовных сферах жизнедеятельности общества, которые сами по себе выступают как механизмы символизации (например, искусство). Безусловно, отношения с постмодернизмом внутри гендерного сообщества дебатировались. И хотя иногда говорят о собственной теории и методологии гендерных исследований, роль постмодернизма в развитии гендерных исследований никем не отрицается.

⁴⁴ См.: Агафонова Е. Е., Мещеркина Д. Ю. Феминизм и постмодернизм: к вопросу о теоретических основаниях гендерных исследований // Гендерные стереотипы в современной России. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 30.

Вопросы для самопроверки

1. Теоретико-методологическая классика гендерной социологии.
2. Научность гендерного подхода как открытая проблема.
3. Чем объяснить интерес гендерологов к методологии постмодернизма?
4. Каковы причины трудностей современных российских исследователей гендерных отношений в освоении методологии постструктурализма и постмодернизма?

Раздел IV. Методы сбора и обработки информации в гендерных исследованиях

Тема 9. Дискуссия в социологии о методах гендерных исследований: количественные и качественные методы

Речь идет о сборе гендерной информации и методах работы с нею. В широком смысле слова информация (лат. «учение, наставление») представляет собой процесс обмена сведениями, сигналами, символами между людьми, в сущности, коммуникацию между ними. Потребность в гендерной информации обусловлена рядом факторов, главным среди которых выступает быстрое **развитие сферы повседневности**, сопровождаемое ростом роли информационных ресурсов и коммуникационных технологий, активно используемых в корпоративной культуре. При этом различаются: информационный продукт (база данных, программы, книги и аудио) и информационная услуга (данные национальных и международных центров сбора, обработки и хранения гендерной информации, научных и научно-исследовательских центров, аккумулирующих и обрабатывающих гендерную информацию, образовательных учреждений, средств массовой информации, служб телекоммуникации и передачи данных, информагентств, частных лиц). Гендерную информацию относят сегодня к числу основных стратегических ресурсов общества, а гендерный информационный потенциал рассматривается как важнейший элемент не только национальных, но и глобальных информационно-коммуникационных ресурсов и технологий, использование которых определяет способность всех сфер общественной жизни к функционированию, обновлению и развитию.

Требования к информации начинает диктовать потребитель, выбирая наиболее подходящие предложения и прислушиваясь к правилам рынка. Возможности такого поведения складываются и

обнаруживаются при участии потребителя в социологических опросах. Выясняется, что потребитель гендерной информации нуждается в информации, содержащей следующие элементы:

- дисагрегация по полу;
- гендерное разделение труда;
- действительный вклад женщин во все сферы жизни общества;
- мнение женщин об их вкладе (труд, время, ресурсы и навыки) в развитие.

Гендерная социология развивается в тесной связи с такими науками, как история, социальная философия, социальная и общая психология и использует следующие основные методы исследования: социологический, определяющий социальную обусловленность мужского и женского бытия; функциональный, раскрывающий по всем направлениям связь между женщиной / мужчиной и обществом; институциональный, ориентирующийся на изучение социальных институтов, влияющих на жизнедеятельность женщин и мужчин; аксиологический, утверждающий равную самооценку личности мужчины и женщины. Внимания заслуживает здесь «категориальная сетка» (П. Бурдьё), разделяющая гендерные группы на категории, позволяющая лишь условно рассматривать гендерную общность как целостное формирование, сохраняющее устойчивость за счет гендерных стереотипов, традиционных полоролевых функций, единства ценностей, интересов, потребностей. Социологические критерии замечают ориентированность гендерных общностей на изменчивость, текучесть в процессе ролевого взаимодействия, доступность вмешательству.

Следует подчеркнуть, что в социологии выделяются две **традиции в использовании методов исследования**: 1) предпочтительное использование **количественных методов (статистических, в частности)**; 2) предпочтительное использование **качественных методов**⁴⁵. Причем каждая группа социологических парадигм и даже каждый из элементов этой группы опирается на свои принципы поиска взаимосвязей, отбора данных, систематизации информации, привержена своим методам выяснения социоло-

⁴⁵ Семенова В. В. Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С. 37.

гической информации. Количественное измерение относится к индивиду как представителю общности: как часто? как долго? и т. д. Индивидуальное представляется в виде социальных ролей (нисходящая стратегия эмпирического исследования). С помощью количественных методов социология отвечает на вопрос, каким образом индивиды могли бы подчиняться влиянию общества во имя сохранения социальной стабильности. Субъективные характеристики индивидов нивелируются путем обобщения массовых данных и применения закона больших чисел. Общество анализируется как объективная и независимая реальность, противостоящая индивидам преимущественно в форме принуждения.

Качественные методы актуализировались в социологии в начале XX в., когда объектом исследования стали конкретные индивиды, предметом – характер исполнения ими ролей, целью исследования – отделение социальной роли от ее реального исполнителя, изучение механизма исполнения социальной роли. Социально-стереотипные маски срываются, «ярлыки» сбрасываются, возникает ориентация на ценностное осмысление отношения «человек – общество». Новая картина социального мира не отменяет при этом предыдущую картину, но делается адекватной, учитывающей способность человека привносить субъективные смыслы, значения и интерпретации в конкретные социальные ситуации. Качественное измерение информации: зачем? откуда? почему? как Вам понравилось? Тактика качественного исследования: кейс-стади (отдельный случай), узкий коллектив в четко определенное время, этнография (каждодневная практика), история жизни (восходящая стратегия эмпирического исследования). Применимы международные модели SMART и SR. **Различия в стратегиях исследования при количественном и качественном подходах** приведены в следующей таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

**Различия в стратегиях исследования
при количественном и качественном подходах**

<i>Количественный подход</i>	<i>Качественный подход</i>
Теоретико-методологическая база	
- Реализм - Достоверное, объективное знание - Описание логических связей между отдельными параметрами	- Феноменология - Релятивизм - Описание общей картины события или явления
Фокус анализа	
- Общее, генеральное, макроанализ - Классификация путем отождествления событий, случаев - В центре внимания структуры: внешнее, объективное	- Особенное, частное, микроанализ - Описание событий, случаев - В центре внимания человек: внутреннее, субъективное
Единицы анализа	
- Факты, события	- Субъективные значения, чувства
Исследовательские цели, задачи	
- Дать причинное объяснение - Измерить взаимосвязи	- Интерпретировать, понять наблюдаемое - Концептуализировать
Стиль	
- Жесткий, холодный	- Мягкий, теплый
Валидность (надежность) данных	
- Достоверное повторение установленных связей	- Реальное насыщение информации
Логика анализа	
- Дедуктивная: от абстракции к фактам путем операционализации понятий	- Индуктивная: от фактов из рассказов о жизни и т. д. – к концепциям

Тема 10. Количественные методы в измерении позиции в иерархии доходов, благосостояния и власти

Опорой количественных методов эмпирического гендерного исследования является гендерная статистика. Гендерная статистика – это не автономная, а «пронизывающая» область статистики и это не просто разделение статистических показателей по признаку пола, а система этих показателей, отражающая особенности положения мужчин и женщин и выявляющая механизмы создания / поддержания или преодоления гендерной асимметрии, динамики решения гендерных проблем, международных сопоставлений. Предлагаемый экспертной группой по статистическим вопросам ООН перечень данных гендерной информации включает следующие показатели:

- 1) оценку численности населения по полу, возрасту, принадлежности к этническим группам;
- 2) среднюю продолжительность жизни при рождении;
- 3) младенческую смертность по полу;
- 4) детскую смертность по полу;
- 5) материнскую смертность;
- 6) распространенность контрацептивных средств;
- 7) среднее количество лет обучения в школе по проживанию в сельской / городской местности, полу, уровню доходов;
- 8) количество проживающих лиц на комнату, исключая кухню и ванную;
- 9) доступ к пригодной для употребления воде;
- 10) доступ к оздоровлению, улучшению санитарных условий;
- 11) стоимость продовольственной корзины, достаточной для удовлетворения минимальных потребностей в питании;
- 12) валовый национальный доход (ВНП) на душу населения;
- 13) средний доход на члена семьи (уровень и распределение);
- 14) уровень безработицы по полу;
- 15) процент занятого населения в общей численности населения по полу, участию в формальном и неформальном секторах.

Каждая страна может расширять эти показатели в зависимости от особенностей экономической, политической и социальной

ситуации в стране. Кроме данных за последний год, рекомендуется дополнительно предоставлять данные еще за один год или более длительный период времени в целях обеспечения их сопоставимости и выявления тенденции гендерного развития в стране.

Для облегчения сравнения показателей между странами используется агрегированный показатель – **индекс человеческого развития (ИЧР)**, учитывающий три показателя:

- ожидаемую продолжительность жизни, что отражает возможность продолжительной и здоровой жизни;
- валовый национальный продукт (ВНП) на душу населения, что отражает экономически достойный уровень жизни;
- получение образования, что отражает уровень знаний.

Показатель ИЧР для каждой страны свидетельствует о том, сколько еще предстоит сделать стране для достижения некоторых определенных целей: средней продолжительности жизни в 85 лет (от 27,5 лет до 87,5 лет для женщин и от 22,5 лет до 82,5 лет для мужчин. Имеющееся различие показателя средней продолжительности жизни мужчин и женщин точно соответствует предположениям, основанным на биологических различиях), доступа к образованию для всех и обеспечения достойного уровня доходов. Чем ближе страна к величине ИЧР=1, тем меньше путь, который еще предстоит пройти этой стране.

Подход к компоненту дохода отличается в гендерной социологии значительной сложностью. Дело в том, что людям не нужен бесконечно высокий доход для обеспечения достойного уровня жизни. Поэтому при расчете ИЧР используется определенный порог дохода, рассматриваемый как адекватный для разумно высокого уровня жизни. Главной задачей вычислений ИЧР является не определение его величины как таковой, а ранжирование на его основе различных стран и сопоставление рейтинга стран по ИЧР и ВВП на душу населения.

Рейтинг стран по ИЧР существенно отличается от рейтинга по ВВП на душу населения. Дело не только в том, что реальный ВВП на душу населения отражает только один аспект жизни людей – экономическое измерение, но и в том, что разные страны использовали свой экономический потенциал на самых различных уровнях благосостояния или достигли одного и того же

уровня человеческого развития, имея разные доходы. Например, большинство стран Ближнего Востока добились существенного прогресса в области развития человека за последние 30 – 35 лет, но им предстоит сделать еще немало для обеспечения более справедливого распределения благ экономического развития. С другой стороны, общенациональные показатели не отражают глубоких различий между различными группами населения. Построение дисагрегированных ИЧР для различных групп населения в каждой стране дает возможность увидеть, насколько равномерным может быть развитие человеческого потенциала внутри страны. К странам с высоким уровнем человеческого развития относятся те, в которых $ИЧР > 0,8$; к странам со средним уровнем человеческого развития – те, в которых $0,5 < ИЧР < 0,8$; к странам с низким уровнем человеческого развития – те, в которых $ИЧР < 0,5$.

Показатель ИЧР для определения гендерного равенства в областях средней продолжительности жизни, уровня образования и дохода корректируется с помощью **индекса развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ)**. Поскольку гендерное неравенство существует в каждой стране, то ИРГФ всегда ниже ИЧР. Обычно сбор данных для расчетов ИЧР, ИРГФ и других агрегированных показателей по стране проводят международные эксперты. В 2000 г. эксперты ПРООН определили ИРГФ для 143 стран. Это позволило сделать следующие выводы: первые пять мест занимают Норвегия, Канада, Австралия, США и Исландия. Среди государств СНГ ИРГФ был рассчитан только для 6 стран – Белоруссии (49-е место), РФ (54-е), Украины (63-е), Молдовы (81-е), Узбекистана (87-е) и Таджикистана (82-е). Последние пять мест в рейтинге занимают Мозамбик, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Буркина-Фасо и Нигер. 30 стран имеют ИРГФ менее 0,500, что свидетельствует об удвоенных лишениях женщин в этих странах; низком общем уровне развития человеческого потенциала женщин по сравнению с мужчинами. Рейтинг 39 стран по ИРГФ ниже, чем по ИЧР: в этих странах общие достижения в области развития человеческого потенциала распределяются между мужчинами и женщинами неравноправно. В то же время рейтинг 55 стран по

ИРГФ выше, чем рейтинг по ИЧР, что свидетельствует о более справедливом распределении благ⁴⁶.

В гендерных исследованиях используется **показатель расширения возможностей женщин (ПРВЖ)**, в рамках которого основное внимание уделяется уже не условиям жизни, а участию граждан в экономической, политической и производственной отраслях. В рамках ПРВЖ доход определяется с точки зрения его вклада не в такие основные аспекты человеческого потенциала, как продление срока жизни, грамотность и защищенность от нищеты, а в такие, как источник экономической мощи, позволяющей гражданам страны, получающим доход, выбирать из широкого диапазона возможностей и реализовывать более широкий круг альтернатив. Несмотря на то что участие может принимать самые разнообразные формы, в рамках ПРВЖ основное внимание концентрируется на следующих переменных: на способности распоряжаться экономическими ресурсами, основанной на трудовом доходе (эта переменная определяет доход на душу населения); на доступе к возможностям в области производства и участия в принятии решений в области экономики (эта переменная представляет собой долю рабочих мест, относящихся по классификации к категории профессиональных и технических, а также административных и управленческих. Административные и управленческие должности ближе к процессу принятия решений, но производственные и технические должности представляют собой возможности в области развития карьеры. Нередко женщины получают специализированное высшее образование, но культурные или экономические препоны не позволяют им занимать должности, где использовались бы приобретенные ими ценные навыки. Таким образом, их потенциал используется не в полной мере. Следует иметь в виду, что качество информации о профессиональной карьере и должностях, позволяющих принимать решения, отличается неровностью. Имеется ряд вариантов, с помощью которых страны разбивают по категориям эти должности); на доступе к возможностям в области политики и участия в принятии политических решений (эта переменная определяет долю

⁴⁶ См.: Доклады ПРООН о развитии человека в 2000 гг. М.: МГУ, 2000. 464 с.

мест в парламенте). Лучшие результаты достигнуты в скандинавских странах, где доля женщин, занятых в производстве и делающих профессиональную карьеру, превышает 60% для некоторых стран. Что касается развивающихся стран, то среди них такой же процент имеют Ботсвана, Филиппины и Уругвай. В целом мировой показатель доли женщин на профессиональных и технических должностях несколько ниже (в среднем 40%). Доля женщин, занимающих административные и управленческие должности, еще меньше, за исключением Венгрии, где женщины занимают 58% таких должностей. В Австралии, США и Канаде женщины занимают около 40% таких должностей, во всех других странах этот процент низок. Даже в таких промышленно развитых странах, как Франция, Япония, Люксембург и Испания, доля женщин на административных и управляющих должностях составляет менее 10%. Таким образом, в большинстве стран мира высокооплачиваемые должности фактически недоступны женщинам. Одним из лучших показателей степени участия женщин в политической жизни служит **показатель доли представленности в местных органах власти**. Поскольку такие данные имеются не во всех странах, для сопоставимости предложена переменная представительств женщин в законодательных органах (парламенте). Средний мировой показатель представленности женщин в парламентах составляет около 10%.

Названные элементы имеют одинаковую ценность при формировании показателя расширения возможностей женщин. При этом перед разными странами вовсе не ставится цель достичь максимального, одинакового для всех значения ПРВЖ. Основное значение этого показателя заключается в обеспечении равенства выбора для женщин и мужчин в описанных выше областях жизнедеятельности. С помощью ПРВЖ можно изучить **последствия участия в экономической и политической областях**, которые могут быть вызваны наличием структурных препятствий для доступа женщин в эти области, либо они могут быть результатом выбора как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, их предпочтений в обществе. Этот вопрос должны решать сами жители каждой страны в отдельности.

В нашей стране система показателей гендерной статистики в настоящее время вмещается в десять разделов:

население (изменения половозрастного состава),
семья и
домашнее хозяйство (домохозяйства),
использование времени,
здравоохранение (здоровья и социальной помощи),
образование,
положение на рынке труда (трудовая деятельность,
экономика),
правонарушения,
положение в органах государственной власти и
местного самоуправления.

С точки зрения принципиальной новизны наиболее интересным представляется раздел «Использование времени». Необходимость обследований использования времени диктуется формированием стратегии семьи. Такие обследования призваны решать следующие задачи: дать количественную характеристику соотношения между разделением домашнего труда и участием женщин в экономической (оплачиваемой) деятельности; выявить и исследовать проблемы сочетания работы и семейной жизни; дать количественную и качественную оценку нагрузки по уходу за детьми, инвалидами или хронически больными членами семьи и родственниками. Временные рамки обследования обычно охватывают 2–3 дня. При этом обязательным условием является включение рабочих и выходных дней. При обследовании использования времени используются различные методы:

- дневники, которые раздаются респондентам, попавшим в выборку, и с помощью которых они должны в течение дня фиксировать всю свою деятельность через каждые 10 минут (европейская модель обследования);
- записи со слов, производимые интервьюером по заранее подготовленному списку (недостаток такого метода заключается в том, что в предварительном списке не все виды деятельности могут быть учтены);
- обследование всех членов домашнего хозяйства.

Метод предполагает охват всех членов семьи начиная с 10 лет и старше (европейская модель обследования). После сбора информации все виды деятельности кодируются и происходит подсчет использованного времени. В нашей стране таких обследований пока не проводилось, есть только отдельные обобщенные данные такого типа (см. табл. 2).

Таблица 2

***Возрастная динамика затрат времени
на домашний труд (часов в неделю)****

Возраст, лет	Затраты времени (часов в неделю)		Соотноше- ние затрат времени (женщины / мужчины)	Распределение совокупного фонда времени домашнего труда по полу (в %)		
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины	Итого
18 – 29	13,0	32,6	2,51	28,5	71,5	100,0
30 – 39	17,3	38,3	2,21	31,2	68,8	100,0
40 – 49	12,6	30,0	2,39	29,5	70,5	100,0
50 – 59	12,3	30,0	2,43	29,2	70,8	100,0
60 – 69	14,7	28,7	1,96	33,8	66,2	100,0
70 и старше	13,9	20,9	1,50	40,0	60,0	100,0

* *Источник:* Мезенцева Е. Б. Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М.: Эториал УРСС, 2007. С. 299.

Приведем пример расчета в обследованиях использования времени: 1. = уход за собой; 2. = работа; 3. = учеба; 4. = уход за домом и семьей; 5. = гражданская и религиозная деятельность; 6. = общественная жизнь и досуг; 7. = спорт; 8. = хобби и игры; 9. = средства массовой информации; 10. = путешествия. Образцом такого исследования могут быть результаты проведенного в Великобритании в 1997 г. обследования по использованию времени (см. табл. 3), а также по оплачиваемой и неоплачиваемой работе (см. табл. 4).

Таблица 3

Результаты обследования по использованию времени

№	Показатели	Мужчины (мин/день)	Женщины (мин/день)
1	Уход за детьми	16	26
2	Учеба	25	32
3	Общение	53	54
4	Уход за собой	53	54
5	Еда/питье	79	86
6	Другой досуг	96	78
7	Путешествия	107	87
8	Просмотр ТВ	127	117
9	Работа	211	137
10	Уход за домом	127	208
11	Сон	445	443
12	Прочее	99	113
	ВСЕГО	1440	1440

Таблица 4

Гендерное распределение оплачиваемой и неоплачиваемой работы

Страна	Оплачиваемая работа (мин/день)		Неоплачиваемая работа (мин/день)		Вся работа (мин/день)	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Албания	102	196	332	84	434	280
Литва	173	261	260	105	433	366
Болгария	121	165	291	139	412	304
Словения	140	220	253	140	393	360
Венгрия	123	195	256	157	379	352
Люксембург	84	207	291	127	375	334
Финляндия	158	184	212	138	370	322
СК	135	209	232	141	367	350
Испания	75	181	287	67	362	248
Швеция	121	200	206	135	335	335

В показателе «Работа» отражается, что мужчины затрачивают на оплачиваемую работу 211 минут в день в среднем, что составляет чуть более 3,5 часов в день. У женщин этот показатель

составляет чуть более 2-х с четвертью часов. А если подсчитать время, затраченное на неоплачиваемую работу (показатели 1, 4, 10, 12), то у мужчин этот показатель составит около 5 часов, а у женщин – более 6 часов 40 минут. Если обратить внимание на колонку «Вся работа», то можно видеть, что ни в одной стране занятость мужчин не превышает занятость женщин. Однако во всех без исключения странах занятость мужчин в оплачиваемой сфере выше, чем занятость женщин. Эти факты известны многим и без доказательств с помощью гендерной статистики. Однако учет гендерного распределения времени на оплачиваемую и неоплачиваемую часть необходим для целей достижения гендерной справедливости в стране. Во-первых, статистика является той базой, которая может быть представлена для доказательства экономической дискриминации женщин в семье. Во-вторых, результаты регулярных обследований позволяют формировать общественное мнение об экономическом вкладе женщин в семейный бюджет, который должен измеряться не только денежными показателями, но и количеством оказываемых услуг для членов семьи. В-третьих, динамика результатов таких обследований позволит увидеть тенденцию изменения гендерных отношений в стране.

В заключение перечислю основные статистические сборники с гендерной информацией: «Женщины и мужчины России», «Демографический ежегодник России», «Здравоохранение России», «Социальное положение и уровень жизни населения России», «Труд и занятость в России», «Экономическая активность населения», статбюллетени. В последние годы начали издаваться статистические сборники о положении женщин и детей в России. Обычно в этих сборниках представлена информация о численности женщин в тех или иных сферах, но не дается данных о мужчинах для сравнения.

Тема 11. Интерпретативные методы в качественных исследованиях

Поскольку при гендерном подходе к анализу социальной жизни активно используется методика многомерной классификации ценностных оснований явлений, т. е. основных содержательных особенностей эмпирических типов явлений, **приоритетными являются качественные методы эмпирического исследования.** В массовом сознании выявляются несколько устойчивых типов представлений об условиях жизни людей и определяются полярные по своим характеристикам типологические группы. **Первый этап** эмпирического гендерного исследования: выдвижение гипотезы, характеризующей степень постоянства отношения категорий каждой гендерной общности к наиболее значимым социальным действиям.

Второй этап. Формирование концептуальной схемы анализа: реальное состояние установок; отличия содержания установок по группам; зависимость между индивидуальными убеждениями, установками и оценками, с одной стороны, и существующими идеологическими системами, с другой, то есть степень идеологизированности сознания.

Третий этап. Работа с понятиями, когда сначала уточняются направления анализа основного понятия, то есть выделяются в нем более частные понятия, затем проводится процедура логического анализа понятия в соответствии с тремя основными видами исследования: разведывательным (выявление, например, готовности различных групп населения к предложению социальной активности; установки на участие; ожидания от участия; мотивации участия), описательным (структура культуры и участия; объекты; характер), аналитическим (перечень факторов, могущих оказывать прямое или косвенное воздействие на культуру и участие мужчин и женщин). Учитывается, что участие в культуротворчестве зависит от двух факторов: фона жизни и личной склонности к творчеству на основе социокультурного багажа, хранимого в памяти общества, и в соответствии с принципами выборки элементов культуры. Вполне известно, что различия групп мужчин и женщин в отношении культуры реально имеют

лишь количественный характер и определяют меру социальной ценности создаваемого, частоту самой ценностной деятельности. Поскольку объяснительные возможности социально-демографических переменных в их традиционном показе невысоки, предлагается гипотеза о латентных факторах, определяющих структуру общественного мнения. Тогда дается эмпирическое обоснование двух значимых измерений поля общественного мнения: а) политические взгляды и позиции. Наиболее общая задача состоит при этом в детальном описании спектра идеологических представлений, в том числе анализ отношения к базовым ценностям – составляющим идеологий; б) ситуативная личностная оценка условий жизни, вопрос об обосновании используемых индикаторов ценностей. Базовыми моделями могут быть: **либеральная модель** с такими чертами, как свобода, равенство гражданских и политических прав, неравенство, рынок гарантий; **квазилиберальная модель** с допущениями о прагматизме, политическом интересе, сокращении неравенства, его регулировании, неуниверсальности рынка, оценке капитала и его экономии; **социал-демократическая модель** с такими чертами, как свобода и равенство (но не уравнительность), возможное сокращение неравенства, в том числе экономического; **государственно-социалистическая модель** с характеристикой равенства, то есть социально-экономического положения группы, с характеристикой уровня самореализации. Делается попытка получения ответа на вопрос о мере влияния тоталитарного образа мышления и действий на идеологию, на мотивацию властных ориентаций и политического участия для мужчин и женщин.

Четвертый этап. Процедура классификации: комбинации градаций рассматриваемых признаков, детерминирующих значения некоторых исследуемых характеристик: а) получение таблиц сопряженности для всех пар исследуемых признаков; б) детальный анализ – поиск совокупности градаций. Отношение измеряется по пятичленной оценочной шкале, результаты типологического анализа структуры ценностей заносятся в таблицу. При контент-анализе публикаций это сто текстовых фрагментов из газет и журналов, где выявляются предметы острой полемики, а за-

тем формирование судейской группы человек в пятьдесят и отбор суждений.

Фокусом столкновения исследователей-социологов в настоящее время служит, как правило, частная сфера. В частную сферу входит широкий круг практик и стратегий формирования личной автономии, хотя частное находится под влиянием рыночного консюмеризма и тенденции индивидуальных стилей жизни. Спорными являются вопросы главенства и свободы в семье, степени и формы использования репродуктивных прав, представления о нормах и правилах, которыми люди руководствуются в своей частной жизни и домашнем труде. Наиболее важными и сложными для эмпирического исследования будут неинституционализированные (внесистемные) зоны политики, попадая в которые, любой человек сталкивается с неизвестными ему ранее силами властвования и практиками взаимодействия (идеи К. Шмитта, Дж. Агамбена, Ж. Батая о публичном контроле над «беспредельной властью» любого государства, хотя публичный контроль, по их мнению, может сам по себе нарушать частную сферу индивида). Выяснение этих вопросов позволит составить мнение о том, насколько люди реально готовы сопротивляться политическим манипуляциям. Установление степени реальности картины будет зависеть от того, насколько глубоко будет выяснена связь новых практик и стратегий с наследием предыдущей эпохи, а также с государственной семейной и демографической политикой, идеологическим контекстом и вызовами глобализации. В этой связи необходимо заметить, что социально-гендерный анализ является попыткой скомбинировать техники социального и гендерного анализа с использованием интерактивных методов (оценками людьми результатов участия в решении тех или иных вопросов их жизнедеятельности). Участие понимается как активная включенность людей в процесс анализа проблемы, принятия решений, контроля над ресурсами, усиление их значимости, веры в себя как активных субъектов в обществе. Оно, как правило, включает:

- определение проблемных групп;
- разграничение внутри группы по степени вовлеченности в проблему;

- анализ и оценку факторов управления проблемной ситуацией в разрезе опыта различных социальных групп;
- оценку ресурсов и институциональных изменений и стратегий, необходимых для решения проблемы.

В международной практике для гендерного анализа разработан ряд новых методов (образцов, по которым выполняется действие), сочетающих количественный и качественный подходы.

Картирование (Mapping). Этот метод заключается в том, что жители одной и той же местности (села, микрорайона и т. п.) рисуют карту местности, где они живут. Обычно объекты, более важные для рисующего, получаются на карте крупнее, а менее значимые – мельче или вообще отсутствуют. К примеру, на рисунках мужчин хорошо обозначены пивные, где они проводят свободное время, дороги, обозначающие связь с внешним миром, спортивные объекты и т. п. На картах, нарисованных женщинами, в первую очередь заметны магазины, рынки, детские сады, больницы и т. п. Сравнение карт дает возможность зримо выявить разные приоритеты мужчин и женщин, отражающие различия их рабочей нагрузки и образа жизни, и учитывать эти различия в развивающейся деятельности.

Так называемый **Гарвардский метод анализа** (Harvard Analytical Framework) состоит из трех основных элементов:

- обзор видов деятельности (продуктивной, репродуктивной и общественной), базирующийся на гендерном разделении труда, то есть список работ, выполняемых мужчинами и женщинами, который позволяет осуществить разделение (дисагрегацию) по возрасту, национальной и классовой принадлежности, а также по месту и времени выполнения работы;

- обзор доступа и контроля, включающий перечисление ресурсов (материальных, экономических, политических, общественных), необходимых для выполнения этих работ, и оценку их практической пользы. В качестве ресурса может выступать и время;

- обзор факторов, влияющих на разделение труда, доступ и контроль в местном сообществе. Средства, которые для этого используются, зависят от контекста, опыта сотрудников и ресурсов. Они могут включать наблюдение, полуструктурированное интер-

вью, дискуссии в фокус-группах и т. д. Ключевой принцип при использовании всех этих инструментов не только обеспечить возможность женщинам выразить их мнения, определить трудности и нужды, но и поощрять анализировать их собственные отношения с мужчинами и соответственно позицию в обществе.

Планирование, ориентированное на людей (People Oriented Planning in Refugee Situation). Данный метод разработан и широко используется Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Здесь описанные выше обзоры делаются дважды: до переселения и в настоящей ситуации. При заполнении части «доступ и контроль» указывается не только то, что имеет или не имеет группа беженцев, но и кто и что потерял и приобрел. Этот метод позволяет обнаружить очень важную для женщины проблему – необходимость в защите, дифференциацию доступа к ресурсам и контроля над ними, а также практические преимущества мужских / женских обязанностей; понимание значения не только материальных, но и таких менее очевидных ресурсов, как умения и навыки, социальные ориентации и, что наиболее важно для женщины, время. Выясняется, что, теряя одни, сохраняя и приобретая другие ресурсы (навыки, знания, подходы, жизненные ценности и способы организации и др.), люди и группы со временем зачастую обретают способность решать собственные проблемы.

Анализ возможностей и уязвимых моментов (Capacities and Vulnerabilities Analyses – CVA). Центральным здесь является вопрос о том, как планировать и выполнять деятельность по удовлетворению текущих нужд людей, находящихся в чрезвычайной ситуации, и в то же время способствовать долгосрочному развитию. Схема позволяет выявить уязвимые точки в жизни женщин, мужчин и детей в чрезвычайной ситуации и их оценку возможностей преодоления ситуации. Она основана на матрице, которая описывает категории факторов, которые влияют на жизнь людей, и отношения между этими факторами. Имеются в виду следующие категории факторов: физические и материальные ресурсы, которые требуются людям для жизни: земля, климат, здоровье, навыки, технологии; социальные и организационные ресурсы: социальные связи, политические организации, сис-

темы распределения продуктов и услуг, образование; психология и подходы: комплекс убеждений и верований, подходов и ожиданий или зависимости, который обуславливает реакцию людей на ситуацию.

Иерархия нужд Лонгве (The Longwe Hierarchy of Needs). Этот метод может быть применен в любой ситуации для того, чтобы выяснить основную направленность предполагаемой деятельности (метод предполагает, что равный контроль над ресурсами не может быть достигнут раньше, чем будет достигнуто равенство в четырех других сферах: индикаторы расположены в иерархическом порядке, начиная с самого важного). Положение мужчин и женщин рассматривается в отношении к следующим ключевым индикаторам развития: контроль над ресурсами, участие в принятии решений, справедливость / равенство мужчин и женщин, доступ к ресурсам, материальное благополучие. Данная прогрессия позволяет оценить существующие достижения и определить, что остается сделать. Матрица гендерного анализа служит двум целям: обеспечить инструментом для работы на местах по определению и анализу гендерных различий; оценить различное влияние работы по развитию на мужчин и женщин. Метод дает начало процессу анализа, который выявляет и конструктивно противостоит гендерным предрассудкам, существующим среди местного населения. В отличие от традиционных, данный метод анализа не требует обязательной оценки текущего положения. Он, скорее, дает возможность местным жителям высказать вслух спектр своих ожиданий, связанных с определенным проектом, с тем чтобы с течением времени увеличивалась вероятность изменений в пользу гендерного равенства. Метод базируется на трех принципах:

1) все знания, необходимые для гендерного анализа, уже имеются у участников, чья жизнь анализируется;

2) гендерный анализ проводится самими жителями, иначе он не содержит потенциала к изменению;

3) анализ проводится местными жителями несколько раз на протяжении длительного периода времени, то есть матрица имеет временное измерение. Тем самым фокус анализа переводится с интересов ученых или спонсирующих организаций, которые

обычно проводят разовые экспертные оценки, на интересы местного населения.

Практические и стратегические нужды. У данного метода двойная роль: способ классификации типов работ, выполняемых женщинами (обычно имеются в виду продуктивная, репродуктивная и общественная работа); оценка этих видов работ обществом (влияет на приоритеты мужчин и женщин при разработке развивающих программ или проектов). Например, забота о детях вряд ли будет приоритетом для мужчин при планировании проекта. Однако учет такой потребности может привести к явному выигрышу не только в отношении женщин, но и проекта развития в целом. И наоборот, недооценка ее может еще в стадии зарождения уничтожить планируемые положительные результаты. Различение практических и стратегических гендерных нужд, проведенное К. Мозер, важно также при гендерном планировании. Это различие проводится в связи с условиями, в которых находятся женщины (т. е. конкретными материальными обстоятельствами, в которых они живут), и в связи с их положением в обществе по отношению к мужчинам, т. е. властью, статусом и контролем над ресурсами и в области принятия решений. Практические нужды (обеспечение женщин едой, водой, топливом, жильем и медицинскими услугами; пропорциональное распределение материальных благ между мужчинами и женщинами; гендерное разделение труда: вовлечение женщин в выполнение традиционно мужских занятий; уровень вовлечения мужчин в традиционно женские занятия; количество рабочих часов в среднем в день для женщин по сравнению с количеством рабочего времени мужчин; контроль в сфере производства: доступ женщин к земле, кредитам, контроль над распределением дохода и накоплением капитала) связаны с условиями жизни женщин и мужчин и их настоящей нагрузкой. Эти потребности могут быть удовлетворены через осуществление краткосрочных мероприятий, но сами по себе эти меры вряд ли приведут к изменению неравноправного положения женщин. При этом практические гендерные нужды должны будут рассматриваться в контексте стратегических в долгосрочной перспективе. Стратегические нужды (лидирующие роли: пропорция женщин по отношению к мужчине на руководящих постах в обществе;

меры по ликвидации мужского насилия против женщин и разделения ответственности за воспитание детей между мужчинами и женщинами) вытекают из анализа подчинения женщин мужчинами и связаны с изменением положения женщин. Удовлетворение стратегических нужд женщин требует долгосрочного планирования и изменения отношения мужчин к новым для женщин видам деятельности. Очень важно, чтобы женщины сами определили свои стратегические нужды и действия в связи с этим. В то же время удовлетворение практических гендерных нужд может быть важным исходным пунктом для работы с женщинами и определения подхода к решению стратегических гендерных задач.

Чрезвычайно важно для проведения качественного гендерного анализа моделирование межкультурной коммуникации социальных общностей мужчин и женщин, то есть общения мужчин и женщин путем личных и письменных контактов⁴⁷. Традиционное определение культуры – более или менее стабильная система осознанных и бессознательных правил, норм, ценностей, структур, артефактов – дополняется новым, динамическим пониманием культуры как образа жизни и системы поведения, норм, ценностей и т. д. любой социальной группы (городской, поколенческой, организационной, социально-демографической и т. д.). Предполагается, что культурная система до определенной степени может меняться и модифицироваться в зависимости от социальной ситуации. Исследования в области межкультурной коммуникации гендерного плана актуальны, особенно в области речевой коммуникации, хотя в этой области есть серьезные теоретические проблемы. Одна из них относится к подлежащим эмпирическому исследованию **информационно-коммуникативным гендерным технологиям**. Связаны гендерные технологии, во-первых, с логикой развертывания политического момента, а не со стремлением подчеркнуть телеологическую предопределенность политической деятельности и обеспечить реализацию логики развертывания идентичности; во-вторых, с подчеркиванием дееспособности, субъектности в конкретной ситуации и в конкретный отрезок времени, что, скорее всего, найдет выражение в

⁴⁷ См: Зиммель Г. Женская культура. Фрагмент о любви // Избранное: В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юристь, 1996. С. 234–265.

несовпадении интересов «исходного материала» и социально-политических шаблонов; в-третьих, с представлением конкретного действия, «самого шага», самой возможности продуктивного использования существующей конфигурации власти, а не с борьбой за власть и не с политической философией, обосновывающей тот или иной политический шаг. Итак, гендерная технология – это основанная на стратегиях система действий компетентных физических и должностных лиц (органов), связанная с принятием решений, в ходе которой оптимально используются различного рода ресурсы, средства, тактика, процессуальные формы и соответствующие типы и виды контроля за деятельностью субъектов и участников гендерных практик. Гендерные технологии как совокупность приемов и процедур целенаправленной деятельности препятствуют оправданию гендерного неравенства, поддержке его сложившейся модели, содействуют изменениям гендерного порядка в стране. Одни из них следует расценивать как способы деятельности, в основном воспроизводящие структуры, функции и отношения власти и управления. Другие – как формирующие, достраивающие гендерную систему и систему управления до уровня актуальных требований. Последние по сути дела фиксируют процесс обновления и перехода к вновь формирующимся алгоритмам⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что гендерные технологии, безусловно, склонны к нормативному закреплению. Но с превращением в один из механизмов самоорганизации деятельности человека в области преодоления гендерного неравенства, его адаптированности к ситуации, способности к импровизированным, нестандартным действиям эти технологии могут выступать способом усиления контроля за процессом достижения обозначенной цели, формой управления этой деятельностью. В современных условиях тщательной разработки требуют правотворческие гендерные технологии на федеральном, региональном и локальном уровнях, поскольку качество и эффективность российского законодательства несовершенны. Нет законодательной гендерной технологии, которая могла бы более четко определить процесс создания и со-

⁴⁸ Алгоритм – совокупность знаков, применяемых в каком-либо исчислении.

вершенствования законов и иных нормативных правовых актов, касающихся гендерного равенства. Особенного внимания заслуживают технологии вовлечения женщин в политику, поскольку этот процесс крайне противоречив. Особо выделяются образовательные гендерные технологии.

Инструментальная часть технологии, система приемов, способов, методов и правил оптимального использования общесоциальных, специально-гендерных и технических средств, используемых субъектами и участниками в процессе соответствующих действий и операций, называется тактикой. Широкое применение в тактике находят информационно-аналитические и информационно-прогнозные средства. Постепенно осваиваемые женскими организациями информационно-аналитические и информационно-прогнозные средства, основанные на использовании компьютерных систем, трансформируют их природу, меняют их статус, дают возможность усилить их влияние на процесс принятия решений.

Основной вывод из приведенных выше положений следующий. Авторы «разводят» понятия, связанные с понятием «гендерно ориентированные технологии», тем самым преодолевая консервативную традицию. Появляются работы, посвященные образовательным, информационным, политическим, избирательным и другим гендерно ориентированным технологиям, в которых последняя не сводится к технике, искусству, средствам, стратегии. Но важно при этом обеспечивать прирост новых знаний, что «дается» непросто и происходит далеко не всегда.

В качественных исследованиях активно в последнее время используются **личные документы**: письма, автобиографии, дневники, речи, мемуары и т. п. Например, автобиография – документ, показывающий пишущего человека в непрерывности его собственной истории и происходящих около него событий⁴⁹. Выделяют следующие направления использования автобиографий:

1) конструктивный метод, когда исследователем под определенным углом зрения и на основании признанной им определен-

⁴⁹ См.: Рабочая книга социолога. Изд. 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 283.

ной социологической теории строится картина социального явления;

2) метод экземплификации, то есть иллюстрации гипотез примерами из автобиографий, иллюстрированными в ряде случаев. Приходится учитывать то, что автобиография может быть близкой к литературному вымыслу.

Содержательный метод заключается главным образом в исследовании частоты наступления определенных событий и обстоятельств, в которых эти события происходят⁵⁰.

Кино-, видео- и фотодокументы как документальные свидетельства о событиях, социальных явлениях, фактах. При этом необходимо помнить, что кино- и фотоискусство еще чрезвычайно молоды, а кино с самого его рождения слишком тесно связано с коммерцией, с определенной идеологической обработкой масс.

Конверсационный анализ. Г. Гарфинкель в 1967 г. выдвинул теорию способов и приемов организации членами социокультурной общности своей повседневной деятельности, которая направлена на эмпирический анализ разговоров (См. также: Х. Закс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Ч. Гудвин). Разговоры предстают здесь как результаты конкретных актов деятельности⁵¹.

Анализ языка тела или телесной метафоры, играющей роль отсылки к знакомому, всем известному. Поскольку человеческое тело имеет пол, ряд языковых выражений также играет роль отсылки к известному для называния сущностей, непосредственно с полом не связанных (намылить холку – изругать). В ряде случаев метафорически употребляются слова, относящиеся к стереотипным представлениям о мужских и женских качествах и образцах поведения (покраснел, как девушка). Это случаи применения гендерной метафоры.

⁵⁰ См.: Там же. С. 284.

⁵¹ Подробно см.: Центр социологического образования – Sociology.Ru // Курс биографический метод. Тема 8: Конверсационный анализ. С. 12–13. // <http://www.sociology.ru|coubiom.html>

Вопросы для самопроверки

1. Какие свойства современного индивида учитывает гендерный подход?
2. Особенности качественных методов изучения гендерной иерархии.
3. В чем суть метода автобиографии?
4. Каковы предложения западноевропейских социологов относительно соединения количественных и качественных методов изучения гендерных отношений?

Раздел V. Публичная сфера в гендерном исследовании

Тема 12. Официальная статистика о гендерном неравенстве в Российской Федерации

Понятие «социальная стратификация» в социологии широко применяют для описания системы неравенства между группами (общностями) людей, для характеристики социальных различий как иерархического ранжирования, институционально закрепленного и ставшего базисным принципом классификации людей. Разделение людей по полу, т. е. на мужчин и женщин, позволяет выделить универсальную, известную любому обществу модель стратификации с характерными для нее признаками разделения на слои в соответствии с их отношением к власти, собственности и престижу. Социальное неравенство в целом, функционально порождая у людей настойчивое стремление к реализации более высоких личных и групповых статусов, выступает важным стимулом общественного развития и личной социальной мобильности. Вместе с тем социальное неравенство может быть дисфункциональным, если в обществе действуют факторы, ограничивающие возможности реализации каких-то конкретных социальных групп. Такую дисфункциональную роль играет гендерное неравенство. Так же, как клан и класс, пол создает значимое различие между людьми – и всегда в пользу мужчин. Социальным идеалом, на который ориентируется женское движение в борьбе за равноправие мужчин и женщин, за ликвидацию дискриминации во многих сферах общественной жизни, является гендерное равенство. Сферы общественной жизни именуется в науке публичной сферой. Это прежде всего производственная сфера и политическая сфера.

Трудно предположить, что в наше время женщины (за исключением узкого круга достаточно обеспеченных) имеют финансовую возможность не работать. Для большинства семей оп-

лачиваемая работа женщин по-прежнему является необходимым источником средств существования, а потеря заработка нередко отбрасывает всю семью за черту бедности. Это подтверждается данными семейных обследований, проведенных Госкомстатом России, где в качестве основной причины бедности семьи указывается наличие в ней иждивенцев. В то же время есть признаки сужения сферы оплачиваемого труда для женщин, связанного с безработицей и дискриминацией на рынке труда. Есть кризис социальной инфраструктуры (массовое закрытие детских дошкольных учреждений и резкое повышение стоимости в сфере услуг), приводящий к тому, что значительную часть работ, ранее выполнявшихся службой быта, женщина теперь вынуждена выполнять дома сама, что увеличивает объем неоплачиваемого домашнего труда по обслуживанию семьи. Задачи гендерного исследования состоят как в констатации ситуации гендерного неравенства в экономической сфере, так и в изучении истоков этого неравенства и поиска путей его преодоления.

Статистика и многочисленные научные исследования свидетельствуют о том, что начавшиеся в России после 1991 г. социально-экономические преобразования сразу по-разному повлияли на положение мужчин и женщин в обществе в целом и в сфере труда в частности. Это было отмечено и в Национальном докладе о положении женщин в России, представленном в 1995 г. в ООН и на IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. Гендерное неравенство нашло свое выражение не только в вытеснении женщин на «периферию» основных экономических структур, но и в прямом вытеснении женщин из сферы оплачиваемого труда. Остановлюсь на этих проблемах более подробно, проанализировав данные государственной статистики, характеризующие российский рынок труда с 1990 по 1995 гг. Начну с рассмотрения динамики показателей численности и структуры занятости по половому признаку.

Отмена обязательной трудовой занятости и другие значительные изменения в России повлекли за собой значительное сокращение общей численности занятого населения, составившее за пять лет более 8 млн человек, или 10,9%. Однако это снижение уровня занятости происходило очень неравномерно, в результате

чего женская занятость уменьшилась на 7,6 млн человек, или почти на 20%, а мужская – только на 1,6%. Таким образом, среди тех, кто за это пятилетие покинул сферу экономической активности, женщины составили 92,97%. Исследования показали, что многие из уволенных женщин перешли на работу в неформальный сектор: их сделали «челночницами», продавцами в ларьках и палатках, уборщицами и т. п., практически не считаясь с их образованием и квалификацией. Эти женщины продолжали, таким образом, работать в сфере домашнего труда или неформальной занятости, не поддерживаемой ни правами, ни законами. Важно заметить, что ликвидация большого количества женских рабочих мест не только отрицательно сказалась на их общественном статусе, но и деформировала рынок труда, а следовательно, и трудовое поведение его агентов: работниц, работодателей и безработных. В последующие годы положение мало изменилось, о чем свидетельствуют данные государственной статистики (см. табл. 5).

Таблица 5

Уровень занятости населения по возрастным группам
(в процентах от численности населения
соответствующей возрастнo-половой группы)
(по итогам обследований населения по проблемам занятости)*

	Всего	В том числе в возрасте, лет										Население в трудо- способном возрасте
		до 20	20– 24	25– 29	30– 34	35– 39	40– 44	45– 49	50– 54	55– 59	60 и бо- лее	
Всего												
2007	63,2	10,9	54,4	84,3	84,3	88,1	86,8	86,6	80,7	61,1	16,8	72,8
2008	63,1	10,6	56,5	80,9	84,2	86,9	87,0	86,1	80,5	59,1	17,1	73,0
Мужчины												
2007	67,9	12,7	57,8	89,7	88,4	89,1	87,6	87,3	82,5	73,3	22,9	74,7
2008	68,3	12,2	61,2	86,9	87,3	89,6	87,9	86,5	82,5	73,9	23,4	75,2
Женщины												
2007	59,1	9,1	50,8	78,9	80,1	87,2	86,0	86,0	79,3	51,5	13,1	70,8
2008	58,5	8,9	51,8	74,9	81,1	84,3	86,3	85,6	78,8	47,8	13,3	70,6

* *Источник:* Информационная подборка материалов к «круглому столу» на тему «Правовое равенство мужчин и женщин: перспективы совершенствования законодательства» по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки). Москва, декабрь 2009 г.

Оплачиваемая занятость – это виды труда, ведущие к доходу: наемный труд, индивидуальная занятость, предпринимательство.

Выделим три группы концепций неравенства женщин на рынке труда:

1) неравенство на уровне предпочтений;

2) статистическое неравенство;

3) неравенство в связи с действием монопольных сил на рынке труда⁵². **Первая группа** иллюстрирует дискриминацию со стороны работодателя, за счет заработной платы тех работников, которые ему нравятся. **Вторая группа** концепций убеждает в дискриминации со стороны потребителя товара фирмы: он желает быть обслуженным каким-то определенным работником, и работодатель вынужден действовать по его мерке. Потребности потребителя могут быть выгодны фирме только в том случае, если доля затрат потребителя невелика. Статистическая дискриминация относится к решениям о найме, выбору работодателя в отношении кандидата на должность, качеству диплома, полу, квалификации, опыту и т. д., а не чьей-то рекомендации. В данном случае приветствуется временный контракт – страховка. Теория принятия решений называет это субъективной вероятностью. И поэтому гендерологи говорят о возможности ошибок со стороны работодателя. **Третья группа** концепций доказывает дискриминацию, проводимую и распространяющуюся среди самих работников, которые не хотят работать с какими-то другими работниками. Логика здесь приближается к отношенческим контрактам: фирма заинтересована в сохранении длительных отношений со своими работниками и традиционно поддерживает эту дискриминацию моделью монопольной силы. Утверждается, что на рынке труда действуют монопольные силы, сегментирование, два сектора, пронизывающие всю сферу занятости: первичный сектор, в котором есть хорошие рабочие места, удачные условия труда, высокая заработная плата и т. д., и вторичный сектор, где

⁵² Автор присоединяется к выдвинутой Дж. Роулзом концепции. См.: Роулз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995; Роулз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1. С. 26–40.

ничего этого нет. Секторы различаются режимами использования человеческого капитала. Теоретики утверждают, что идет вытеснение женщин во вторичный сектор, поскольку женщины якобы часто и надолго прерывают свою трудовую деятельность, поэтому равновесие невозможно, что подтверждается сравнительными данными о заработной плате мужчин и женщин (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

**Отношение заработной платы женщин
к заработной плате мужчин (в %)***

<i>Пол</i>	<i>1994 г.</i>	<i>1995 г.</i>	<i>1996 г.</i>	<i>1998 г.</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2001 г.</i>
Заработная плата на основной работе	58,31	63,26	60,59	64,67	61,62	60,13

* *Источник:* Рощин С. Ю., Горелкина О. Г. Гендерные различия в заработной плате: микроэкономический анализ факторов и тенденции // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М., 2004. С. 131.

Таблица 7

**Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин
по группам занятий в 2007 г. (по результатам
выборочного обследования организаций* за октябрь)****

	Средняя начисленная заработная плата (без единовременных выплат), руб.		Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	Удельный вес женщин в общей численности работников, %
	мужчины	женщины		
Руководители организаций и их структурных подразделений (служб)	28380	19314	68	49
Специалисты высшего уровня квалификации	18389	13462	73	72
Специалисты по компьютерам	20218	15215	75	36
Архитекторы, инженеры и специалисты родственных профессий	21605	16935	78	51

Специалисты в здравоохранении (кроме медицинских сестер)	15723	14382	91	74
Преподаватели колледжей, университетов и других вузов	14838	12007	81	61
Преподаватели в средней школе	9982	10498	105	83
Преподаватели в системе специального образования	10429	10004	96	77
Специалисты по предпринимательской	27196	15747	58	87
Специалисты в области информации и родственных профессий	18891	7564	40	97
Специалисты в области общественных и родственных профессий	22842	14809	65	87
Деятели литературы и искусства	15256	11291	74	68
Специалисты среднего уровня квалификации	16694	10078	60	80
Техники физических и инженерных направлений деятельности	17031	12497	73	39
Контролеры и специалисты-техники по эксплуатации транспортных средств	26510	12874	49	55
Средний медицинский персонал (исключая медицинский уход)	11443	11133	97	84
Медицинский персонал по уходу и акушерству	9600	10161	106	98
Преподавательский персонал начального образования	6923	9360	135	89
Персонал дошкольного воспитания и обучения	8728	8164	94	98
Средний административно-управленческий персонал	17391	12759	73	86
Социальные работники	4337	5781	133	96
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	11093	8617	78	93
Секретари, операторы счетных (вычислительных) машин и родственные виды деятельности	9255	8522	92	97

Кассиры и родственные профессии	10912	9019	83	95
Служащие, занятые информированием клиентов и хозяйственным обслуживанием	9312	7125	77	89
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов	11477	7533	66	67
Работники бюро путешествий, общественного транспорта и работники родственных профессий	15167	11431	75	87
Работники предприятий общественного питания	11692	6483	55	93
Работники, оказывающие услуги по уходу за детьми, больными, инвалидами, престарелыми и т. д.	4383	5236	119	97
Работники служб, осуществляющих защиту граждан и собственности	11489	8200	71	16
Продавцы магазинов и демонстраторы товаров	11306	8763	78	90
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	15678	10766	69	23
Строители-монтажники и родственные профессии	13555	12142	90	4
Рабочие-отделочники на строительных и ремонтно-строительных работах и родственные профессии	17602	12430	71	48
Формовщики, сварщики, вальцовщики, подготовители конструкционного металла и рабочие родственных профессий	17290	11226	65	14
Слесари-инструментальщики, станочники, наладчики и рабочие родственных профессий	16267	12101	74	17
Слесари-механики, слесари-сборщики и слесари-ремонтники промышленного оборудования и транспортных средств	15272	11802	77	8
Профессии рабочих пищевой промышленности	10740	10032	93	78

Профессии рабочих транспорта	17957	13227	74	25
Профессии рабочих связи	12428	7720	62	59
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики	16240	11048	68	27
Операторы, аппаратчики и машинисты горнодобывающих и горно-обогатительных установок	26450	14772	56	14
Операторы, аппаратчики, машинисты и другие профессии на металлоплавильных установках	19132	12578	66	25
Аппаратчики, операторы и машинисты установок по переработке химического и нефтехимического сырья	19256	12628	66	56
Операторы, аппаратчики и машинисты установок электростанций, сетей и других силовых установок	11090	9728	88	49
Операторы, машинисты, аппаратчики оборудования по производству химических	14494	9684	67	55
Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования, не вошедшие в другие группы	12477	9767	78	68
Машинисты локомотивов и рабочие родственных профес-	22360	11589	52	14
Водители мототранспортных средств	14595	12883	88	2
Машинисты сельскохозяйственного, землеройного, подъемного и другого подвижного погрузочно-разгрузочного	17823	14113	79	19
Неквалифицированные рабочие	7113	5825	82	71

* Без субъектов малого предпринимательства.

** *Источник:* Информационная подборка материалов к «круглому столу» на тему «Правовое равенство мужчин и женщин: перспективы совершенствования законодательства» по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки) Москва, декабрь 2009 г.

По данным, приведенным в таблицах, средняя величина заработной платы женщин равна 63,3% средней величины заработной платы мужчин. Это не прямая, а **горизонтальная сегрегация**: концентрация мужчин и женщин в разных отраслях экономики, деление видов профессиональной деятельности на мужские и женские. Само по себе это не выражение неравенства, неравенство – в несопоставимости заработка. Спад производства в топливной промышленности и машиностроении (на 32% и 61% соответственно; преимущественная занятость мужчин), в легкой промышленности, где преимущественно заняты женщины, – на 80%. Переброс рабочей силы: в торговле численность женщин сократилась, в общественном питании, в финансах и кредитовании, в страховании численность мужчин выросла.

Вертикальная сегрегация, то есть различия внутри отраслей, где численность мужчин и женщин приблизительно равны: сельское хозяйство, лесное хозяйство, финансы, промышленность, торговля. Здесь разные уровни профессионально-должностной иерархии: женщины-рабочие отстают от мужчин на 2–1,5 квалификационных разряда, женщины составляют 2/3 состава рабочих неквалифицированных профессий, женщины также составляют треть работающих на вредных производствах. В большинстве случаев женщины начинают свою карьеру на приблизительно равном профессиональном уровне по сравнению с мужчинами, но затем резко отстают в своей квалификации и в скорости восхождения по служебной лестнице. По мере продвижения по службе численность женщин среди руководителей снижается. Составляя примерно 60% от общего числа специалистов высокой квалификации, женщины только в 7% случаев занимают руководящие, в основном низовые, должности. Как правило, это не связано с различной степенью одаренности или компетенции, а объясняется разницей в ожиданиях и поведении, что, в свою очередь, обусловлено ранней полоролевой социализацией так же, как и конкретной экономической ситуацией. Одновременно усиливается дискриминация выпускниц вузов, которых не берут на работу и о чем не боятся открыто писать в рекламных объявлениях. Некоторые исследователи пытались объяснить данные факты нежеланием женщин конкурировать с

мужчинами в их традиционных сферах и желанием реализовать себя в других областях. Однако во всем мире женщины быстрыми темпами входят в профессиональный мир: в 1971 г. доля женщин, получивших диплом магистра делового администрирования, составляла лишь 4% в общем числе выпускников, в 1976 г. – уже 12%, в 1987 г. эта цифра достигла 33%, а в настоящее время среди выпускников по данной специальности женщины превышают половину. В 1980-е гг. было обнаружено, что изучение успехов женщин ведется в рамках традиционно признанных академических и профессиональных достижений. Согласно идее Дж. Эклз, традиционное определение достижений является не только узким, но и стереотипно мужским. Исследовательница предлагает понимание термина «карьера» в соответствии с женскими представлениями о должностях⁵³.

Гендерное неравенство не является изначально присущим рыночным институтам. Тем не менее эти институты испытывают на себе воздействие гендерного неравенства; гендерные отношения определяют форму отношений между мужчинами и женщинами, когда они участвуют в рыночных сделках. Иными словами, в то время как коммерческие отношения между покупателями и продавцами или работниками и работодателями не являются изначально гендерными, социальное позиционирование работника и работодателя или покупателя и продавца как отношений *vis-à-vis* обусловлено гендерными иерархиями и нормами: труд женщины определяется как «женский», то есть имеющий подчиненный статус, равно как и рабочее место, которое она занимает.

Ключевой проблемой является **взаимозависимость между результатами макроэкономического анализа, где принимаются в расчет только рыночные показатели, и теми результатами, которые во внимание не принимаются, – нерыночными услугами, имеющими важнейшее значение при производстве человеческих ресурсов.** Предложенная МВФ макроэкономическая политика, касающаяся таких социальных целей, как справедливое распределение доходов и снижение бедности, страдает от предубеждений о кормильце – мужчине,

⁵³ См.: Эклз Р. Дж., Герц Р. Х., Киган Э. М., Филипс Д. М. Х. Революция в корпоративной отчетности. М.: Олимп-бизнес, 2002.

крайне редко принимает во внимание взаимоотношения между оплачиваемыми и неоплачиваемыми формами труда. Во-вторых, длительный отпуск, больничные листы (в большинстве случаев в связи с заботой о близких). В-третьих, женское соглашательство, чуждость карьеры, стремление к удобной работе. Целый ряд американских исследовательниц предположил, что женщины имеют просто «другой взгляд на мир», поэтому определяют достижения или успех совершенно иначе, чем мужчины. С их позиции, рост и укрепление значимых межличностных отношений могут прекрасно конкурировать по важности с продвижением по службе. В-четвертых, социальная политика, конструирующая зависимый статус женщин. В-пятых, безработица (см. табл. 8, 9).

Таблица 8

Уровень безработицы по возрастным группам
(в процентах от экономически активного населения
соответствующей возрастно-половой группы)
(по итогам обследований населения по проблемам занятости)

	Всего	В том числе в возрасте, лет										
		до 20	20– 24	25– 29	30– 34	35– 39	40– 44	45– 49	50– 54	55– 59	60 и более	
Всего												
2007	5,7	24,0	11,2	5,0	5,6	4,4	5,1	4,6	4,3	2,6	2,6	
2008	7,0	30,9	12,9	6,5	6,6	5,8	5,4	5,1	5,4	4,6	4,7	
Мужчины												
2007	6,0	22,9	11,4	5,0	5,7	5,0	5,6	4,8	4,5	2,9	2,6	
2008	7,5	30,9	13,1	6,8	7,6	5,9	5,4	5,4	6,2	4,9	5,1	
Женщины												
2007	5,3	25,5	11,0	5,0	5,5	3,8	4,7	4,3	4,1	2,4	2,7	
2008	6,4	31,0	12,7	6,2	5,5	5,8	5,3	4,8	4,8	4,3	4,2	

**Распределение численности безработных
по возрастным группам (по итогам обследований населения
по проблемам занятости)***

	Всего, тыс., человек	В том числе в возрасте, лет										Сред- ний воз- раст, лет
		до 20	20– 24	25– 29	30– 34	35– 39	40– 44	45– 49	50– 54	55– 59	60 и бо- лее	
Безработные (всего)												
2007	4246	382	870	496	523	382	487	499	390	149	68	34,6
2008	5 289	484	1 070	647	623	524	485	554	507	269	128	34,9
Мужчины												
2007	2271	213	476	265	277	219	257	253	191	86	34	34,3
2008	2 901	284	597	362	372	270	238	278	272	154	73	34,5
Женщины												
2007	1975	169	394	231	246	164	229	246	199	63	34	34,8
2008	2 388	200	473	284	251	254	247	275	236	114	55	35,4

* *Источник:* Информационная подборка материалов к «круглому столу» на тему «Правовое равенство мужчин и женщин: перспективы совершенствования законодательства» по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки). Москва, декабрь 2009 г.

Выводы: среди безработных одинаково преобладают женщины и мужчины предпенсионного возраста, состоящие в браке, но вдовы и разведенные женщины пополняют ряды безработных прежде всего.

**Тема 13. Традиционные
и современные подходы
к анализу проблем занятости женщин
и мужчин на рынке труда**

Изучение проблем занятости мужчин и женщин является традиционным как для нашей общественной науки, так и для гендерных исследований, поскольку труд и занятость относятся к ключевым сферам жизнедеятельности человека. Однако методологические подходы и приоритетные направления исследования

проблем занятости в «традиционной» и гендерной науке отличаются в значительной мере. **Традиционные теории развития карьеры** одинаково ограничены тем, что связаны с изучением отраслевой и профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, с проблемами условий и оплаты труда в «женских» и «мужских» отраслях и т. п., а не сосредоточены на связи этой структуры с другими сферами жизни. Давая общее представление об изменении структуры занятости по полу, традиционные подходы не позволяют понять природу причинно-следственных связей тех проблем, которые возникают в результате структурных сдвигов в экономике, и не отвечают на вопрос о влиянии этих сдвигов на положение женской и мужской рабочей силы на рынке труда. **В гендерных исследованиях считается, что теория должна учитывать социально-политический контекст, определяющий диапазон возможностей женщин, природу и рамки внешних барьеров, стоящих на пути определяющих карьеру решений.** Сущность гендерной стратегии в обществе состоит в ориентации управления на восстановление публичной сферы, на возвращение политике значения пространства деятельности равных субъектов, имеющих свои цели, планы, разработки, конкретные намерения. В центре внимания находится женщина влияющая, реализующая свои предпочтения, способная выразить свои желания и интерес, бороться с ярлыком, «ценой», внести в политику свое уникальное, неповторимое видение ее, исключить подстраивание под заданные обществом нормы и роли, поднять престиж политики и участника политики.

Безусловно, находкой для гендерной теории являются женщины-предприниматели, женщины-руководители. Но здесь действует **концепция жизненных циклов**: прерывистость профессиональной карьеры как норма экономического поведения женщины. Литература, посвященная исследованиям занятости женщин как в коммерческом секторе сельского хозяйства, так и в промышленности демонстрирует, как социальные нормы относительно «женского» характера труда, «женской работы», «зависимости жен от мужей» функционируют в рамках так называемых «безличных» рынков, создают отдельные женские и мужские сферы и особые гендерные иерархии. Аналогично, даже если

женщина-предприниматель обладает таким же доступом к капиталу и таким же уровнем подготовки, как и ее коллеги-мужчины, она рискует столкнуться с препятствиями на рынке, так как исключена из социальных бизнес-сетей, посредством которых распространяется жизненно важная информация и оказывается поддержка.

Весомый признак реализации гендерной стратегии – постепенное утверждение и распространение гендерного менталитета: гендер как социально-культурный конструкт не остается простой надстройкой, а, будучи реализованным в сознании и поведении людей, вплетается в ткань любого общественного, в том числе политического, процесса. Поэтому недопустимо разделение между повседневными житейскими практиками становления гендерного менталитета (совокупностью наиболее устойчивых представлений, верований, стандартов и стереотипов сознания человека, относящихся к взаимоотношениям полов) и обучением предпочтениям, связанным с гендером. Гендерный менталитет может быть понят в связи с общецивилизационными изменениями, происходящими в настоящее время, формированием альтернативного «экономическому человеку», предпринимателю, конкуренту в культуре «человека социального». Новый порядок опирается уже не на идеологическое единство, нетерпимое к Другому, а на взаимосвязь, взаимопереплетение разнородных интересов, предполагающих терпимость и уважение к Другому. Поступки, переживания, желания не оцениваются единым масштабом, а воспроизводятся в конкретном контексте. Новый порядок стихийно складывается в повседневности. Этот стихийный процесс трансформации структуры «жизненного мира» и следует сделать предметом социальной рефлексии и тем самым контроля со стороны общественности. При этом необходимо учесть, что повседневность – это не обыденные знания, мнения, традиции, нормы, на которые стремятся опереться люди, действующие в сфере добывательства и расчета, а система человеческих взаимодействий, каждое из которых рационально, но в совокупности образует никем не предусмотренный порядок. Заботливое создание государством и обществом мира повседневности служит общей основой взаимодействия людей.

Тема 14. Основные методы анализа сотрудничества мужчин и женщин в сферах общественной жизнедеятельности

С половой принадлежностью в значительной мере связан настоящий жизненный опыт людей. Это позволяет сосредоточиться на той социальной деятельности, которая будет содействовать политической деятельности женщин. Поскольку естественной и необходимой для женщины является связь с домашней сферой и ответственность за нее, постольку разделение труда между полами воспринимается женщинами как естественное и неизменное явление. Исторически сложившейся проблемой является обособление сферы семейной и личной жизни от остальной части социальной жизни, резкое отличие действующих в этой сфере принципов от принципов, действующих в общественной сфере. Игнорируется политическая природа семьи и связанная с этим экономическая зависимость женщины; образ семьи идеализируется, становление и развитие семьи не объясняются: семья воспринимается как некая заранее сформированная данность. Употребляется нейтральный по отношению к полу язык. Это происходит вследствие недостаточного внимания к анализу дихотомии «общественное / частное»: указывается лишь на двойственность данного различия, ретушируется факт многообразия значений данного различия. Радикалы отождествляют одно с другим, либералы дают узкое определение частной сферы, что не всегда гармонирует с демократической идеей. Необходимо видеть базу общественных изменений в виде нескольких дополняющих друг друга и в чем-то соперничающих ценностных систем, обусловленных природой и жизненным опытом женщин и мужчин. В связи с этим в гендерных исследованиях предлагаются вполне реализуемые модели сотрудничества мужчин и женщин в сферах общественной жизнедеятельности.

Модель 1 базируется на знании основных качественных социальных параметров, отличающих мужчин и женщин, и насущных потребностей. С помощью качественных методов уясняется, какое значение субъект придает своему действию, какова реальная, рутинная, каждодневная практика отношений субъекта в обществе. Главное – видение не того, что изменилось для субъек-

та с включением в политику, а то, как относится субъект к отчуждению от политики, от других социальных институтов. Стратегия исследования состоит здесь в концентрации внимания на процессе появления и развития изучаемого феномена (например, заинтересованной в политике женщины) путем анализа разнохарактерной информации о каждодневной практике жизни женщины. Применяемые качественные методы исследования: письма, глубинное интервью, газетные материалы, документы из текущих архивов политических партий, движений. Можно проследить и сделать практические выводы относительно изменения отношений мужчин и женщин вследствие ломки системы социального контроля со стороны социальной группы.

Модель 2 характеризует обеспечение активного восприятия мужчинами информации, поставляемой женщинами в сферах общественной жизни, выделение приемов ориентации на мужчин, которые должны использовать женщины в своем к ним обращении: методы привлечения интереса, определенная интонация и т. д.

Модель 3 дает знание о возможностях сотрудничества мужчин и женщин, развиваемых при помощи женских общественных организаций (выявление направлений социальной политики), о характере той информации, которую несут в структуры власти организованные женщины, состоянии и перспективах диалога женщин и мужчин, обратной связи, интерактива. Идея диалогизма развивалась и в работах русского лингвиста М. М. Бахтина, считавшего, что речевое общение обозначает однозначно форму социального взаимодействия, которая осуществляется в форме высказываний, тогда как речь понимается в качестве совокупности текстового или знакового материала, лишенного диалогических отношений. Необходимым признаком коммуникации является ее адресованность: значим контекст конкретных временных и исторических условий (времени и места). Одни и те же элементы языка могут употребляться для передачи диаметрально противоположных смысловых позиций.

Модель 4 показывает динамику изменений, к которым будет стремиться коммуникация – созданию симметричных отношений, одинаковой оценке объектов при одинаковой оценке друг друга.

Модель 5 призвана обозначить различие между взглядами и сообщениями, полезными для государства именно в данный мо-

мент времени (полнота, точность и своевременность информации), важными в целях информационного прогноза. Здесь необходимо выделить благоприятные и неблагоприятные факторы проявления данных различий с оценкой конечного итога их взаимодействия (факторы первого порядка: факторы поведения – мотивы, ценностные ориентации, убеждения) и сравнение уясняемого положения с положением в других странах (факторы второго порядка – факторы организации, работы институтов). В первом случае наблюдаются наследственность и изменения, а также уровень синхронности реакции мужчин и женщин, мера общности их ценностей и убеждений. Во втором случае наблюдается работа институтов по развитию способностей и предпочтений граждан – мужчин и женщин. При обращении к анализу поведения мужчин и женщин в политике в первую очередь сравниваются политическое поведение и политическое участие мужчин и женщин в двух временных периодах. Сравниваются распределения переменных, касающихся мужчин и женщин. Социологические исследования об этом: рост численности женщин, живущих в режиме жесткой экономии (45,95 в 1995 г.; 42,8% в 1996 г.), опасаящихся потерять работу (33,4 и 32,8% соответственно), не имеющих потребности в развитии личности, равнодушных к политике (только 20% опрошенных женщин высказались, что за благополучие человека должен отвечать сам человек). Конец 1990-х – начало XXI в.: за благополучие должен отвечать прежде всего сам человек, а потом государство – 1999 г. – 34,0%; 2003 г. – 46%; положительная оценка реформ – 2/3 опрошенных (стимул – вторая профессия); практика участия в общественных организациях и протестном движении: 1999 г. – 76,5%; 2003 г. – 95,6%. Сравнение распределений переменных, обозначающих частоту появления утверждений правового, мотивационного и ценностного характера, показывает незначительность различий мнения мужчин и женщин⁵⁴.

⁵⁴ См.: Хасбулатова О. А., Егорова Л. С., Досина Н. В. Социальное настроение и ценностные ориентации мужчин и женщин России: По материалам мониторинга 1991–2000 гг. // Женщина в российском обществе. 2000. № 4; Досина Н. В. Политическое участие граждан России на рубеже XX–XXI веков: гендерная стратегия. М: Изд-во Военного университета, 2003.

Исследуются факторы второго порядка – институты, причины, в соответствии с которыми мужчины и женщины идут в политику; ценности, признанные ими в политической системе общества. Наблюдаемое положение дел говорит о том, что для мужчин основная причина участия в политике – это возможность отстаивания прав, получения денег, обсуждение международного положения дел; для женщин – возможность поправить материальное положение, усилить безопасность жизни, сохранить основные ценности, сделать их доступными для всех, распространить в обществе толерантность. Положение дел показывается на примере конкретных политических ситуаций (ивент-анализ). Определяются верхние и нижние пределы данного явления, прогноз содержит указание на степень своей достоверности.

Кроме ивент-анализа, используется контент-анализ, в частности, документы, показывающие развитие государственной службы в гендерном аспекте, а именно: «О реестре федеральных государственных должностей РФ» (январь 1995 г.); закон «Об основах государственной службы РФ» (июль 1995 г.); Указ Президента РФ «Положение о федеральной государственной службе РФ» (декабрь 1996 г.); Указы Президента РФ «О некоторых социальных гарантиях лиц, замещающих федеральные государственные должности», «О квалификационных требованиях к лицам, замещающим государственные должности», ФЗ «О муниципальной службе», перечень специализаций образования, считающихся равноценными основному профессиональному образованию для лиц, замещающих государственные должности. Следует подчеркнуть, что одновременно выходит Указ Президента РФ «О повышении роли женщин в системе органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ». Указ не работает. Причины следующие: отсутствие четких критериев отбора и оценки кадров при их выдвижении на руководящие должности; отсутствие программы служебного роста женщин всех возрастов; отсутствие особых планов профессиональной подготовки и переподготовки женщин-госслужащих, то есть планирование их карьеры. Иначе говоря, присутствуют меры «дотягивания» женщин до мужчин и отсутствуют меры переори-

ентации политики на социальные нужды и приспособления женщин к сфере политики и власти (см. табл. 10, 11, 12).

Таблица 10

**Состав депутатов законодательных (представительных)
органов государственной власти субъектов
Российской Федерации на 1 января 2008–2009 гг. (чел.)**

	На 1 января 2008г.				На 1 января 2009г.			
	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины, в %	Муж- чины, в %	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины, в %	Муж- чины, в %
Российская Федерация	457	3573	11	89	500	3568	12	88
Центральный федеральный округ								
Белгородская обл.	4	31	11	89	4	31	11	89
Брянская обл.	3	57	5	95	3	57	5	95
Владимирская обл.	3	35	8	92	4	34	11	89
Воронежская обл.	4	51	7	93	4	52	7	93
Ивановская обл.	8	40	17	83	10	38	21	79
Калужская обл.	6	33	15	85	7	32	18	82
Костромская обл.	3	33	8	92	3	33	8	92
Курская обл.	4	41	9	91	4	41	9	91
Липецкая обл.	7	49	13	87	6	49	11	89
Московская обл.	5	44	10	90	5	44	10	90
Орловская обл.	6	44	12	88	6	44	12	88
Рязанская обл.	2	34	6	94	2	34	6	94
Смоленская обл.	7	41	15	85	7	41	15	85
Тамбовская обл.	1	48	2	98	1	48	2	98
Тверская обл.	4	28	13	87	4	29	12	88
Тульская обл.	6	42	13	87	6	41	13	87
Ярославская обл.	5	44	10	90	5	45	10	90
г. Москва	6	29	17	83	6	28	17	83
Северо-Западный федеральный округ								
Республика Карелия	9	41	18	82	9	41	18	82
Республика Коми	7	22	24	76	7	22	24	76
Архангельская обл., в т. ч. Ненецкий авт. округ	8	53	13	87	8	53	13	87
Вологодская обл.	7	11	39	61	5	11	31	69
Калининградская обл.	5	29	15	85	5	29	15	85
Ленинградская обл.	3	37	8	92	3	36	8	92
Мурманская обл.	8	41	16	84	9	41	18	82
	8	24	25	75	8	24	13	87

	<i>На 1 января 2008г.</i>				<i>На 1 января 2009г.</i>			
	<i>Жен- щины</i>	<i>Муж- чины</i>	<i>Жен- щины, в %</i>	<i>Муж- чины, в %</i>	<i>Жен- щины</i>	<i>Муж- чины</i>	<i>Жен- щины, в %</i>	<i>Муж- чины, в %</i>
Новгородская обл.	3	22	12	88	3	23	12	88
Псковская обл.	5	38	12	88	7	37	16	84
г. Санкт-Петербург	5	45	10	90	5	45	10	90
<i>Южный федераль- ный округ</i>								
Республика Адыгея	7	45	13	87	7	47	13	87
Республика Дагестан	5	67	7	93	5	67	7	93
Республика Ингушетия	1	31	3	97	4	23	5	95
Кабардино-Балкарская республика	11	97	10	90	10	89	10	90
Республика Калмыкия	4	22	15	85	4	23	15	85
Карачаево-Черкесская Республика	8	65	11	89	8	65	11	89
Республика Северная Осетия-Алания	6	64	9	91	6	64	9	91
Чеченская Республика	5	55	8	92	2	39	5	95
Краснодарский край	5	65	7	93	5	64	7	93
Ставропольский край	4	46	8	92	4	46	8	92
Астраханская обл.	5	52	9	91	5	52	9	91
Волгоградская обл.	6	32	16	84	6	32	16	84
Ростовская обл.	3	42	7	93	6	44	12	88
<i>Приволжский феде- ральный округ</i>								
Республика Башкор- тостан	8	110	7	93	6	113	5	95
Республика Марий Эл	6	45	12	88	6	46	12	88
Республика Мордовия	6	42	13	87	6	42	13	87
Республика Татарстан	12	82	13	87	12	81	13	87
Удмуртская республика	14	85	14	86	17	83	17	83
Чувашская республика	5	39	11	89	5	38	12	88
Пермский край	1	58	2	98	1	58	2	98
Кировская обл.	3	51	6	94	3	51	6	94
Нижегородская обл.	4	45	8	92	4	45	8	92
Оренбургская обл.	2	45	4	96	2	44	4	96
Пензенская обл.	-	25	-	100	-	24	-	100
Самарская обл.	5	45	10	90	5	45	10	90
Саратовская обл.	5	31	14	86	5	31	14	86
Ульяновская обл.	3	25	11	89	3	27	10	90
<i>Уральский федераль- ный округ</i>								
Курганская обл.	2	29	6	94	2	32	6	94
Свердловская обл.	5	42	11	89	6	43	12	88

	<i>На 1 января 2008г.</i>				<i>На 1 января 2009г.</i>			
	<i>Жен- щины</i>	<i>Муж- чины</i>	<i>Жен- щины, в %</i>	<i>Муж- чины, в %</i>	<i>Жен- щины</i>	<i>Муж- чины</i>	<i>Жен- щины, в %</i>	<i>Муж- чины, в %</i>
Тюменская обл., в том числе:	3	31	9	91	3	30	9	91
Ханты-Мансийский авт. округ	3	25	11	89	3	25	11	89
Ямало-Ненецкий авт. округ	3	19	14	86	3	19	14	86
Челябинская обл.	1	55	2	98	1	55	2	98
<i>Сибирский федераль- ный округ</i>								
Республика Алтай	6	35	15	85	6	35	15	85
Республика Бурятия	9	56	14	86	9	57	16	84
Республика Тыва	38	97	28	72	54	106	34	66
Республика Хакасия	11	64	15	85	9	61	13	87
Алтайский край	7	59	11	89	10	57	15	85
Забайкальский край	5	37	12	88	4	46	8	92
Красноярский край	10	42	19	81	10	42	19	81
Иркутская обл.	4	41	9	91	12	38	24	76
Кемеровская обл.	4	29	12	88	7	29	19	81
Новосибирская обл.	5	92	5	95	5	92	5	95
Омская обл.	2	42	5	95	2	42	5	95
Томская обл.	5	37	12	88	5	37	12	88
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>								
Республика Саха (Якутия)	6	63	9	91	11	59	16	84
Камчатская край	4	46	8	92	5	43	10	90
Приморский край	6	34	15	85	6	34	15	85
Хабаровский край	4	22	15	85	4	22	15	85
Амурская обл.	-	-	-	-	5	31	14	86
Магаданская обл.	-	25	-	100	-	25	-	100
Сахалинская обл.	1	24	4	96	4	24	14	86
Еврейская авт. обл.	6	10	38	62	6	10	38	62
Чукотский авт. округ	5	7	42	58	5	7	42	58

Таблица 11

**Состав депутатов Государственной Думы
созыва 2008–2011 гг.
по состоянию на 1 января 2008–2009 гг. (чел.)***

	На 01.01.2008 г.				На 01.01.2009 г.			
	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щи- ны, в %	Муж- чины, в %	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щи- ны, в %	Муж- чины, в %
Всего	63	387	14	86	64	386	14,2	85,8
В том числе по фракциям: «Единая Россия»	44	271	14	86	45	270	14	86
«Коммунистическая партия Российской Федерации»	4	53	7	93	4	53	7	93
«Либерально- демократическая партия России»	4	36	10	90	4	36	10	90
«Справедливая Рос- сия: Родина / Пен- сионеры / Жизнь»	11	27	29	71	11	27	29	71

Таблица 12

**Состав Совета Федерации
по состоянию на 1 января 2008–2009 гг. (чел.)**

	На 01.01.2008 г.				На 01.01.2009 г.			
	Жен- щи- ны	Муж- чины	Жен- щи- ны, в %	Муж- чины, в %	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щи- ны, в %	Муж- чи- ны, в %
Численность членов Совета Федерации	8	161	5	95	8	159	5	95
в том числе предста- вителей органов вла- сти субъектов Рос- сийской Федерации: представительных	5	80	6	94	5	78	6	94
исполнительных	3	81	4	96	3	81	4	96

* *Источник:* Информационная подборка материалов к «круглому столу» на тему «Правовое равенство мужчин и женщин: перспективы совершенствования законодательства» по информационно-библиографическим ресурсам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки). Москва, декабрь 2009 г.

Выстраивание политических отношений женщин с мужчинами на политическом рынке и в политических партиях идет по следующим направлениям: строительство механизма диалога; строительство специальных структур для женщин во власти. Дается определение политического рынка как опосредования связи между свободно конкурирующими индивидами, любые цели и мотивы которых правомерны при их соотнесенности. Товаром является программа политической партии, рассматриваемая в двух уровнях: на уровне требований, как они соотносятся с требованиями, выдвигаемыми другими политическими партиями, и на уровне требований разных групп женского населения, как они учитываются одной партией – изготовителем программы. Цель такого анализа – заметить сходные потребности избирателей, сформировать именно эти потребности, потому что партии важно не только отразить специфическое положение мужского и женского населения, групп женского населения, но и обновить потребности и запросы женщин. Для этого осуществляется планирование политической партией избирательной кампании. Далее осуществляется построение корреляционного графа: рассматриваются все программы и изучаются вопросы: степень одобрения признака (минимальная, максимальная, нейтрального суждения нет); таблица распределения случаев с последующей статистической обработкой; сравнительная арифметическая оценка для каждого случая; приписывание кода анализируемому тексту (встречаемость слов, тем, получивших нашу поддержку). Составляется корреляционная матрица, обобщается информация для построения корреляционного графа, составляется корреляционный граф (скопление признаков у политической партии).

Модель 6 представляет разные уровни коммуникативного взаимодействия женщин и мужчин (на примере позиций гендерного управления в трудовом коллективе): способы удовлетворения потребности в информации, систему принципов гендерного управления персоналом, средства формирования, воспроизводства и распространения гендерной культуры, профессиональные услуги коллектива в гендерном аспекте (гендерного характера), результаты реализации комплексного гендерного подхода – КГП (мейнстриминга). Требования к исполнителям управленческих

функций, кадровой политики должны отталкиваться от типа кадровой политики относительно гендера. Предполагается несколько типов кадровой политики в отношении гендера:

- патриархатная (маскулинная кадровая политика, в которой в продвижении человека по должностной лестнице при равных обстоятельствах, а иногда и в противовес им решает пол соискателя. В таком коллективе женщины на руководящих постах представлены символически;

- феминистская кадровая политика, когда коллективом руководят женщины, усвоившие мужские правила игры. Их характеризует бескомпромиссность, требование профессиональной самоотдачи, часто в ущерб семье;

- андрогинная кадровая политика, где приветствуется личность, гармоничное соединение в человеке профессиональных и человеческих качеств независимо от пола, господствует принцип понимания, взаимодополнения, сосуществования. Придерживаться андрогинного типа кадровой политики означает: установить соотношение, но не упираться в 50 на 50; допускать отклонение на 10–15% (при 20–25% возможно формирование меньшинства и протеста, явного или скрытого); учить мониторингу – постоянному наблюдению за изменениями ситуации в стране, быстротой изменений, формированием ситуаций риска, потерей прежних связей с родственниками, единоличной ответственностью. Условия здесь заставляют считаться не с полом, а с личностью, готовностью человека к эффективным действиям;

- индифферентная кадровая политика, которая не учитывает или не знает гендерной проблематики как самостоятельной;

- проблемно ориентированное управление, предусматривающее преодоление разрыва между управленцами и управляемыми, то есть выявление реальных проблем коллектива и владение ими. Это организация группового обучения сотрудников одного коллектива решению его реальных проблем;

- проективное управление, нацеленное на личность, умеющую сформировать проект своей жизнедеятельности. Здесь имеет место направленность на практику совместной деятельности, консультирование с целью оказания реальной помощи в разработке совместных проектов. В итоге продукт коллектива должен выглядеть как

результат групповой деятельности, сближение карьеры и самореализация, хорошее самочувствие членов коллектива.

Модель 7 практикует следование элементарным культурным нормам и правилам вежливости при обращении к аудитории. Здесь необходимо иметь в виду две группы целей коллектива: общие, направленные на изготовление продукта для потребителя, когда необходимо изучение тенденций в определенной сфере изготовления продукции, рассмотрение методов и технологий решения производственных задач; цели, связанные с подготовкой сотрудников к реализации здоровой конкуренции. В первом случае гендер связан с выделением социальных проблем граждан как предпочтительных для решения, с перераспределением средств, с увеличением персонала этого рода, с поворотом на удовлетворение потребностей качества жизни. Но тогда необходимо тщательное изучение спроса и потребностей граждан, работа с каждым их заявлением, ориентация на удовлетворение и формирование потребностей и предпочтений граждан. Основа деятельности коллектива – постановка и достижение целей. Причем необходимо почувствовать близость в восприятии сотрудниками-мужчинами ситуаций взаимодействия, предположить некоторое сближение видения ситуаций совместной деятельности. Во втором случае необходимо выйти на анализ гендерных конфликтов, их диагностику, коррекцию – перевод в конструктивное положение, профилактику. Воспринимать конфликт как положительное явление и в то же время учитывать, что конфликт – это столкновение сторон, в котором одна пытается решить свои проблемы за счет другой; поскольку у сторон разные мотивы, цели, пути, средства, различать конфликт и состояние сторон, связанное с физиологией и демографией. Гендерные конфликты бывают гомосубъектными (между мужчиной и женщиной), гетеросубъектными (между женщиной и женщиной по поводу мужчины, между женщиной и женщиной по поводу мужчины, между кем-то и кем-то по поводу гендера). Тактика разрешения руководителем гендерного конфликта зависит как от конкретной ситуации, так и от опыта руководителя. Прежде всего необходимо различить стадию конфликта: предварительную, начальную, основную, заключительную, затем выбрать тактику: атеизма, профессионализма,

субъективизма, персонализма, экуменизма, плебисцита, невмешательства, созерцания, продумать уступки.

Возникает довольно сложный вопрос об обозначении специфики коммуникационного обмена знаниями. Знания – это особая информация, обладающая возрастающей ценностью и формирующая особый, специфичный потенциал общественной жизни. У нее – способность к быстрой, большая скорость актуализации и еще большая скорость устаревания. Может сформироваться и совершенно новое, неизвестное ранее знание по сравнению с другими видами информации. Предстоит найти выражение внутренним знаниям женской социальной общности, определить современные формы обучения⁵⁵. Процессами обмена знаниями, передачи знаний необходимо управлять, то есть оценивать знания с точки зрения актуальности, определять наиболее совершенные технологии накопления и передачи, разрабатывать критерии, нормативы и техники измерения знаний, учитывать профессионально-квалификационный уровень генератора знаний, разрабатывать технологии передачи знаний, систему поддержки принятия решений в области управления данными. Важнейшие – коммуникационные технологии обмена и средства коллективной работы. Конечно, программное обеспечение коллективного пользования: через планирование встреч, консультации, через электронную почту и т. д.

Вопросы для самопроверки

1. Сокращаются или увеличиваются социальные и культурные дистанции между социально-демографическими общностями мужчин и женщин в российском обществе в первое десятилетие XXI в.?

2. Какие проблемы в гендерной политике России наиболее актуальны?

3. Какая модель сотрудничества мужчин и женщин представляется Вам предпочтительной?

4. Подходы к решению гендерных конфликтов.

⁵⁵ Подробно см: Стрекалова Н. Д. Деловая женщина в современном бизнесе. СПб.: СПбГУЭФ, 1999. 200 с.

Раздел VI. Приватная сфера в гендерном исследовании

Тема 15. Повседневность и приватная сфера: зарубежные и отечественные исследования

В гендерных исследованиях все чаще появляется описание повседневности. Следует подчеркнуть, что это ракурс рассмотрения общества, дополняющий, конкретизирующий другие подходы, вскрывающие его сущность. Исследование повседневности актуально по той причине, что постоянная борьба за овладение вещами, престижем, комфортом и реализуемый при этом простой здравый смысл отталкивают от себя любые подлинные ценности культуры, дают перспективу погружения в сферу, не тождественную повседневности, повседневному опыту. Но увлеченность темой повседневности, гипертрофия ее значимости противопоказана: описание повседневности угрожает анализу исторической реальности, потому что «размазывает», бесконечно фрагментирует и, таким образом, схематизирует действительность.

Повседневность – сложившееся понятие в социологических исследованиях. Первым обратил внимание на «сферу человеческой обыденности», которую он назвал жизненным миром, Э. Гуссерль (1859–1938)⁵⁶. У истоков во второй половине XIX – начале XX в., стояли в Западной Европе А. Бокуэ, Э. Э. Виолле-ле-Дюк, П. Гиро, М. и К. Квенеллы, Э. Фукс, в России – С. В. Ешевский, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, Е. А. Терещенко⁵⁷. Замечу, что и К. Маркс помещал сюжеты и подходы, позволяющие трактовать человеческую повседневность как сложную, многослойную, как

⁵⁶ См., например: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества в философии // Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994.

⁵⁷ См., например: Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб.: Евразия, 1997; Григорьев Л. Г. Социология повседневности в социологии А. Шютца // Социологические исследования. 1987. № 1; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М: АСТ, 2000. Ч. 1–2.

дающую возможность через сдвиги в целеполагании и мотивации людей распознать моменты альтернативности, вариабельность, трансформацию общественных отношений. Хотя бессознательное начало Марксом преодолевается, в соответствии с предложенной теорией выстраивается всеобщая универсальная практика. При таком подходе повседневность видится как завеса, за которой находится подлинная реальность экономических связей и отношений. **Позитивисты** обращают внимание на то, что повседневность состоит из объективных реальных фактов, фактов поведения человека в обществе. **Постпозитивисты**, уделяя значительное внимание анализу повседневности, пытаются вскрыть причины определенного, в том числе протестного, поведения человека в обществе. **Феноменологи** (Натансон, Шютц, Фиркандт) защищают позицию, согласно которой путь знания – это не движение от заблуждения к истине, а исторически обусловленное культурное действие, цель которого состоит в выработке нового способа считывания мира, укорененного в «жизненном мире», в поле дорефлексивных структур, которые оказываются атмосферой и почвой как теоретической, так и практической деятельности, движения любой социальной системы.

Трактуя повседневность как первичную и верховную по отношению к другим сферам, А. Шютц называет «мир человеческой непосредственности» областью стремлений, фантазий, сомнений, реакций на непосредственные частные события. По его мнению, это сфера человеческого опыта, которая характеризуется особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности, это напряженно-бодрствующее состояние сознания, целостность личностного участия в мире. Проблема, на его взгляд, в социальной организованности форм повседневности⁵⁸. У М. Хайдеггера повседневность определяется как способ экзистирования, суть которого жизнь каждым днем, предписанная бытием друг-с-другом⁵⁹. К бытовым подробностям (особенностям поведения, деталям одежды) внимателен совре-

⁵⁸ См.: Шютц А. Смысловая структура повседневности: Очерки по феноменологической социологии. М.: ФОМ, 2003.

⁵⁹ См.: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.

менный российский автор Ю. Лотман, считающий, что они важны, поскольку позволяют расшифровать стоящий за ними культурный код, позицию человека⁶⁰. Достаточно полное и современное определение повседневности дает также наш современник, россиянин Л. Ионин: повседневная жизнь – процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Ионин пишет, что социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками, другими признаками повседневного переживания и поведения являются нерелексивность, отсутствие личностной вовлеченности в ситуацию, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия. Повседневность противопоставляется им: как будни – досугу и празднику, как общедоступные формы – высшим специализированным ее формам, как жизненная рутина – мгновениям острого психологического напряжения, как действительность – идеалу⁶¹.

Последователи **конструктивизма**, внимательно относясь к исследованию повседневности, дают анализ того, как именно люди конструируют свой жизненный мир, планируют повседневные акты. Н. Элиас (1897–1990) видит дисциплину эмоций как одно из главных проявлений процесса цивилизации, выражающихся в изменении предписания поведения, регулирования аффектов и менталитета. Источником выступает изменяющийся способ, каким люди живут друг с другом, отношения между людьми, процесс рационализации, моделирования инстинктов. Элиас показал, что повседневность – это определенные формы и фазы социализации взросления как естественные предпосылки социально-психологического развития человека⁶².

⁶⁰ См.: Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 129–132; 296–336

⁶¹ См.: Ионин Л. Г. Повседневная культура // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998.

⁶² См., например: Элиас Н. Отношения между мужчиной и женщиной: изменение установки // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 103–127.

Модернисты 60-х гг. XX в. П. Бергер и Т. Лукман обозначили повседневность как систему практических знаний, которая включает в себя знание норм поведения и общепринятого в данной культуре порядка действий в той или иной ситуации для достижения той или иной цели. Встречи людей – социальные взаимодействия – есть, по их мнению, основное содержание обыденной жизни. Авторы выделяют реальность повседневной жизни и называют ее высшей реальностью: повседневность жизни накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко⁶³. То же в 60-е гг. XX в. у Г. Гарфинкеля и А. Сикуреля, которые замечают индивида независимо от абстрактных структур преобразователя реальности. Для них как этнометодологов важно, как поступают народы, когда они живут обычной жизнью, как они преобразуют эту жизнь. Факты этими исследователями не просто собираются, но расшифровываются как акты и символы⁶⁴.

В последние десятилетия появляется большое количество монографий и статей зарубежных и отечественных авторов, свидетельствующих о том, что повседневность стала исследоваться системно. С 1990-х гг. Л. Д. Гудков, Е. В. Золотухина-Аболина, С. Г. Климова, Н. Н. Козлова, Ю. М. Левада, Б. В. Марков, Л. И. Насонова, С. Н. Тесля, В. Г. Федотова, Л. Л. Шпак показывают повседневность как то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день: географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, возможности удовлетворения потребностей людей через технику и технологию. Н. Н. Козлова понимает повседневность, скорее, как видимое, но не замечаемое: это мир нерациональных логик, который противостоит рационально-техническому или идеологическому монологизму, но одновременно приспосабливается к нему, сохраняет существующий порядок; это субъективная точка зрения, тактики случая, сопротивление тех, у кого нет власти. Это есть всегда, потому что всегда есть плюрализм ценностей, тайные практики и способы мышления. Люди живут правильно, их повседневная жизнь может и должна быть подвергнута рациональному усовершенствованию. Повседневная жизнь человека трактуется автором как ценность, позволяющая

⁶³ Бергер П., Лукман Т. Социальное структурирование реальности.

⁶⁴ См.: URL: <http://el-history.ru/noode/1>

разглядеть человеческое лицо любого процесса, обратить внимание на нормальность и непрерывность жизни. Практики повседневности не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные «свободные зоны», защищенные или защищающиеся от институционального давления. Необходимо, по мнению исследователя, расстаться с иллюзией, что можно управлять объектом, надо дать объекту управлять собой, надо заново выучиться обычным действиям, сделать собственный анализ вариантом его объекта. Главное теперь – увидеть проявление множественности социальных образований, взглядов, идеологий, психологии, ментальности, речевых практик⁶⁵.

Всеми авторами подчеркивается **главное: для восприятия повседневности нужна его деавтономатизация, поскольку человек с вполне определенным статусом (возрастом, семейным положением, профессией и престижем) должен восприниматься как существующий в определенной системе социальной жизни, реализуемой через решение ситуативных проблем и задач, подталкивающих к объединению и постановке цели.** Необходимо видеть, подчеркивают исследователи, что при общем контексте остаются непонятыми индивидуальные и групповые реакции людей на существующие в их время правила и законы, на пребывание в определенной политической системе. Следует, по мнению авторов, перепроверить действующие установления, каждодневные обстоятельства, мотивации и тем самым **понять взаимосвязь между рациональностью и коллективной идентичностью.** Анализ взаимодействий людей, их поступков, ценностей институтов брака, семьи, религиозных культов, политической жизни социума делается наиболее важным и актуальным. При этом встают проблемы **культуры как способа повседневной жизни и поведения в ней.** Конечно, повседневность отражает материальную (экономическую, производственную, технологическую) сферу общественной жизни, что позволяет приблизиться к пониманию базовых социальных

⁶⁵ См, например: Козлова Н. Н. Гендер как инструмент политологического анализа // Пути и методы интеграции женских и гендерных исследований в гуманитарные дисциплины. Тверь: Тверской центр женской истории и гендерных исследований, 2000. С. 38–43.

структур в их историческом развитии, но важными аспектами культуры повседневности являются особая психология, мировосприятие, идеалы и кумиры, **общественное мнение, система общения человека**, зависимость в своем быте от системы ценностей и норм поведения в данном обществе. Действует, по мнению Л. Ионина, тенденция к глубокой интеграции историко-антропологической, семиологической и социологической исследовательских стратегий, то есть междисциплинарный подход.

Первая серьезная попытка выявления и теоретического обоснования структуры и уровней повседневности с позиций комплексного социолого-культурологического подхода принадлежит В. Д. Лелеко, показавшему основные зоны повседневного пространства: тело человека, дом, поселение в его вещном наполнении, события, сценарии поведения, повседневные ритуалы, предполагающие гендерную и возрастную дифференциацию⁶⁶. Он же вывел и уровни повседневности: а) суточный ритм повторяющихся в жизни человека процессов и событий; б) эмоциональную реакцию на это повторение и его оценку. Но трудовая деятельность, как и досуг, рождение, смерть, заключение брака исключается В. Д. Лелеко из повседневности. Считает это структурами повседневности Л. В. Беловинский, так как все это, по его мнению, детерминировано ценностными ориентациями человека, культурой человека как сочетанием обыденной культуры и специализированной (в том числе профессиональной) культуры⁶⁷. Этой позиции придерживается и Г. Г. Кнабе, когда пишет о «неотчужденной духовности», отправляя исследование повседневного бытия человека (продолжение рода, обеспечение выживания трудом и борьбой, сохранение защитной материально-пространственной среды) в культурологию. Между людьми складываются при этом отношения, а значит, нормы и убеждения, принципы,

⁶⁶ Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГАК, 2002.

⁶⁷ См., например: Беловинский Л. В. Культура русской повседневности: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008.

идеи, верования, которые и составляют основу духовной сферы, пишет автор⁶⁸.

Структуры повседневности, замечают все исследователи данной темы, выступают как повседневные интересы, случайное функционирование сети взаимоотношений: конкуренции, солидарности, объединений, проявления степени свободы индивида, способов жизни (в том числе экстремальных). Безусловно, с распространением тематики повседневности меняются и методы исследования. Признавая повседневность преимущественно областью микроуровня, ученые переносят акцент с институциональной картины на факты реальной жизни, проливая свет на обломки и банальности, фрагменты и вульгарности, составляющие смысл существования. Поэтому **основные методы исследования повседневности** – этнографическое описание, интервью, включенное наблюдение, кейс-стади, биографический, человеческих документов.

С понятием повседневности тесно соприкасаются понятия «частное / приватное» и «публичное», ставшие актуальными в последнее десятилетие, хотя и имеющие небольшую научную биографию и активно обсуждающиеся и постоянно оттачивающиеся в исследованиях и научных дискуссиях. Развернутых пояснений эти понятия, по моему мнению, не содержат, но какой-то имеющийся в них общий субстрат позволяет этими понятиями оперировать, хотя Э. Патлажан утверждает, что определение и структура частной жизни варьируются от одного общества к другому в зависимости от таких факторов, как власть, религия, дом и семья. Что есть частное, а что – публичное, определяется прежде всего культурным дискурсом. Вышедшая в 1962 г., но до сих пор вызывающая научные дискуссии книга Ю. Хабермаса «Структурное преобразование публичной сферы» трактует частную жизнь индивида (производителя) как смыкающуюся с публичной. Речь идет о том, что одна из сторон частной жизни становится публичной, артикулируя публичное мнение, обращающееся к государственным структурам, и вступая с ними в диалогические отношения. Хабермас называет ее аутентичной, то есть подлинной, публичной сферой, в то время как государственные институ-

⁶⁸ Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 29–56.

ты, по его мнению, представляют собой «ложную публичную сферу»⁶⁹. Публичная оппозиция в середине XVIII в. вырастает из публичного обсуждения частными индивидами сначала своих частных дел, а затем все больше и больше «дел публичных». Повсюду в современных исследованиях частное и публичное рассматриваются либо как перемещающиеся в едином пространстве сферы, либо как обращенные друг к другу (взаимно ориентированные) стороны социальной жизни. Распространяемый в середине XIX в. культ семьи и домашнего очага («кульминация семьи», в которой происходит как бы новое закрепощение индивида – женщины в семье) повсеместно оценивается как причина образования некоторой видимой полосы их отчуждения.

Категориальное вычленение частной жизни по отношению к сфере повседневности оправдано настолько, насколько частная сфера (сфера семьи) предполагает нерегламентированную какими бы то ни было правовыми нормами взаимопомощь сторон – добровольная, эмоционально обусловленная потребность в удовлетворении как материальных, так и психологических запросов и пожеланий контрагентов. Невозможно отрицать существование такой сферы и ее отчлененность от сферы публичной, но нельзя исключать их перетекания друг в друга. Нельзя забывать, на мой взгляд, что ни производственная, ни политическая деятельность не составляют для человека самоцель. В конечном счете они призваны обеспечивать реализацию личных потребностей людей, создавать условия повседневного существования, включая едва ли не в первую очередь благоприятные условия частной жизни в кругу близких. Частная сфера выступает с этой точки зрения как функция развития других социальных сфер и в то же время как один из важнейших индикаторов ситуации в обществе.

Термин «семейная приватность» также достаточно твердо употребим как помещающийся рядом с термином «индивидуальная приватность» – собственная жизнь – в качестве относительно «единого» потока событий и переживаний или ощущений в этом потоке как бы разных «струй», одна из которых имеет большее отношение к публичной деятельности, а другая – к сфере приватного.

⁶⁹ Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы. М., 1989.

Тема 16. Практика исследования семьи за рубежом и в России

Пространственная локализация семьи – это жилище, дом, собственность. Экономическая основа семьи – общесемейная деятельность родителей и детей, выходящая за узкие горизонты быта и потребительства. Таким образом, семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родства и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи. Наличие именно таких видов отношений обнаруживается примерно у 60–70% жителей России, если из общего числа семей исключить «временно» бездетных молодоженов (15–20%) и супругов, оставшихся бездетными (5–9%)⁷⁰. С другой стороны, внесемейное население состоит из тех, кто является родителем без супружества либо находится в фактическом или легитимном браке без детей. Соглашусь с А. Г. Харчевым в том, что для всех этих фрагментарных, «осколочных» форм семьи лучше подходит термин «семейная группа». Не случайно в американской энциклопедии брака и семьи М. Сасмена и С. Стенмец ряд глав посвящен «альтернативным формам» семьи, т. е. тому, что точнее можно называть семейными группами, хотя фактически эти главы относятся к супружеству, скорее, даже партнерству или сожителству.

В современной социологической литературе семья зачастую рассматривается не как система предпочтений (классическое определение), а как некая управляющая структура, кооперация: семья санкционирует поведение; в семье осуществляется взаимная адаптация вне и внутри семьи посредством переговоров; семья, обеспечивая гибкость, адаптивность, способна переключать своих членов на другие виды деятельности. Исследователи различают при этом неполный контракт, предусматривающий любые изменения (процедуру пересмотра и согласования интересов), и так

⁷⁰ См.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР (Опыт социологического исследования). М: Мысль, 1979.

называемый отношенческий контракт (подобный контракту между работодателем и работником). Кстати говоря, феминистскими авторами подчеркивается слабость отношенческого контракта (сам брак) и необходимость преодоления вмешательства государства в семейные отношения. В этом критическом замечании они довольно резко противостоят современным институционалистам. Отмечу, что институциональный подход – самое молодое и актуальное направление в социальных науках, берущее начало в 70-е гг. XX в. Он претендует на независимость в рамках экономических теорий, уделяет особое внимание анализу экономических институтов в обществе (базовый институт здесь – фирма) и очень активно исследует деятельность государства⁷¹. Он же ставит вопрос об эволюции экономической роли женщин в истории, выделяя три базовых этапа в этой истории: 1) этап, связанный с введением и развитием института частной собственности. Не фиксирует временных рамок, определяет экономическую роль женщины в качестве собственности мужчины; 2) этап, связанный с развитием системы образования, когда женщина – объект демонстрации успеха того мужчины, которому она как-то принадлежит и который освобождает ее от производительного труда (при отсутствии спонтанного равновесия в условиях рынка); 3) этап, в рамках которого брачные отношения рассматриваются как сфера функционирования человеческого капитала⁷². Брак и репродуктивность оцениваются по экономическим критериям. Отмечается удорожание времени родителей: резкий рост издержек, связанный с воспитанием детей, «качество детей» выступает доминантой репродуктивного поведения.

С анализом повседневности и приватной сферы в ней связана в настоящее время дискуссия по вопросу гендерного неравенства в семье, удерживающая, по меньшей мере, три подхода, дающих сильный толчок исследованию процесса социального конструирования пола:

⁷¹ См.: Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопросы психологии. 1991. № 6.

⁷² Цит. по: Катаева С. В. Женщины в стратификационных исследованиях: Проблемы методологии // Социология. 1998. № 3.

1) конвенциональный (Дж. Голдторп), при котором базовой ячейкой социальной стратификации считается семья с главой в лице мужчины. Не учитывается то, что уровень занятости женщин постоянно растет, что существуют «межклассовые семьи»;

2) неоконвенциональный, или доминантный (Р. Эриксон), при котором шанс определять статус своей семьи признается за женщиной, но особенности неравного положения женщин в обществе продолжают игнорироваться, поскольку на практике продолжает поддерживаться в большинстве случаев более низкий, чем у мужчин, профессионально-должностной статус женщин;

3) «объединяющая стратегия» (Дж. Эйкер), когда анализируется именно семья, в которой высок профессионально-должностной статус обоих супругов, отношение к женщине как к личности поднимает проблему самостоятельного статуса женщины. Предлагается рассматривать ведение домашнего хозяйства как вид профессиональной деятельности и на этом основании определять социальный статус женщин-домохозяек. Имеет смысл говорить об эгалитарных, партнерских семьях (эгалитарность понимается как равное влияние супругов с взаимозаменяемыми ролями)⁷³.

Совершенно ясно, что при двух первых подходах женщина представляется только связанной с воспроизводством и обслуживанием рабочей силы, единицей анализа здесь является не семья, а индивид. Как правило, рассматриваются три аспекта финансовой зависимости женщины от мужчины:

– плохое социальное самочувствие женщины из-за ограничения ее личной свободы, то есть навязанный образ жизни и круг общения;

– правовая ущербность женщины;

– постоянное чувство вины (растратилась).

Экономические и семейные отношения, действительно, прочно связаны. С целью привлечь внимание разработчиков государственных социальных программ к диапазону временных затрат женщин, которые определяют возможности их участия в программах развития, К. Мозер предложила схему тройственной роли женщины:

⁷³ Цит. по: Катаева С. В. Женщины в стратификационных исследованиях.

1) производительной – участие в рыночном производственном секторе (с доходом в денежной форме); 2) участие в производстве непосредственных средств существования в рамках домашнего производства (с доходом в виде натуральных продуктов и услуг) плюс репродуктивная роль с ответственностью за воспроизводство и поддержание рабочей силы; 3) участие в деятельности сообщества, куда включается деятельность на коммунальном уровне, являющаяся продолжением репродуктивной роли, так как она обеспечивает снабжение и поддержание ресурсов общего пользования (например, лечение, образование). Мозер подчеркивает, что в силу существующей системы гендерных ролей значительная часть выполняемой женщинами работы остается невидимой, непризнаваемой и расценивается как «естественное» предназначение женщин⁷⁴. Сокращение государственного финансирования предоставления базовых социальных услуг – здравоохранения, образования и т. д. – приводит к тому, что именно женщины берут на себя ответственность за размещение ограниченных ресурсов на коммунальном уровне с тем, чтобы обеспечить жизнеспособность домохозяйств. Таким образом, в современной социологической литературе подчеркивается, что социально-экономические позиции женщин в рамках домохозяйства могут быть упрочены их участием в социальных связях вне домохозяйства.

Признавая экономическое неравенство (в рамках домохозяйства), вполне уместно мнение исследователей о необходимости интерпретации гендера с помощью таких инструментов анализа, как факторы ригидности рынка, информационные кренны, искажения рынка: дискриминация вне домохозяйства; права и обязательства между мужем и женой в рамках домохозяйства; «бремя репродукции», требующее от женщин издержек в сфере здоровья и временных затрат. Социальные аспекты гендера, по мнению автора, вводят собственные определения правильного обмена, в которых содержится стремление отразить торг властными и статусными полномочиями.

Вопрос о недооценке женского вклада в экономику в результате того, что в экономическом анализе не учитывается неопла-

⁷⁴ См.: URL: [http:// catalog.aport.ru/rus/](http://catalog.aport.ru/rus/)

чиваемый домашний труд женщин, гендерологи считают чрезвычайно острым социально-политическим вопросом. Отсутствует статистика, учитывающая этот необходимый для семьи (а значит, и для общества) труд: по прямой стоимости такой труд оценить невозможно, всплывают фиктивно сопоставимые цены. Нетоварный сектор, конечно, можно определить численно. Домашний труд отличается от него так же, как услуга от товара. Оценка стоимости домашнего труда связана с количеством времени, поэтому можно ввести хронометраж и опросы.

Гендерные исследования предлагают прежде всего пересмотреть значение домашней работы: для мужей домашняя работа символизирует субординацию, означает наказание; для женщин она чаще всего является выражением любви и заботы. Те из мужчин, которые препятствуют попыткам жен достичь независимости, практически ничего не делают по дому, а те, которые поощряют работу жены вне дома, помогают ей по дому, причем уход за ребенком и занятия с детьми лучше вписываются в мужскую идентичность, нежели домашняя работа, но в этом случае мужчины начинают думать и вести себя таким же образом, как и женщины-матери, а деловые женщины, оплачивающие неквалифицированный труд ухода за детьми, определяют в качестве матерей тех, кто оказывает эти услуги, а себя считают отцами. Таким образом, гендерные исследования показывают, что содержание «материнской» и «отцовской» ролей размывается. Одновременно в гендерных исследованиях анализируется проблема контроля над денежными ресурсами в семье. Исследования показывают, что жены контролируют финансы в низкодоходных домохозяйствах, где управление деньгами означает контроль над дефицитом. Когда же семейный доход достаточно высок, это делают обычно мужья, причем надбавки и дополнительные деньги рассматриваются мужьями как собственные. Широкий социально-исторический контекст, по мнению гендеролога Л. Томпсон, включает как структурные (институциональные), так и символические (мифы, образы, метафоры) условия. И те, и другие меняются исторически и влияют на взаимодействия между людьми⁷⁵.

⁷⁵ Томпсон Л., Джейн Л., Пристли Дж. Социология: Вводный курс; пер. с англ. М.: АСТ, 1998.

В связи с этим замечу, что в гендерной литературе есть попытки детально осмыслить положение в семье женщины-предпринимателя. Во всем мире женщины быстрыми темпами входят в сферу управления на разном уровне. Так, в 1971 г. доля женщин, получивших диплом магистра делового администрирования, составляла лишь 4% в общем числе выпускников, в 1976 г. – уже 12%, в 1987 г. эта цифра достигла 33%, а в настоящее время среди выпускников по данной специальности женщины превышают половину⁷⁶. Бесспорно, женщина в предпринимательстве имеет большой потенциал. Но для выравнивания возможностей женщин и мужчин в сфере предпринимательства требуется целый комплекс мер: доступ женщин к кредитам, владение собственностью, законодательные меры по охране труда женщин, развитие детских дошкольных учреждений, сеть бытовых услуг, обязательность исполнения закона об общем образовании, целенаправленное обучение женщин основам предпринимательства, доступ к юридическим консультациям и т. п.

Наиболее интересным представляется вопрос о совмещении женщиной-предпринимателем профессиональной и семейной функций. Прикладная социология дает ответ на него, представляя исследование использования времени в семье. Такое исследование призвано дать количественную характеристику соотношения между домашним трудом женщины и ее участием в экономической (оплачиваемой) деятельности; выявить и исследовать проблемы сочетания работы и семейной жизни; дать количественную и качественную оценку нагрузки по уходу за детьми, инвалидами или хронически больными членами семьи и родственниками. Итогом исследования может быть разработка стратегии поведения как женщины, так и мужчины в семье, где один из супругов занят предпринимательством. Методика исследования использования времени в семье и в доме требует от исполнителей, конечно, постоянного регулярного консультирования респондентов по 3–4 раза в день в течение 2–3 дней, включая и рабочие, и выходные дни, широкого и грамотного использования качественных методов социологического исследования, т. е.

⁷⁶ См.: Антропова Т. Женская доля // Компания. 2005. № 23.

дневников, которые в чистом виде раздаются респондентам, попавшим в выборку (см. табл. 13). При этом респонденты обязуются в течение дня фиксировать всю свою деятельность через каждые 10 минут (европейская модель обследования); отвечать на вопросы интервьюера по заранее подготовленному списку. Метод предполагает охват всех членов семьи, начиная с 10 лет и старше. Трудности общения и фиксации результатов исследования связаны в основном с сопровождающими процесс социального развития различного рода льготами женщинам.

Таблица 13

***Фактические затраты времени на домашний труд
в зависимости от брачного статуса****

<i>Брачный статус</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Соотношение затрат времени</i>
Никогда не состоял(а) в браке	26,3	37,9	1,44
Зарегистрированный брак	41,5	62,1	1,50
Незарегистрированный брак	39,3	60,0	1,55
Разведены	34,8	53,0	1,52
Вдовы	23,0	34,7	1,51

* *Источник:* Мезенцева Е. Б. Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М.: Эториал УРСС. С. 299.

Исследования семейной жизнедеятельности российских женщин показали следующее: наиболее употребимыми в деловой сфере российских женщин являются стратегии «суперженщины» и «управления временем», в семейно-бытовой сфере – стратегии «отсекания» дополнительных обязанностей и «управления временем». Наименее охотно российские женщины идут на снижение своих стандартов. Стоит особо подчеркнуть, что аналитические оценки взаимовлияния бизнеса и семьи друг на друга отличаются в российской научной литературе неоднозначностью, что вполне закономерно, так как репрезентативные исследования данной проблемы в общероссийском масштабе пока отсутствуют, а результаты отдельных исследований рисуют противоречивую картину. Так, результаты исследования М. Мацковского позволяют говорить, что женщинам удастся компенсировать занятость

бизнесом за счет переключения и передачи части своих домашних функций мужчинам, которые не способны по каким-либо причинам найти работу с большим по сравнению с доходами женщины заработком⁷⁷. В исследованиях, проведенных под руководством А. Возьмителя, дается более дифференцированная картина того, как распределяются семейные обязанности и власть в семье в различных случаях, если предпринимательской деятельностью заняты муж или жена⁷⁸. Данные этого исследования, по мнению автора, позволяют говорить о разных моделях семейной власти в том и другом случае. Он особо замечает, что в семьях, где жена – предприниматель, роль мужа в принятии единоличных решений существенно снижается, при этом перераспределение власти происходит не в пользу жены, а в сторону большей коллегиальности. Традиционную ответственность за распределение дел в семье женщины-предприниматели частично снимают с себя, и так же, как в других вопросах, перекладывают на коллективное мнение членов семьи. Участие в домашних делах женщин-предпринимателей естественно снижается, но не так сильно, как у мужчин-предпринимателей: в половине семей жены-предприниматели продолжают нести всю нагрузку по дому. В другой половине семей дела по дому распределяются между остальными членами семьи. Однако муж даже в таких семьях все-таки редко (в 4% семей) полностью берет на себя все работы по дому. Поэтому женщины-предприниматели вынуждены чаще прибегать к помощи прислуги.

Замужние женщины-предприниматели, открыв свое дело и вступив на путь высокоответственной и трудоемкой профессиональной деятельности, вынуждены приспособливаться к традиционно ожидаемым от них ролям супруги, матери и домашней хозяйки, кардинально не меняя распределение власти и обязанностей в семье, в лучшем случае, в худшем – продолжая подчиняться мужу и нести домашние обязанности на своих плечах. По мнению автора, подобное совмещение женщиной профессиональных и семейных ролей носит парадоксальный, а потому временный и переход-

⁷⁷ См.: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы: Социально-демографическое исследование. М.: Статистика, 1998.

⁷⁸ См.: Ядов В. А. Социология в России. М.: Изд-во ИС РАН, 1998.

ный характер. Другой, пока менее распространенной, но более перспективной моделью сочетания профессиональной успешности бизнесвумен с семейным вкладом является взятие управления домом в свои руки и передача исполнительских функций мужу и другим членам семьи или обзаведение наемным домоуправом, гувернером, кухаркой и другой прислугой. Скорее всего, этот вариант совмещения функций, действительно, перспективен. Третья, также непротиворечивая модель семейного поведения, – «отключение» женщины-предпринимателя от брака и детей. Эта модель приемлема для молодых женщин и давно освоена на Западе, но становится распространенной, по мнению автора, и в России.

Интересны факты, полученные в ходе исследования московских предпринимательниц: успешные женщины в бизнесе не имеют разрушенной личной жизни. Так же, как и в исследовании А. Возьмителя, в интервью с предпринимательницами относительно семейной жизни зафиксирована большая доля московских женщин, предпочитающих делегировать семейные обязанности прислуге или няне, которая одновременно присматривает за подрастающими детьми. Женщин, избравших данную модель поведения, было около 60% в выборке, причем региональные предпринимательницы прибегают к услугам помощниц не реже московских. В то же время в выборке выделилась относительно большая группа женщин-предпринимательниц (14 человек), которым удалось большую часть своих семейных обязанностей, в том числе воспитание детей, делегировать мужчине, если он не занят предпринимательской деятельностью. Чаще всего это происходит в том случае, если мужчина работает на государственной службе и имеет нормированный рабочий день. Весьма часто это случается тогда, когда мужчина значительно старше или моложе жены и вынужден постепенно смиряться с ее ежедневной занятостью. Иногда такие мужчины испытывают чувство гордости за своих жен и согласны компенсировать занятость жены перераспределением семейных обязанностей.

Этот опыт подтверждается и на ярославской региональной выборке⁷⁹.

⁷⁹ Исследование проведено выпускницей кафедры социологии ЯрГУ Д. Назаровой в период преддипломной практики (февраль – март 2009 г.)

Проведенное исследование показало: лишь 7 из 65 опрошенных женщин не были замужем совсем или были разведены и не имели постоянных партнеров. Остальные участницы исследования были замужем или имели постоянных партнеров. Обращает на себя внимание тот факт, что число повторных браков у женщин-предпринимателей даже чуть ниже, чем в целом по российской статистике: лишь 8 женщин из 65 (около 12%,) признают, что причиной распада супружеских или партнерских отношений послужило занятие женщины бизнесом. Остальные склонны считать, что с определенными потерями им удастся компенсировать свою занятость, хотя это не так просто.

Исследования в ряде российских городов показывают, что лишь 2 женщины из 65 были убеждены в том, что им пока не удалось решить проблем в семье «по поводу распределения обязанностей» и они находятся в ситуации «тихой войны», в которой нет победителей; около 60% опрошенных нами женщин считают свои браки удавшимися и не прогнозируют распада семьи или смены партнера в будущем, если это будет зависеть от них. Бросается в глаза относительно высокое у предпринимательниц чувство вины по отношению к «своим брошенным детям», причем у региональных предпринимательниц это чувство заметно выше по сравнению с московскими: если москвички испытывают напряжение по поводу отсутствия времени для полноценных занятий с собственными детьми в 20% случаев, то региональные предпринимательницы указывают на чувство вины в 40% случаев. Остальные женщины убеждены, что им удастся возместить «потери» в ежедневном общении с детьми качественным досугом в выходные дни и во время отпуска. Около половины этих женщин считают, что дети не испытывают открытого дискомфорта по этому поводу и привыкают к такому положению вещей, компенсируя недостаток общения с матерью контактом с другими родственниками или занятиями в кружках, секциях, общением с друзьями. В данном случае трудно поверить, что общение с матерью можно заменить, например, занятиями спортом. Но то, что путем формирования особых семейных норм можно достигнуть глубокого взаимопонимания, не прибегая к частым контактам, вполне возможно при условии, что ребенок не является «про-

блемным» и демонстрирует определенный уровень рациональности в восприятии семейных отношений. По мнению большинства опрошенных женщин (60%), дети достаточно рано начинают осознавать преимущество хорошего материального положения и вслед за мужьями постепенно смиряются с недостатком внимания. Многие из опрошенных женщин, имеющих взрослых детей, убеждены в том, что их повышенная занятость сформировала в детях самостоятельность и не повлияла негативным образом на их социальное и психологическое развитие. Итак, поведение женщины-руководителя в семье, как правило, скомпенсировано, несмотря на то что это требует серьезной перестройки семейного поведения. Легче происходит процесс адаптации женщины-руководителя в семье, где существует «добровольный семейный договор» на занятие женщиной лидерской позиции. Несмотря на то что женщине, как правило, приходится сужать круг своих семейных обязанностей, уровень уважения ее в семье не только не падает, но и повышается. Наиболее страдающей стороной в этом случае остаются дети-дошкольники и младшие школьники, но и они со временем привыкают и эмоционально компенсируют недостаток материнского влияния.

Состояние современной семьи в отечественной литературе наиболее часто анализируется в связи с демографической ситуацией: идеализируется традиционная нуклеарная многодетная семья, в которой роли и функции определены как мужские и женские; не учитываются или маркируются как негативные другие виды семьи (неполная, встречающаяся, однодетная и прочие); рассматривается репродуктивное здоровье исключительно женщин, причем только фертильного возраста, по отношению к которым сохраняется патерналистская социальная политика, не позволяющая обрести экономическую самостоятельность. К более сложным и устойчивым мифам о семье приводит смешение гендерных и религиозных стереотипов. Именно дихотомия «мужское / женское», выраженная через понятия «публичное / интимное» и «общественное / природное», приводит к рассмотрению сексуального и домашнего насилия в качестве «частного дела»: восприятие женщины как пассивной жертвы блокирует видение динамики насильственных отношений, не учитываются психоло-

гический и косвенный виды агрессии. Подобным же образом гендерная стереотипия приводит к неоднозначной оценке проблемы проституции и порнографии: во-первых, как явления преимущественно женского; во-вторых, женской, мужской, детской проституции как однопорядковых явлений; в-третьих, законодательной регламентации детской порнографии или сцен физического насилия над детьми как находящей более широкую поддержку, чем регламентация порнографии или насилия в отношении женщин, так же как и ограничение сексизма в средствах массовой информации⁸⁰.

Анализ исследований сексуальности показателен для иллюстрации наиболее ярко проявляющейся гендерной стереотипии по отношению к гомо- и транссексуальности: во-первых, гомосексуальность противопоставляется гетеросексуальности, во-вторых, данные явления трактуются как патология, психическая или психофизическая, в-третьих, отсутствуют (или единичны) разработки с целью преодоления социального ostracизма. Иначе говоря, рассмотрение феноменов «маскулинного» и «фемининного» как неизменных и фундаментальных приводит не к деконструкции, а к воспроизведению самих стереотипов. Таким образом, гендерные стереотипы как часть господствующего общественного сознания носят нормативный характер и, следовательно, принимают участие в создании системы социальных отношений, в конструировании гендерной системы. Изучение гендерных стереотипов вносит существенный вклад в выработку нового взгляда на проблему стереотипизации в целом как процесса социального контроля, установления, поддержания и корректировки общественных отношений.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое приватная сфера жизнедеятельности человека?
2. Растет или уменьшается влияние семейных отношений по мере развития общества?

⁸⁰ См. работы А. В. Лысовой, О. А. Ворониной, И. Д. Горшковой, Н. В. Ходыревой, О. М. Здравомысловой.

3. Позитивны или негативны последствия либерализации ценностей и норм семейной жизни?
4. Изменение семейной власти в ходе эволюции общества.

Примерная тематика рефератов, курсовых и дипломных работ

1. Социально-профессиональная структура населения России: теоретические предпосылки и методы гендерного анализа.
2. Соотношение социальной и гендерной иерархии: проблемы управления и перспективы.
3. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества.
4. Качество жизни населения региона: оценка состояния и пути оптимизации средствами управления.
5. Гендерные аспекты социальной мобильности.
6. Гендерные аспекты миграции населения современной России.
7. Миграция населения как социальный феномен: гендерный фактор динамики.
8. Профессиональный статус специалиста в меняющемся российском обществе: гендерный аспект.
9. Информационная культура студентов: гендерный аспект.
10. Молодежь областного города на рынке труда.
11. Личная безопасность как объект социологического анализа.
12. Формирование корпоративной культуры: инновации и стереотипы.
13. Питание россиян как фактор жизнеспособности нации.
14. Жизненные стратегии поведения россиян в условиях реформы здравоохранения.
15. Туризм как показатель социального статуса.
16. Реклама глазами молодежи.
17. Молодежь Ярославля: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни.
18. Институты гендерной социализации молодежи современного российского общества.

19. Образовательные стратегии российской молодежи: социологический аспект.
20. Трансформация традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян.
21. Гендерная социализация в образовательном пространстве высшей школы современной России.
22. Проблемы социальной адаптации иногородних студентов.
23. Социализация личности: сущность и гендерные особенности на разных этапах жизни.
24. Социальная компетентность: теоретико-методологические основания социологического анализа.
25. Процесс социализации личности молодого специалиста.
26. Институциональная трансформация российских профсоюзов.
27. Развитие местного самоуправления как фактор становления гражданского общества: социальный опыт России.
28. Социальная организация местного самоуправления.
29. Социальное инновационное проектирование в молодежной политике: социологический анализ.
30. Управление социальным развитием городского округа в условиях муниципальной реформы.
31. Гражданское общество и гендерная культура современной России: политико-социологический анализ.
32. Проблемы реализации молодежной политики в областном городе.
33. Обращение граждан во власть: функциональные особенности.
34. Женщины во властных структурах.
35. Региональные бизнес-сообщества: властные притязания и их легитимация.
36. Конститутивные противоречия демократии.
37. Социологический анализ взаимодействия местных органов власти и предпринимательства: региональный аспект.
38. Общественная активность российских граждан: гендерный аспект.
39. Органы власти как субъекты публичной политики.
40. Выборы и динамика социальных перемен.

41. Сравнительное исследование участия в региональных выборах.
42. Регулирующая роль государства в жизни общества переходного периода.
43. Политический имидж и репутация России.
44. Медиа и гражданское общество.
45. Парламентские спикеры: особенности народного восприятия.
46. Политика как бизнес.
47. Социальная политика, направленная на обеспечение гендерного равенства в семье: международные сравнения.
48. Образовательные предпосылки политической активности женщин.
49. Проблемы образования в программах современных российских политических партий.
50. Женские элиты в современной России.
51. Гендерный состав молодежных общественных и политических организаций.
52. Государственный патернализм в отношении женщины: причины и последствия.
53. Юридические аспекты проблемы пола: гомосексуализм, проституция и изнасилование.
54. Роль власти и преступления в жизни семьи.
55. Политический активизм женщины и перспективы гендерного просвещения.
56. Гендерный мейнстриминг как инструмент достижения равенства возможностей мужчин и женщин.
57. Паритетная демократия: содержание концепции, перспективы распространения.
58. Развитие идей гендерного равенства в международных правовых документах.
59. Гендерные различия в политическом сознании и поведении российских граждан.
60. Проблемы гендерного равенства и политический процесс в России XXI века.
61. Независимое женское движение современной России: тенденции развития, проблемы, перспективы.

62. Женское движение России как субъект политической деятельности.
63. Гендерные аспекты социально-экономической политики в развитых странах.
64. Гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве.
65. Глобализация и гендер.
66. Влияние войны на гендерные отношения.

Рекомендуемая литература

1. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия / С. Г. Айвазова. – М., 1998.
2. Альтернативные стратегии продвижения женского лидерства в СМИ. – М., 2004.
3. Антология гендерной теории. – Минск, 2000.
4. Бадентер, Э. Мужская сущность / Э. Бадентер; пер. с фр. – М., 1995.
5. Этнические стереотипы мужского и женского поведения: Сб. ст. / Под ред. А. К. Байбурина, И. С. Кона. – М., 1991.
6. Барнет, А. Род человеческий / А. Барнет. – М., 1968.
7. Баскакова, М. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда / М. Баскакова. – М., 1998.
8. Бир, А. Мужчины / женщины: Динамика идентичности / А. Бир, Р. Пфедферкорн // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1988. – Т. 1, № 1. – С. 148–154.
9. Вейнингер, О. Пол и характер / О. Вейнингер. – М., 1991.
10. Величенко, Е. А. Мужчина и женщина: проблема понимания на социокультурном фоне XX века / Е. А. Величенко // Метафизические исследования. – СПб., 1997. – Вып. 4.
11. Весельницкая, Е. Женщина в мужском мире / Е. Весельницкая. – СПб., 1993.
12. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой. – М., 1997.
13. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство / О. А. Воронина. – М., 2004.

14. Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е. Мезенцева. – М., 2002.
15. Гендер как инструмент познания и преобразования общества. – М., 2006.
16. Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н. М. Степановой. – СПб, 2004.
17. Гендерная стратегия Российской Федерации. – М., 2002.
18. Гендерная экспертиза российского законодательства / Под ред. Л. Завадской. – М., 2001.
19. Гендерная методология в общественных науках / Под ред. И. Жеребкиной. – Харьков, 2000.
20. Гендерная социология // Социология; Под ред. А. Елсукова и др. – Минск, 1998. С. 417–428.
21. Гендерные стереотипы в современной России. – М., 2007.
22. Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. / Отв. ред. И. И. Халеева. М., 1999.
23. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1999.
24. Гендерные аспекты политической социологии. – М., 2004.
25. Гурко, Т. А. Трансформация брачно-семейных отношений / Т. А. Гурко // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. – М., 2001.
26. Гиллиган, К. Место женщины в жизненном цикле мужчины / К. Гиллиган; под ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Хрестоматия феминистских тестов. – СПб., 2000. – С. 166–186.
27. Голод, С. И. Российское население сквозь призму гендерных различий / С. И. Голод // Качество населения Санкт-Петербурга. – СПб., 1996. – № 2.
28. Голод, С. И. Изучение половой морали в 20-е годы / С. И. Голод // Социс. – 1986. – № 2.
29. Гофман, И. Гендерный дисплей / И. Гофман // Введение в гендерные исследования. – Ч. 2. – С. 306–335.
30. Дадаева, Т. М. Гендерная структура современного общества: реальность и тенденции развития / Т. М. Дадаева. – Саранск, 2005.
31. Де Бовуар, С. Второй пол. Т. 1: Факты и мифы / С. Де Бовуар. – М.; СПб, 1994.

32. Денис, Э. О вкладе феминизма в социологию; Говорят авторы – интервью с С. Вальби / Э. Денис // INTERNATIONAL SOCIOLOGI. – 2008. – № 5.
33. Досина, Н. В. Политическое участие граждан современной России: гендерная стратегия / Н. В. Досина. – М., 2003.
34. Досина, Н. В. Опыт деятельности женских общественных организаций в регионе: гендерные аспекты / Н. В. Досина. – Ярославль, 2004.
35. Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. – М., 2000.
36. Женщины и мужчины России. – М., 2004.
37. Женщины на уровне принятия решений. – М., 2005.
38. Законодательные инициативы и стратегия гендерного развития регионов. – М., 2003.
39. Здравомыслова, О. М. Российская семья на европейском фоне / О. М. Здравомыслова, М. Ю. Арутюнян. – М., 1998.
40. Здравомыслова, Е. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендерные исследования. – Харьков. – № 5 (2/2000). – С. 211–224.
41. Здравомыслова, О. М. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин / О. М. Здравомыслова // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. – М., 2001. – С. 473–488.
42. Зиммель, Г. Женская культура. Фрагмент о любви / Г. Зиммель // Избранное. – М., 1996. – Т. 2. – С. 234–265.
43. Зиммель Г. Созерцание жизни / Г. Зиммель // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1996.
44. Ерофеев, В. Мужчины / В. Ерофеев. – М., 1997.
45. История ментальностей, историческая антропология: За рубежом исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996.
46. Канапьянова Р. М. Женщина на государственной службе: современная политика и перспектива / Р. М. Канапьянова // Государственная служба РФ: становление, кадровое обеспечение. – М., 1996.
47. Кант, И. Эссе о возвышенном и прекрасном: Соч. в 6 т. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 2.
48. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. – М., 2006

49. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А. В. Кирилина. – М., 2000.
50. Клецина А. Гендерная социализация: учеб. пособие / А. Клецина. – СПб., 1998.
51. Климантова, Г. И. Государственная семейная политика современной России / Г. И. Климантова. – М., 2004.
52. Клименкова, Т. А. Женщина как феномен культуры: Взгляд из России / Т. А. Клименкова. – М. 1996.
53. Клингер, К. Либерализм – Марксизм – Постмодернизм: Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями 20-го столетия / К. Клингер // Гендерные исследования. – 1998. – № 1. – С. 35–66.
54. Ключко, О. И. Отечественный вариант гендерных исследований (проблемы методологии) / О. И. Ключко // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4.
55. Коган, И. Метафизика андрогинизма: сверхчеловек как сверхмужчина (в учениях Вл. Соловьева и Н. Бердяева) / И. Коган // Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований. – М., 2002. – С. 39–43.
56. Козлова, Н. Н. Гендер как инструмент политологического анализа / Н. Н. Козлова // Пути и перспективы интеграции женских и гендерных исследований в преподавание социально-гуманитарных дисциплин: материалы научной конференции. – Тверь. – С. 38–43.
57. Кон, И. С. История и теория «мужских исследований» / И. С. Кон // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. – М., 2001.
58. Конструирование маскулинности на Западе и в России. – Иваново, 2006.
59. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования / М. М. Кром // История повседневности: сб. науч. работ. – СПб., 2003. – Вып 3.
60. Лакофф, Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф // Введение в гендерные исследования; под ред. И. Жеребкиной. – Ч. 2. СПб., 2001. – С. 784–798.
61. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. / Н. Б. Лебина. – СПб., 1999.

62. Лорбер, Дж. Пол как социальная категория / Дж. Лорбер // *Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия* / под ред. В. Успенской. – Тверь, 1999. – С. 14–22.

63. Лорбер, Дж. Принципы гендерного конструирования / Дж. Лорбер, С. Фаррелл // *Хрестоматия феминистских текстов*. – СПб., 2000. – С. 183–192.

64. Магнуссон Ш. Гендер, престиж профессии и зарплаты: проверка теории обесценивания / Ш. Магнуссон. – *EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW*. – 2009. – № 1.

65. Малышева, М. М. Современный патриархат: Социально-экономическое эссе / М. М. Малышева. – М., 2001.

66. Малышева, М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях / М. Малышева // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций* / под ред. М. Малышевой. – М., 2001. – С. 146–168.

67. Мельникова, Т. А. Включение гендерной системы в теорию общих систем / Т. А. Мельникова // *Проблемы общественного развития*. – М., 1998. – № 1–2.

68. Мендра, А. Мужчины и женщины / А. Мендра // *Основы социологии: учеб. пособие*. – М., 2000.

69. Мещеркина, Е. Введение в антологию мужской жизни / Е. Мещеркина // *Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования* / под ред. Семенов и др. – М., 1996.

70. Мещеркина, Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности / Е. Мещеркина // *Гендерные аспекты социальной трансформации* / под ред. М. Малышевой. – М., 1996.

71. Мещеркина, Е. Ю. Качественные методы в гендерной социологии / Е. Ю. Мещеркина // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций*. – М., 2001. – С. 169–187.

72. Мещеркина, Е. Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения / Е. Ю. Мещеркина // *Введение в гендерные исследования. Ч. 1.* / под ред. И. А. Жеребкина. – СПб., 2001. – С. 197–238.

73. Мещеркина, Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Е. Ю. Мещеркина // *Социс*. – 2002. – № 11.

74. Миллет, К. Теория сексуальной политики / К. Миллет // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 23–58.

75. Михель, Д. Тело в западной культуре / Д. Михель. – Саратов, 2000.

76. Насилие в семье: с чего начинается неблагополучие: науч.-метод. пособие. – М., 2000.

77. О благородстве и преимуществе женского пола: из истории женского вопроса в России / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. – СПб., 1997.

78. О мужественности: сб. науч. ст. / под ред. С. Жеребкина. – М., 2002.

79. О Муже(N)ственности / под ред С. Ушакина. – М., 2002.

80. Оукли, Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках / Э. Оукли // Введение в гендерные исследования / под ред. И. Жеребкиной. – Ч. 1. С. 336–364.

81. Прокопенко, М. Социологическая теория гендерной стратификации / М. Прокопенко // Современная теория феминизма / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков, 1998. – С. 145–179.

82. Поленина, С. В. Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин / С. В. Поленина. – М., 2005.

83. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990.

84. Пушкарева, Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук / Н. Пушкарева // Женщина. Гендер. Культура. – М., МЦГИ, 1999.

85. Ржаницина, Л. С. Гендерный бюджет / Л. С. Ржаницина. – М., 2002.

86. Риджуэй, С. Насколько легко социальное различие становится различием статусным? О значении гендера / С. Риджуэй, К. Бакор и др. // AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW.

87. Риан, А. Чаша и клинок (взгляд на историю сквозь призму взаимоотношений мужчины и женщины) / А. Риан. – М., 1993.

88. Римашевская, Н. М. и др. Окно в частную жизнь: супружеские пары в 1996 году / Н. М. Римашевская. – М., 1999.

89. Рубин, Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / Г. Рубин. – СПб., 2000. – С. 89–139.

90. Рубин, Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик / Г. Рубин // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. Ч. 2. – СПб., 2001. – С. 464–533.

91. Русский Эрос или Философия любви в России. – М., 1991.

92. Рюткенен, М. Гендер и литература: Проблема «женского письма» и «женского чтения» / М. Рюткенен // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 5–17.

93. Салменниemi, С. Гендерное равенство в скандинавских странах: случай Финляндии / С. Салменниemi // Женщины. История. Общество: сб. науч. ст. / под ред. В. Успенской. – Вып. 2. – Тверь, 2002.

94. Самарцева, О. К. Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса / О. К. Самарцева, Т. А. Фомина // Социс. – 2000. – № 11.

95. Силласте, Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория / Г. Г. Силласте // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 5–14.

96. Скотт, Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа / Дж. Скотт // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 142–171.

97. Смелзер, Н. Сексуальные роли и неравенство / Н. Смелзер // Н. Смелзер. – Социология ; пер. с англ. – М., 1994. – С. 328–360;

98. Смит, Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма / Д. Смит // Хрестоматия феминистских текстов. – СПб., 2000. – С. 29–63.

99. Соловьев, В. Смысл любви: Соч.: в 2 т. / В. Соловьев. – М., 1988. – Т. 2.

100. Социология пола и гендерных отношений // Социология / под ред. П. Д. Павленка. – М., 2002. – С. 258–276.

101. Степанова, Н. М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы / Н. М. Степанова // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 185–192.

102. Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. – М., 1996.

103. Табурова, С. К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев / С. К. Табурова // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 84–93.

104. Таннен, Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / Д. Таннен. – М., 1996.

105. Тартаковская И. Социология пола и семьи: курс лекций / И. Тартаковская. – Самара, 1997.

106. Теория и история феминизма / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков, 1998.

107. Тикнер, Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций / Дж. Э. Тикнер. – М., 2006.

108. Томпсон, Дж. Л. Социология: Вводный курс / Дж. Л. Томпсон, Дж. Пристли; пер. с англ. – М.: АСТ, 1998.

109. Утехин, И. В. О смысле включенного наблюдения повседневности / И. В. Утехин // История повседневности: сб. науч. работ. – СПб., 2003. – Вып. 3.

110. Уолцер, М. Гендер / М. Уолцер // О терпимости. – М. 2000. – С. 75–80.

111. Успенская, В. Феминистская критика современного социологического знания / В. Успенская // Женщины. История. Общество: сб. науч. ст. / под ред. В. Успенской. – Вып. 2. – Тверь, 2002. – С. 42–59.

112. Ушакин, С. Поле пола: в центре и по краям / С. Ушакин // Вопросы философии. – 1999. – № 5.

113. Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерманн // Хрестоматия феминистских текстов. – СПб., 2000. – С. 193–220.

114. Ушакова, Т. Ю. Проблемы гендерного равенства в условиях глобализации (политологический анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. Ю. Ушакова. – М., 2005.

115. Фофанова, К. В. Институционализация гендерных отношений в социальной сфере: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / К. В. Фофанова. – Саранск, 2006.

116. Фрейд, З. Лекция 33: Женственность / З. Фрейд // Лекции «Введение в психоанализ». С. 369–385.

117. Фромм, Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм. – М., 1998.
118. Фуко, М. История сексуальности – III. Забота о себе / М. Фуко. – М., 1998.
119. Фридан, Б. Загадка женственности / Б. Фридан. – М., 1994.
120. Хасбулатова, О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реальность / О. А. Хасбулатова. – Иваново, 2004.
121. Хорни, К. Недоверие между полами / К. Хорни // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14, № 5.
122. Хоткина, З. Гендерный подход к анализу рынка труда и занятости / З. Хоткина // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. – М., 2001. – С. 353–377.
123. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // Пол. Гендер. Культура. М., 1999. – С. 23–55.
124. Хубер, Дж. Теория гендерной стратификации / Дж. Хубер // Антология гендерных текстов. – Минск, 2000.
125. Хольмберг, К. Феминистская теория / К. Хольмберг, М. Линдхольм // Современная западная социология / под ред. П. Монсон. – СПб., 1992.
126. Шведова, Н. А. Просто о сложном: гендерное просвещение / Н. А. Шведова. М., 2002.
127. Шопенгауер А. Метафизика половой любви / А. Шопенгауер // Избранные произведения / сост. И. С. Нарский. – М.: Просвещение, 1992.
128. Экономика и социальная политика: гендерное измерение: курс лекций / под ред. М. Малышевой. – М., 2002.
129. Элиас, Н. Отношения между мужчиной и женщиной: изменение установки / Н. Элиас // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 103–127
130. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас ; пер. с нем. – М.: Праксис, 2001. – 331 с.
131. Ярская, В. Н. Не мужское это дело: Гендерный анализ занятости в социальной сфере / В. Н. Ярская, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 2002. – № 11.

Регулярные специализированные журналы, альманахи и выпуски научных сборников

1. Адам и Ева: Альманах гендерной истории / под ред. Л. Репиной. – М.

2. Женщина в российском обществе: научно-общественный журнал. – Иваново.

3. Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / гл. ред. И. Чикалова. – Минск.

4. Женщины. История. Общество: сб. науч. ст. / под ред. В. Успенской. – Тверь.

5. Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований / под ред. И. Чикаловой. – Минск.

6. Социальная история – 2002: Специальный выпуск, посвященный гендерной истории / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. – М.: РОССПЭН, 2002.

Содержание

Раздел 1. Гендерная социология в системе социологического знания	4
<i>Тема 1. Объект и предмет гендерологии</i>	<i>4</i>
<i>Тема 2. История развития гендерологии</i>	<i>5</i>
<i>Вопросы для самопроверки</i>	<i>16</i>
Раздел II. Понятийный аппарат гендерных исследований и его адаптация в социологии.....	17
<i>Тема 3. Отличие понятий «пол» и «гендер» в теориях социализации и социального конструирования.....</i>	<i>17</i>
<i>Тема 4. Понятие гендера в социологической теории коммуникации И. Гофмана. Социальное конструирование гендера в трудах Г. Гарфинкеля, П. Бергера, Т. Лукмана</i>	<i>28</i>
<i>Вопросы для самопроверки</i>	<i>35</i>
Раздел III. Методология гендерной социологии.....	36
<i>Тема 5. Структурный функционализм и гендер</i>	<i>36</i>
<i>Тема 6. Интерпретативная парадигма в социологии. Символический интеракционизм (М. Вебер, Дж. Морено, Дж. Мид). Феноменологическая социология А. Шютца. Этнометодология Г. Гарфинкеля</i>	<i>40</i>
<i>Тема 7. Объединительная парадигма в гендерных исследованиях (П. Бурдьё. Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, М. Ф. Лиотар, Йельская (США) школа деконструктивизма. М. Саруна, С. Сулейман, В. Вельш)</i>	<i>46</i>
<i>Тема 8. Идеи постмодернизма как основа гендерного подхода к анализу общественной жизни (Ж. Лакан, Ф. де Соссюр, Ю. Кристева)</i>	<i>51</i>
<i>Вопросы для самопроверки</i>	<i>60</i>
Раздел IV. Методы сбора и обработки информации в гендерных исследованиях.....	61

Тема 9. Дискуссия в социологии о методах гендерных исследований: количественные и качественные методы.....	61
Тема 10. Количественные методы в измерении позиции в иерархии доходов, благосостояния и власти	65
Тема 11. Интерпретативные методы в качественных исследованиях.....	74
Вопросы для самопроверки	85
Раздел V. Публичная сфера в гендерном исследовании.....	86
Тема 12. Официальная статистика о гендерном неравенстве в Российской Федерации	86
Тема 13. Традиционные и современные подходы к анализу проблем занятости женщин и мужчин на рынке труда	97
Тема 14. Основные методы анализа сотрудничества мужчин и женщин в сферах общественной жизнедеятельности.....	100
Вопросы для самопроверки	111
Раздел VI. Приватная сфера в гендерном исследовании	112
Тема 15. Повседневность и приватная сфера: зарубежные и отечественные исследования.....	112
Тема 16. Практика исследования семьи за рубежом и в России.....	120
Вопросы для самопроверки	131
Примерная тематика рефератов, курсовых и дипломных работ	132
Рекомендуемая литература.....	135
Регулярные специализированные журналы, альманахи и выпуски научных сборников	144

Учебное издание

Досина Наталья Викентьевна

**Гендерные
исследования
в социологии**

Учебное пособие

Редактор, корректор М. В. Никулина
Компьютерная верстка И. Н. Ивановой

Подписано в печать 14.01.10. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times New Roman".
Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 6,67.
Тираж 60 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано на ризографе.

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
150049, Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.

